

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год.**

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

4

2021

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer-reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

4

2021

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал.А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е.В. к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С. д.и.н., декан исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)
Валентей С.Д. д.э.н., профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)
Дынкин А.А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН (Москва, Россия)
Кокوشي А.А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М. академик РАН, руководитель научного направления "Математическая экономика" ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Торкунов А.В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О. д.э.н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Байсингер Марк Р. (Beisinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)
Буторина О.В. д.э.н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Войтоловский Ф.Г. д.полит.н., директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Габов А.В. д.ю.н., г.н.с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Гарбузов В.Н. д.и.н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)
Глинчикова А. Г. д.полит.н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)
Дискин И.Е. д.э.н., с.н.с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)
Кондаков И.В. д.филос.н., в.н.с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)
Либман А.М. (Libman) профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана (Мюнхен, Германия)
Наумкин В.В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)
Нестик Т.А. д.психол.н., г.н.с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Паин Э.А. д.полит.н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)
Петренко В.Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Порфирьев Б.Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Ремингтон Томас Фредерик (T. Remington) профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)
Синеокая Ю.В. д.филос.н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Тихонова Н.Е. д.социол.н., г.н.с. Института социологии РАН (Москва, Россия)
Фомин-Нилов Д.В. к.и.н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)
Хабриева Т.Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)
Чубарьян А.О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)
Яковлев А.А. к.э.н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала "Общественные науки и современность", 2021

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentye Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2021

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executer under the contract № 4V-ЭА-069-20 ООО «Integration: Education and Science» Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia. Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНОЛОГИИ

- Зенков А. Р., Удовенко И. П.** Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития 7
- Пантыкина М. И.** Соматические права человека в современных условиях технологической трансформации телесного бытия 20

ПАНДЕМИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

- Титов В.Н.** Возможности и ограничения социально-экономической адаптации в условиях коронакризиса 33
- Назаров М. М., Ковалев П. А.** Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления 49

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Оленченко В. А.** Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация 64
- Четверикова А. С.** Россия и Вишеградские страны: особенности взаимодействия 77
- Симонова М. В.** Ключевые коммуникативные стратегии создания образа иммигранта в медийном дискурсе Испании (на материале газеты El País) 91

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

- Воротникова Т. А.** Левые в Перу: долгий путь вверх 104
- Атанесян А. В., Челпанован Д. Д.** Фактор влияния постпротестных политических элит Армении на армяно-российские взаимоотношения: проблемы, возможности и риски 116

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Дискин И. Е.** Нация и легитимность 132

CONTENTS

HUMANS AND TECHNOLOGY

Zenkov A., Udovenko I. Human Capital for a New Technological Paradigm: Trajectories of Formation and Development 7

Pantykina M. Somatic Human Rights in the Conditions of Technological Transformation of Body Existence 20

THE PANDEMIC AND ITS IMPACT

Titov V. Opportunities and Limitations of Socio-economic Adaptation in the Coronavirus Crisis 33

Nazarov M., Kovalev P. The Pandemic and Long-Term Media Consumption Trends 49

EUROPEAN STUDIES

Olenchenko V. The Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Their Anti-Russian Orientation 64

Chetverikova A. Russia and the Visegrad Countries: Features of Interactions 77

Simonova M. Key Communication Strategies of Creating the Image of an Immigrant in the Spanish Media Discourse (on the Publications of El País) 91

PARTY AND POLITICAL SYSTEMS

Vorotnikova T. The Left in Peru: A Long Way to the Top 104

Atanesyan A., Chelpanova D. The Factor of Influence of Armenia's Post-Protest Political Elites on Armenian-Russian Relations: Problems, Opportunities And Risks 116

POINT OF VIEW

Diskin I. Nation And Legitimacy 132

DOI: 10.31857/S086904990015966-4

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНОЛОГИИ HUMANS AND TECHNOLOGY

Оригинальная статья / Original Article

Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития¹

© А.Р. ЗЕНКОВ

© И.П. УДОВЕНКО

Зенков Алексей Рудольфович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), kungfu@inbox.ru

Удовенко Илья Петрович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), udovenkoIP@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует проблемы и перспективы развития человеческого капитала, которые связаны со сменой технологического уклада. Усиление экономической конкуренции приводит к повсеместному повышению требований к квалификации рабочей силы при одновременном сокращении спроса на труд. Востребованными становятся работники с иными, нежели в индустриальной экономике, компетенцией и балансом «мягких» и «жестких» навыков. Неопределенность в выборе путей профессионального развития в данных обстоятельствах препятствует формированию человеческого капитала, что характерно как для развитых, так и развивающихся стран. Россию данная тенденция также не обошла. Ситуацию усложняет отсутствие согласованных позиций участников социально-трудовых отношений по вопросам профессиональной стандартизации, организации профессионального образования и подготовки. Указанные проблемы детерминированы как объективными процессами (прохождением стадии инновационного скачка), так и формально-организационными основаниями, которые обусловлены особенностями функционирования сферы профессионального образования. Авторы анализируют возможные пути выхода из кризисной ситуации. В частности, в статье рассматриваются инициативы по развитию неформального образования, которые включают в себя экосистемы раз-

¹ Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научного-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). Acknowledgements. The article was prepared within the project “The Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

вития талантов и платформы квалификационных ориентиров, корпоративные университеты, некоторые локальные решения и практики.

Ключевые слова: человеческий капитал, профессиональное образование, профессиональная подготовка, занятость, квалификационная яма, кадровый разрыв, неформальное образование, экосистемы развития талантов, цифровизация, автоматизация, новый технологический уклад.

Цитирование: Зенков А.Р., Удовенко И.П. (2021) Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 7–19. DOI: 10.31857/S086904990015966-4

Human Capital for a New Technological Paradigm: Trajectories of Formation and Development

© A. ZENKOV
© I. UDOVENKO

Alexey R. Zenkov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kungfu@inbox.ru

Илья Р. Удовенко, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), UdoenkoIP@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems and prospects of human capital development associated with the change of technological structure. Increased economic competition leads to a widespread increase in qualification requirements of the labor force, while reducing the demand for labor. Employees with different competencies and a balance of "soft" and "hard" skills are becoming more in demand than in the industrial economy. Uncertainty in the choice of professional development paths in these circumstances hinders the formation of human capital, which is typical for both developed and developing countries. Russia is no exception. The lack of coordinated positions of social and labor relations participants on issues of professional standardization, organization of vocational education and training adds to the complexity. The emerging problems are determined both by objective processes (passing the stage of an innovative leap), and by formal and organizational grounds due to the peculiarities of the functioning of the sphere of professional education. The authors analyze possible ways out of the current crisis. Initiatives related to the development of non-formal education are being studied, including talent development ecosystems and qualification reference platforms, corporate universities, some local solutions and practices.

Keywords: human capital, vocational education, vocational training, employment, qualification pit, personnel gap, non-formal education, talent development ecosystems, digitalization, skills gap, new skills mismatch way.

Citation: Zenkov A., Udovenko I. (2021) Human Capital for a New Technological Paradigm: Trajectories of Formation and Development. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–19. DOI: 10.31857/S086904990015966-4 (In Russ.)

Нельзя назвать новым тезис о том, что человеческий капитал служит одним из основных факторов экономического роста, стимулом инновационно-технологического развития и значимым условием социального благополучия. В академическом и в экспертном дискурсах, в практике выработки управленческих решений он закрепился достаточно давно и прочно. Свои истоки данная концепция берет в работах А. Смита, У. Петти, Д. Рикардо, однако ее комплексная разработка и выделение в самостоятельную область научного исследования начались лишь со второй половины XX века [Schultz 1961; Denison 1962; Becker 1964; Lucas 1988].

Научно-технический прогресс того периода вызвал рост инноваций всех производственных процессов, что особенно ярко выделило роль и значимость квалификации работника в технологически емком производстве и высококонкурентной среде. Способности отдельно взятой личности начали рассматривать как самостоятельный актив, который в сравнении с традиционными факторами производства (земли, труда и капитала) обеспечивал более высокую отдачу, причем как для самого индивида (в виде большей заработной платы, социального статуса), так и для других сторон социально-трудовых отношений – работодателей (квалифицированная рабочая сила, *большая* адаптивность компаний к изменениям), государства (более эгалитарное общество, снижение рисков социальных конфликтов, перспективы сохранения власти), общества в целом (благоприятный социальный климат, возможности развития). Данная тенденция и обусловила интерес к инвестициям в человеческий капитал.

В настоящее время в обобщенном виде под человеческим капиталом понимают совокупность «знаний, навыков, умений и других качеств, воплощенных в людях и способствующих обеспечению их личного, социального и экономического благополучия» [OECD 2001,18].

Ключевую роль в формировании человеческого капитала играют образование и здравоохранение. В настоящей статье основное внимание авторы уделяют особенностям развития человеческого капитала через призму образования. Данный ракурс был выбран неслучайно. В структуре современных обществ происходят стремительные изменения. В значительной мере они обусловлены переходом человечества к новому технологическому и социальному укладу, фундаментальными сдвигами в экономике и на рынке труда. Образованию, в первую очередь профессиональному, предстоит сыграть важную роль в указанных процессах – с одной стороны, снабдить тех, кто только готовится к трудовой деятельности, актуальными и востребованными знаниями, умениями и навыками, с другой – помочь уже работающим успешно встроиться в быстро меняющуюся социальную реальность. Однако достаточно ли у современной системы профессионального образования ресурсов для решения поставленных задач? Есть ли резервы для роста, и как они могут быть мобилизованы? На эти и некоторые другие вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье.

Особенности развития человеческого капитала в новых социально-экономических условиях

Возможности социальной мобильности посредством профессионального образования снижаются, что характеризуется появлением ряда взаимно детерминированных эффектов. Данные эффекты в литературе объединены в понятия «кадровых разрывов» (*skills mismatch*) [Green 2013] и «квалификационных ям» (*skills gap*) [Cappelli 2012]. Обе категории определяют проблему несоответствия требуемой и наличной квалификации работников на рынке труда, которое возникает из-за технологической трансформации экономики.

С одной стороны, автоматизация производственных процессов, внедрение цифровых и иных решений, которые снижают количество рутинных задач и одновременно увеличивают количество сложных операций, создает запрос на растущие знания и умения. С другой стороны, входной барьер в сферу квалифицированного труда повышается и удовлетворить новые требования становится все труднее. Растущая автоматизация производственных операций приводит к кардинальному снижению спроса на труд в реальном секторе, так как в первую очередь сокращаются наиболее массовые рабочие места. Исчезновение таких рабочих мест не может быть компенсировано появляющимися вакансиями в новой малолюдной экономике [Садовая 2019, 26].

Усиление «кадровых разрывов» и углубление «квалификационных ям» имеет институциональные и социальные детерминанты. В современном высокотехнологичном производстве решение значимых задач передается специалистам, которые зачастую не работают в компаниях-заказчиках. Утрата характерной для индустриальной экономики преемственности, в условиях которой наиболее целеустремленные и талантливые «синие воротнички» со временем дорастали до «белых», усложняет формирование человеческого капитала.

Изменилась и внешняя среда. Рост объема работы, которая не требует квалификации, а только базовых навыков компьютерной и медиаграмотности, снижает мотивацию приобретать сложные профессиональные навыки. Люди вовлекаются в новые формы неустойчивой занятости (блогинг, майнинг криптовалют) из-за того, что вероятность получения высоких доходов после завершения профессионального образования становится все ниже. Молодые люди оценивают свои перспективы и видят, что значительная часть их сверстников оказывается в «ловушке», включаясь в гонку за престижной и высококвалифицированной работой и получая соответствующее образование. Они попадают в «квалификационные ямы», не могут ни трудоустроиться по полученной специальности, ни как-либо иначе реализовать свой потенциал. Отдача от индивидуальных инвестиций в образование в этих случаях снижается, а полученные дипломы и сертификаты не успевают окупиться, что не только сказывается на жизненных перспективах выпускников, но и усиливает долговую нагрузку домохозяйств. «Жертвами» «квалификационных ям» на мировом уровне уже стали 62% работников. Для стран ОЭСР в 2016 г. (наиболее свежие данные из доступных открытых источников – А.З., И.У.) этот показатель составлял почти треть занятых (32,2%) (рис. 1).

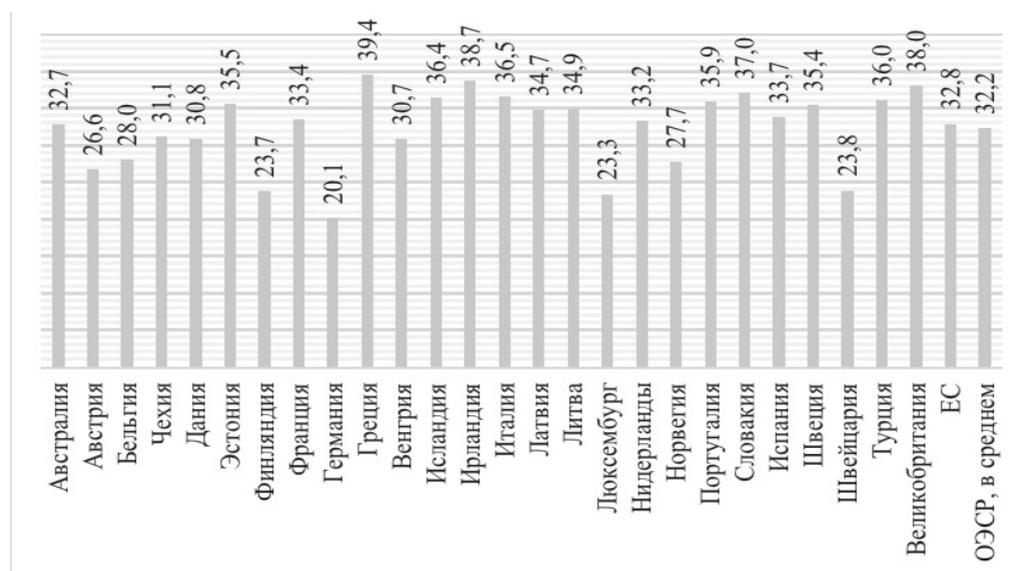

Рисунок 1. Доля работающих не по специальности в 2016 г., в % от общей численности трудоспособного населения (15-64 лет).

Figure 1. The share of people working outside their specialty in 2016, in percentage of the total working-age population (15-64 years old).

Источник: составлено авторами по данным ОЭСР [OECD.Stat 2021].
 Source: composed by the authors based on OECD data [OECD.Stat 2021].

«Квалификационные ямы» стали значимой проблемой и для работодателей. Найм работников с избыточной квалификацией девальвирует человеческий капитал. В условиях не востребоваемости навыки и знания работника устаревают. Между тем запрос на профессиональное развитие в соответствии с высокой квалификацией сохраняется. В результате снижается работоспособность таких сотрудников, а также ухудшаются позиции трудоустроивших их фирм. Последние лишаются возможности создавать дополнительную стоимость за счет более эффективного и рационального использования человеческих ресурсов, что требует привлечения дополнительных финансовых средств для переподготовки или переобучения работников, увеличивает временные затраты. Только за последние несколько лет продолжительность краткосрочной переподготовки в компаниях возросла более чем в 10 раз: в среднем с 3 до 36 дней. Для среднесрочных программ показатель увеличился вдвое – с 6 до 12 месяцев [The enterprise guide...2019].

Необходимо отметить, что рост издержек связан не столько с избыточностью квалификации работников, сколько с ее несоответствием возрастающим потребностям рынка из-за технологической трансформации. Даже на фоне беспрецедентных всплесков безработицы на фоне распространения COVID-19 83% работодателей США в 2020 г. испытывали большие сложности при поиске и найме подходящих кадров из-за того, что на рынке труда нет специалистов с необходимой для них компетенцией [The Skills Gap 2019]. На мировом уровне с похожими проблемами сталкивается до половины компаний. «Кадровые разрывы» и «квалификационные ямы» обходятся мировой экономике в среднем в 5–8 трлн долл. США недополученных доходов, что равнозначно снижению мировой производительности труда на 6% [Hoteit, Perapechka, El Hachem, Stepanenko 2020^a]. По данным прогнозов, в скором времени потери могут приблизиться к отметке в 18 трлн долл. США [Hoteit, Perapechka, El Hachem, Stepanenko 2020^b].

Государства также несут дополнительные издержки из-за недостатка или избытка квалификации рабочей силы (рис. 2). Во-первых, в большинстве стран из государственных бюджетов продолжается финансирование обучения специалистов, чьи навыки и компетенции больше не востребованы или находятся в избытке на рынке труда. Во-вторых, из-за недостатка необходимой рабочей силы удлиняются сроки выполнения приоритетных программ развития, что также приводит к экономическим и репутационным потерям. Как следствие, правительства (в первую очередь развитых стран) на перманентной основе вынуждены регуляторно воздействовать на сферу профессионального образования.

В странах с развитой правовой регламентацией возникает гонка опережающей стандартизации, поскольку профессиональные стандарты должны разрабатываться с учетом перспективы и опережением рыночной конъюнктуры. В реальности происходит по-другому. Технические навыки устаревают за 2-4 года, одновременно система образования работает в прежнем ритме, и на обучение специалиста уходит от 4 до 6 лет. В результате работников готовят по устаревшим и устаревающим критериям востребованности. Отставание в разработке профессиональных стандартов также приводит к выпадению из зоны формального регулирования новых видов профессиональной деятельности. Одновременно работодатели пересматривают требования к работникам по своему усмотрению.

Без ответа остается и вопрос о высоких рейтингах и индексах ряда ведущих мировых высших учебных заведений, которые не имеют соответствующего рынка труда для своих выпускников, но ежегодно повышают стоимость обучения. Утрата экономикой развитых стран рыночного решения в сфере профессионального образования приводит к сжиганию человеческого капитала. Граждане, бизнес и правительства не хотят нести возрастающие риски инвестиций, которые не приведут к росту потенциальных доходов.

Рисунок 2. Доля работников с недостаточной или избыточной квалификацией в 2016 г., % от общей численности трудоспособного населения (15-64 лет).

Figure 2. The share of workers with insufficient or excess skills in 2016, percentage of the total working-age population (15-64 years old).

Источник: составлено авторами по данным ОЭСР [OECD.Stat 2021].

Source: composed by the authors based on OECD data [OECD.Stat 2021].

Возможные способы и пространства развития человеческого капитала

Столь принципиальные изменения в формировании человеческого капитала стимулируют к разработке новых, но пока еще слабо структурированных решений, которые имеют характер ситуативного реагирования.

Среди вариантов будущего развития образования эксперты уже рассматривают сценарий «отмены школы» как базовой ступени профессионального образования. Пример «финской системы» общего и высшего образования с несколькими педагогами в классе, без квалификационных экзаменов и со свободным выбором дисциплин свидетельствует о постепенном закреплении за образовательными учреждениями роли социальных объектов, которые обеспечивают безопасное пребывание детей в гармоничной и развивающей среде [OECD 2020]. Вместе с тем, по мере снижения роли школы в подготовке детей к трудовой карьере, государственные ресурсы, которые ранее направлялись на школьную инфраструктуру, высвобождаются для иных целей – сопровождения раннего развития, воспитания, реабилитации и оздоровления учащихся.

В настоящее время продолжается поиск ответа на вопрос о том, как должен формироваться человеческий капитал без единой базовой основы. В качестве решения часто предлагают расширить практики неформального образования, которые направлены на выявление и акселерацию талантов. В отличие от классических моделей обучения, неформальное образование позволяет быстрее отвечать на локальные кадровые вызовы, в первую очередь инновационно-технологического характера.

Нередко неформальное образование дополняет традиционный учебный процесс. Проиллюстрировать данную тенденцию может правительственная инициатива Нидерландов «Все возможности для каждого ребенка». В рамках данной программы государство финансирует так называемые общественные школы – организации, которые сочетают в себе элементы образовательных учреждений, центров общественной занятости и социальных служб. Обучение в таких заведениях дополняется общественно-полезной деятельностью, оказанием социальных услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья, помощью семьям в воспитании детей.

Иное направление развития представляют модели сопровождения молодых людей от школ к вузам и рабочим местам. Выстраивание индивидуализированных треков обучения, повышение его «прицельности» позволяет направлять молодежь в те секторы экономики, где еще есть резервы для роста. На уровне высшей школы распространяются практики междисциплинарного и проектного обучения – программы, которые позволяют ученикам знакомиться с базовым содержанием непрофильных дисциплин и учиться в процессе решения реальных трудовых задач.

Для развития неформального обучения необходимо создать систему ориентиров, которые будут актуализироваться практически в режиме реального времени. Выполнить данную задачу помогают *цифровые технологии*. Здесь можно выделить: обучающие программы на базе искусственного интеллекта (ИИ), когнитивное и роботизированное обучение, курсы повышения цифровой и медиаграмотности. При комплексном применении такие продукты позволяют выстраивать полностью индивидуализированные модели обучения в соответствии с конкретными целями и задачами их участников.

В рамках данного направления в Европейском союзе недавно была начата 7-летняя программа повышения квалификации работников [European Commission 2021]. Она должна решить две задачи: развитие эффективных цифровых образовательных экосистем, а также повышение навыков и компетенций для поддержки цифровой трансформации европейского сообщества.

Все же главный интерес по-прежнему проявляют работодатели и реальное производство (они же остаются основной средой формирования человеческого капитала). Переход от конвейера на основе производственного обучения к нетворкинговым платформам актуализирует разработку новых методов для развития навыков и умений работников. Побудительным мотивом данного процесса становится стремление крупных работодателей развивать более гибких, адаптивных и ценных сотрудников [Schrage, Schwartz, Jones, Kiron, Buckley 2020]. Такие целевые инвестиции становятся одним из организационных принципов обучения внутри большинства компаний-лидеров высокотехнологичной экономики. Внутрифирменная профессиональная подготовка в таких случаях обеспечивает не только их рыночную капитализацию, но и выступает инструментом удержания ценных работников – зачастую даже более сильным, чем вознаграждение за труд.

Данную работу организуют специальные подразделения компаний – корпоративные университеты. Верхние позиции рейтингов подобных структур занимают институции с более чем полувековой историей (*GE's Crotonville, Disney University*), а также университеты ведущих консалтинговых, технологических и производственных корпораций (*Deloitte University, Apple University, Boeing Leadership Center*). По состоянию на 2015 год в мире насчитывалось уже свыше 4000 таких университетов [Len, Newhouse 2019].

В некоторых компаниях для разработки программ развития работников (таких, как «профиль карьеры», «скиллинг стратегии») активно применяют технологии ИИ. Они помогают выявлять навыки, которые станут ключевыми для успеха на всем «жизненном цикле» конкретного сотрудника: на стадии адаптации, формирования команды обучения, дальнейшего карьерного сопровождения, переподготовки и повышения квали-

фикации. В топ-менеджменте *Schneider Electric*, например, для этих целей даже выделена отдельная позиция вице-президента по «оцифровке талантов».

Одновременно большинство крупных работодателей понимают ограничения даже наиболее передовых технологических решений, которые сами по себе не смогут сформировать у работников навыки выполнения творческих или нестандартных задач, востребованные в условиях становления нового технологического уклада. Вдобавок к этому, разные возможности в получении профессионального образования как стартовой позиции для дальнейшего развития в компаниях существенно сокращают круг потенциальных кандидатов [Jackson, Goger 2020].

В данных условиях корпоративные экосистемы должны преодолевать ригидность – смягчать требования при найме на работу. В зависимости от типов экосистем, указанную задачу можно решать, расширяя целевую группу потенциальных кандидатов и усложняя профессиональную и личностную диагностику, или через углубление поиска необходимых кадров, например, с помощью включения в орбиту корпоративного обучения отдельных ступеней общего среднего образования. Работодатели активно включаются в образовательный процесс, предлагая в качестве площадок для обучения свою производственную инфраструктуру, параллельно отбирая учащихся для формирования кадровых резервов.

Продолжая «войну за таланты» [Майклз, Хэндфилд-Джонс и др. 2005], лидеры высокотехнологической экономики отмечают, что для формирования «новых воротничков»² необходимо кардинально перестроить всю систему профессионального образования. Чтобы данный процесс завершился успехом, в нем должны участвовать все заинтересованные стороны.

Так, аналитики *IBM* считают, что разработчики технологий ИИ обязаны проходить междисциплинарную подготовку сроком в пять лет [IBM 2019], для работы на производственных площадках в *Lockheed Martin* формируют запрос на вакансии с общим техническим образованием в три года [Lockheed Martin 2021]. Такие выводы экспертов двух мировых корпораций свидетельствуют о высокой степени рациональности советской системы профессионального образования, которая состояла из ступеней среднего специального и высшего образования. Во многом с «советской моделью» формирования человеческого капитала созвучно и решение, к которому приходят сегодня инициаторы безуглеродного проекта в США – вовлечение профессиональных сообществ в процесс массовой перекалфикации работников под нужды нового производства.

Проблемы, точки роста и перспективы развития человеческого капитала в России

Описанные выше сложности формирования человеческого капитала в полной мере характерны и для современной России. Влияние массовой декалфикации работников советской экономики сохраняется и по сей день, препятствуя формированию востребованного человеческого капитала.

Так, еще до пандемического кризиса, в 2019 г. среди населения РФ в возрасте 25–64 лет с высшим образованием лишь у каждого третьего были оформлены трудовые отношения. Значительная доля трудоспособного населения занята в «теневом секторе», что не позволяет однозначно определить параметры национального человеческого капитала. Согласно данным опросов, 47% россиян в 2020 г. не работали по специальности. Чаще всего в качестве причины респонденты указывали на отсутствие работы по профессии [Большая зарплата или... 2019].

² Работники с оптимальным балансом технических и «мягких» навыков, которые необходимы для деятельности в условиях современной индустрии высоких технологий. Упомянутый баланс формируется через нетрадиционные пути образования.

Одним из негативных последствий пандемии COVID-19 по итогам 2020 г. стало сокращение численности занятых в России на 1,65 млн человек. Один миллион из них составили работники в возрасте до 30 лет, что оказалось рекордом как минимум за последние 12 лет [Удар по молодежи...2021]. Данный факт говорит об особой уязвимости молодых российских работников, которым становится все сложнее пройти через этап первичной реализации своего человеческого капитала. Численность безработных выпускников средних профессиональных и высших образовательных учреждений растет. Только за последние несколько лет прирост по данным группам составил в среднем около 7,3% (рис.3). Кроме того, актуальной остается проблема оттока высококвалифицированных кадров за рубеж.

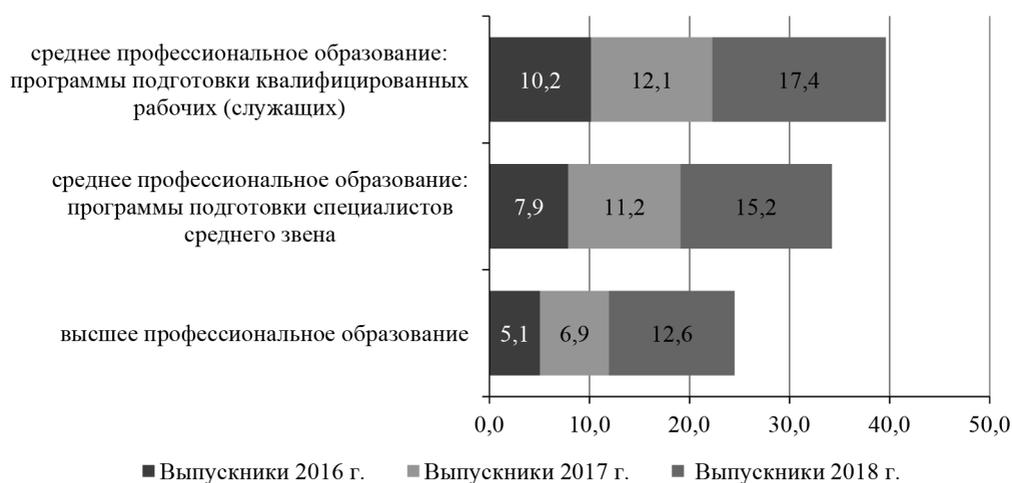

Рисунок 3. Безработица выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования 2016–2018 гг. выпуска в Российской Федерации.

Figure 3. Unemployment of 2016–2018 graduates of the educational institutions of higher and secondary vocational education in the Russian Federation.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [Росстат 2021].

Source: composed by the authors based on Rosstat data [Rosstat 2021].

Вместе с тем есть основания и для сдержанного оптимизма. Россия находится в фарватере общемировых тенденций и уже имеет точки роста человеческого капитала. Центральным проектом по разработке новой модели неформального образования можно назвать образовательный центр «Сириус» [Сириус 2021]. Данный проект отличается ориентацией на интеллектуальное, социально-экономическое и технологическое развитие не просто отдельной территории, а всей страны в целом. Предполагается, что по примеру «Сириуса», который выступает в качестве «флагманской» модели, во всех субъектах Российской Федерации создадут схожие региональные площадки для работы с молодыми людьми. В данном смысле «Сириус» выходит за концептуальные рамки стандартного по международным меркам проекта талантов. Все большее распространение получают детские технопарки, где школьники могут не только узнать о тех или иных научных направлениях, но и опробовать себя в роли исследователей, зачастую решая вполне «взрослые» производственные задачи.

В системе среднего образования развиваются предуниверситарии – школы, которые обеспечивают целевую подготовку абитуриентов для поступления в ВУЗы. Одной из действенных практик, которая впитала в себя опыт по созданию кадровой основы для атомного проекта СССР, можно назвать систему формирования человеческого капитала госкорпорации «Росатом». Она позволяет искать и развивать таланты уже с 6-го класса школы за счет взаимодействия с учебными заведениями, локализованными на территории ее присутствия – в том числе с базовыми общеобразовательными школами.

Профильные органы власти вместе с работодателями разрабатывают новые профессиональные стандарты и квалификации, которые станут формальной основой для сокращения «квалификационных разрывов». Однако, чтобы решать задачи повышения эффективности и масштабирования конструктивных практик развития человеческого капитала, необходимо четко расставить стратегические приоритеты.

Создание конвенциональной основы управления человеческим капиталом представляется рациональным шагом. Обеспечить прозрачность в развитии и оценке квалификации работника можно при социальном партнерстве субъектов, которые участвуют в этом процессе, в первую очередь кадровых специалистов и доверенных представителей коллектива компании. Именно двусторонние соглашения с четко разработанной мотивацией для мастеров своего дела, которые имеют соответствующие способности и готовы быть наставниками для молодых специалистов, могут стать основой для развития человеческого капитала.

Роль педагога-наставника и в учебной, и в производственной среде остается ключевой. Даже при самых прогрессивных технологиях пока нельзя предвидеть кто из учеников или молодых специалистов станет новатором и эффективным работником. Талантливые педагоги и наставники распознают одаренность человека и помогают раскрыть его потенциал, вкладывают в него свою энергию и знания. Снижение престижа преподавательской профессии, самый низкий уровень ЕГЭ для зачисления в профильные педагогические образовательные учреждения и практическое отсутствие системы подготовки «новых» мастеров производственного обучения становятся прямыми угрозами для формирования человеческого капитала. Тем не менее, данную задачу можно решить с помощью концентрации соответствующих ресурсов.

* * *

Изменения экономики и социальной сферы в дальнейшем продолжат трансформировать образование как один из ключевых институтов развития человеческого капитала. Рассмотренные в статье проблемы рассинхронизации образования с рынком труда в связи со сменой технологического уклада требуют выработки комплексной и нестандартной стратегии. Большинство мер, которые используют в мировой практике для повышения эффективности системы образования и развития человеческого капитала, можно назвать востребованными и в ряде случаев экономически выгодными, но пока они остаются точечными решениями.

Взвешенная политика с фокусом на развитие человеческого капитала в условиях неопределенности может иметь целеполагание сохранения и совершенствования адаптивной образовательной инфраструктуры, способной в дальнейшем удовлетворить кадровые потребности экономики. Наметившиеся черты квалификационного профиля «новых воротничков» свидетельствуют об усилении спроса на работников, в первую очередь, с развитыми «мягкими» навыками, а во вторую – с качественным базовым профессиональным образованием. Напротив, политика, которая не создает условия для единства педагогического процесса с сочетанием *обучения, воспитания и образования*, неравная «война за таланты» может обернуться серьезными потерями как с точки зрения перспектив развития человеческого капитала, так и с позиции ослабления общественной консоли-

дации. Каждый человек имеет неотъемлемое право на приобретение человеческого капитала. Данное право также можно назвать условием для полноценного развития личности.

Необходимо возродить отечественную школу профессиональной и социальной педагогики, которая станет основой для появления специалистов, способных разрабатывать и воплощать актуальные программы подготовки будущих и уже занятых в экономике работников. Как наличие отраслей станко- и приборостроения считается индикатором экономического потенциала страны, так и система подготовки кадров для работы с новыми технологиями может выступать центральным критерием эффективности деятельности всей социальной сферы. Разработка модели комплексного управления системой формирования и развития человеческого капитала представляется не только важнейшей политико-управленческой задачей, но и перспективной областью для дальнейших научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большая зарплата или работа по специальности? (2019) ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/bolshaya-zarplata-ili-rabota-po-speczialnosti>).
- Майклз Э. Хэндфилд-Джонс Х. и др. (2005) *Война за таланты*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 288 с.
- Общая информация (2021). Образовательный центр «Сириус». (<https://sochisirius.ru/o-siriuse/obschaja-informatsija>).
- Садовая Е.С. (2019) Профессиональное образование в постиндустриальной экономике // *Международная торговля и торговая политика*. № 3. С. 19-33.
- Удар по молодежи: российский рынок труда лишился более миллиона молодых работников (2021). Пресс-релиз. Finexpertiza. (https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/udar-po-molodezhi/?sphrase_id=26468).
- Уровень безработицы выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования 2016–2018 гг. выпуска (2021). Росстат. (<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vps8.xlsx>).
- (IBM 2019) *The Enterprise Guide to Closing the Skills Gap. Research insights*. IBM Institute for Business Value. (<https://www.ibm.com/downloads/cas/EPYMNBJA>).
- (Lockheed Martin 2021) *Sustainability at Lockheed Martin. Talent Recruitment*. (<https://sustainability.lockheedmartin.com/sustainability/core-issues/employee-wellbeing/talent-recruitment/>).
- Becker G. (1964) *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd Ed. Ch.: University of Chicago Press. (https://www.academia.edu/35396287/HUMAN_CAPITAL_A_Theoretical_and_Empirical_Analysis_with_Special_Reference_to_Education_THIRD_EDITION).
- Cappelli P. (2012) *Why Good People Can't Get Jobs: The Skills Gap and What Companies Do About It*. Phl.: Wharton Digital Press.
- Denison E. (1962) *The Sources of Economic Growth in the US and Alternative Before US*. N.Y.: Committee for Economic Development. 297 p.
- European Commission (2021) *Digital Education Action Plan (2021-2027)*. (https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en).
- Green F. (2013). *Skills and Skilled Work: An Economic and Social Analysis*. Ox.: Oxford University Press. 240 p.
- Hoteit L., Perapechka S., El Hachem M., Stepanenko A. (2020*) *Alleviating the Heavy Toll of the Global Skills Mismatch*. BCG. 15 December 2020. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/alleviating-the-heavy-toll-of-the-global-skills-mismatch>).
- Hoteit L., Perapechka S., El Hachem M., Stepanenko A. (2020°) *Governments Must Fix the Skills Mismatch for a Post-COVID World*. BCG. 18 May 2020. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/governments-must-fix-skill-mismatch-post-covid>).
- Jackson L., Goger A. (2020) *The Labor Market Doesn't Have a 'Skills Gap' – It Has an Opportunity Gap*. Brookings. (<https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2020/09/09/the-labor-market-doesnt-have-a-skills-gap-it-has-an-opportunity-gap/>).
- Len M., Newhouse M. (2019). *Corporate Universities – Strategic Organizational Learning*. Inspirant Group. May 2019. (https://www.researchgate.net/publication/339004075_Corporate_Universities_-_Strategic_Organizational_Learning).

Lucas R. (1988) On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economic*. Vol.22. No. 1, P. 3-42 (<https://www.parisschoolofeconomics.eu/docs/darcillon-thibault/lucasmechanicseconomicgrowth.pdf>).

OECD (2001) *The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital*. Centre for Educational Research and Innovation. (<https://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf>).

OECD (2020) *Back to the Future of Education: Four OECD Scenarios for Schooling*, Educational Research and Innovation. P.: OECD Publishing. (<https://www.oecd-ilibrary.org/sites/178ef527-en/index.html?itemId=/content/publication/178ef527-en>).

OECD. Stat (2021) Mismatch. (<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MISMATCH#>).

Schrage M., Schwartz J., Jones R., Kiron D., Buckley N. (2020) *Opportunity Marketplaces*. Deloitte. 28 April 2020. (<https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/technology-and-the-future-of-work/importance-of-investing-in-employees.html>).

Schultz T. (1961) Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. P. 1-17. (<https://www.ssc.wisc.edu/~walker/wp/wp-content/uploads/2012/04/schultz61.pdf>).

The Global Skills Shortage (2019). Society for Human Resource Management. (<https://www.shrm.org/hr-today/trends-and-forecasting/research-and-surveys/Documents/SHRM%20Skills%20Gap%202019.pdf>).

REFERENCES

(IBM 2019) *The Enterprise Guide to Closing the Skills Gap*. Research insights. IBM Institute for Business Value. (<https://www.ibm.com/downloads/cas/EPYMNBJA>).

(Lockheed Martin 2021) *Sustainability at Lockheed Martin*. Talent Recruitment (<https://sustainability.lockheedmartin.com/sustainability/core-issues/employee-wellbeing/talent-recruitment/>).

Becker G. (1964) *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd Ed. Chicago: University of Chicago Press. (https://www.academia.edu/35396287/HUMAN_CAPITAL_A_Theoretical_and_Empirical_Analysis_with_Special_Reference_to_Education_THIRD_EDITION).

Bol'shaya zarplata ili rabota po spetsial'nosti? [Big Salary or Professional job?] (2019). VCIOM. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaya-zarplata-ili-rabota-po-speczialnosti->

Cappelli P. (2012) *Why Good People Can't Get Jobs: The Skills Gap and What Companies Do About It*. Philadelphia: Wharton Digital Press.

Denison E. (1962) *The Sources of Economic Growth in the US and Alternative Before US*. N.Y., 297 p.

European Commission (2021) *Digital Education Action Plan (2021-2027)*. (https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en).

Green F. (2013) *Skills and Skilled Work: An Economic and Social Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 240 p.

Hoteit L., Perapechka S., El Hachem M., Stepanenko A. (2020^a) *Alleviating the Heavy Toll of the Global Skills Mismatch*. BCG. 15 December 2020. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/alleviating-the-heavy-toll-of-the-global-skills-mismatch>).

Hoteit L., Perapechka S., El Hachem M., Stepanenko A. (2020^b) *Governments Must Fix the Skills Mismatch for a Post-COVID World*. BCG. 18 May 2020. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/governments-must-fix-skill-mismatch-post-covid>).

Jackson L., Goger A. (2020) *The Labor Market Doesn't Have a 'Skills Gap' – It Has an Opportunity Gap*. Brookings. (<https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2020/09/09/the-labor-market-doesnt-have-a-skills-gap-it-has-an-opportunity-gap/>).

Len M., Newhouse M. (2019). *Corporate Universities – Strategic Organizational Learning*. Inspirant Group. May 2019. (https://www.researchgate.net/publication/339004075_Corporate_Universities_-_Strategic_Organizational_Learning).

Lucas R. (1988) On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economic*. vol. 22, no. 1, pp. 3-42. (<https://www.parisschoolofeconomics.eu/docs/darcillon-thibault/lucasmechanicseconomicgrowth.pdf>).

Michaels Ed, Handfield-Jones H. et al. (2005) *Voyna za talanty* [The War for Talent]. Moscow: Mann, Ivanov, Farber, 288 p.

Obshchaya informatsiya [General information] (2021). Educational center Sirius. (<https://sochisirius.ru/o-siriuse/obschaja-informatsija>).

OECD (2001) *The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital*. Centre for Educational Research and Innovation. (<https://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf>).

OECD (2020) *Back to the Future of Education: Four OECD Scenarios for Schooling, Educational Research and Innovation*. Paris: OECD Publishing. (<https://www.oecd-ilibrary.org/sites/178ef527-en/index.html?itemId=/content/publication/178ef527-en>).

OECD.Stat (2021) Mismatch (<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MISMATCH#>).

Sadovaya E.S. (2019) Professional'noe obrazovanie v postindustrial'noi ehkonomie [Professional Education in The Post-Industrial Economy: Challenges of Digital Transformation]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, no. 3. pp.19-33.

Schrage M., Schwartz J., Jones R., Kiron D., Buckley N. (2020) *Opportunity Marketplaces*. Deloitte. 28 April 2020. (<https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/technology-and-the-future-of-work/importance-of-investing-in-employees.html>).

Schultz T. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. vol. 51, no. 1, pp. 1-17. (<https://www.ssc.wisc.edu/~walker/wp/wp-content/uploads/2012/04/schultz61.pdf>).

The Global Skills Shortage (2019). Society for Human Resource Management. (<https://www.shrm.org/hr-today/trends-and-forecasting/research-and-surveys/Documents/SHRM%20Skills%20Gap%202019.pdf>).

Udar po molodezhi: rossiiskii rynek truda lishilsya bolee milliona molodykh rabotnikov [Blow to the Youth: the Russian Labor Market Has Lost More than a Million Young Workers] (2021). Press-Release. Fenexpertiza (https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/udar-po-molodezhi/?sphrase_id=26468).

Uroven' bezraboticy vypusknikov obrazovatel'nyh organizacij vysshego i srednego professional'nogo obrazovaniya 2016–2018 gg. vypuska [Unemployment of 2016–2018 Graduates of the Educational Institutions of Higher and Secondary Vocational Education in the Russian Federation] (2021). Rosstat. (<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vps8.xlsx>).

Об авторах

Зенков Алексей Рудольфович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: kungfu@inbox.ru

Удовенко Илья Петрович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: UdovenkoIP@yandex.ru

About the authors

Alexey R. Zenkov, Candidate of Sciences (Political Science), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: kungfu@inbox.ru

Ilya P. Udovenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: UdovenkoIP@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 19.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 26.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990014757-4

Оригинальная статья / Original Article

Соматические права человека в условиях технологической трансформации телесного бытия

© М.И. ПАНТЫКИНА

Пантыкина Марина Ивановна, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия), pantikina@tltsu.ru

Аннотация. В статье ставится проблема актуальности исследований соматических прав в условиях интенсивного воздействия современных технологий на человеческое тело. Выделяются правовые и философско-мировоззренческие основания, которые структурируют данное проблемное поле. В частности, выявление причин возникновения соматических прав и установление содержательно-генетической связи с другими поколениями прав человека позволили определить специфику соматических прав и отнести их к новому поколению прав человека. Философско-мировоззренческие основания представлены в качестве идейных предпосылок и смысловых горизонтов развития соматических прав. Следствием экспозиции философско-мировоззренческих оснований стала постановка вопроса об онтологическом статусе соматических прав, что, в свою очередь, привело к необходимости выделить формы бытия расширенного тела. В результате автор делает вывод о том, что в отношении современных технологизированных форм телесного бытия соматические права должны выполнять функцию демаркации между морфологической свободой и произволом.

Ключевые слова: соматические права, права человека, тело, бодимодификация, цифровое тело, цифровые кочевники.

Цитирование: Пантыкина М.И. (2021) Соматические права человека в условиях технологической трансформации телесного бытия // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 20–32. DOI: 10.31857/S086904990014757-4

Somatic Human Rights in the Conditions of Technological Transformation of Body Existence

© M. PANTYKINA

Marina I. Pantykina, Togliatti State University (Togliatti, Russia), pantykina@tltu.ru

Abstract. The article raises the problem of updating the research on somatic rights in the context of the modern technologies' intense impact on the human body. The legal, philosophical and worldview foundations of somatic rights used to structure the problem. In particular, the identification of the causes of their occurrence and the establishment of a content-genetic relationship with other generations of human rights made it possible to determine the specifics of somatic rights and attribute them to a new generation of human rights. Philosophical and worldview grounds are presented as ideological prerequisites and semantic horizons for the development of somatic rights. The state of the philosophical and worldview foundations raises the question of the ontological status of somatic rights, which, in turn, led to the need to highlight the forms of being of the expanded body. As result, the author concludes that in relation to up-to-date technologized forms of bodily existence, somatic rights should perform the function of demarcation between morphological freedom and arbitrariness.

Keywords: somatic rights, human rights, body, body modification, digital body, digital nomads.

Citation: Pantykina M. Somatic Human Rights in the Conditions of Technological Transformation of Body Existence. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 20–32. DOI: 10.31857/S086904990014757-4 (In Russ.)

В 2000-е годы правоведы стран СНГ (Д.Г. Василевич, А.И. Колер, В.И. Крусс, М.А. Лаврик, О.Э. Старовойтова и др.) активно развивали в своих исследованиях концепцию соматических прав, которая обосновывает притязания человека на физическую свободу и неприкосновенность¹. Однако научные результаты, которые были представлены в многочисленных публикациях, не способствовали более широкому распространению этой концепции². Кроме того, вопреки популярной либеральной позиции о праве человека распоряжаться собственным телом, соматические права не отражены ни в российском, ни в зарубежном законодательстве. Несмотря на указанные обстоятельства и падение научного интереса к соматическим правам, их нельзя назвать очередной социальной мнимостью. Наоборот, трансформация представлений о человеческом теле и рост влияния на него современных технологий можно назвать существенными доводами в пользу дальнейшего изучения соматических прав, их правовой проработки и законодательного закрепления.

Теоретико-методологическим основанием предлагаемого исследования стал антропологический подход. Подчеркнем, что он используется в рамках философии права, поэтому не следует отождествлять его с антропологией права как отдельной юридической дисциплиной. Данный подход, во-первых, характеризуется методологической установкой, согласно которой не теоретическая модель «человека нормативного» конституирует ре-

¹ В исследовании под соматическими правами понимаются притязания человека по отношению к своему телу, которые реализуются в праве личности по собственному усмотрению изменять функциональные возможности организма или его частей с помощью медикаментозных средств, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий.

² Ограниченность распространения концепции соматических прав обусловлена тем, что понятие соматических прав не тождественно получившему широкое распространение в зарубежной науке понятию прав человека в области биоэтики. См., например: [Andorno 2016, 31–41]. Возможным аналогом соматических прав можно считать «право на целостность личности», который приведен в п.1. ст. 3 Хартии Европейского союза об основных правах.

альный правовой субъект, а социальные практики и «правовоуповеденческие модели самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается» [Лавлов 2016, 356]. Во-вторых, антропологический подход определяет место и роль человека в правовых процессах, в том числе в новых и малоизученных³. В-третьих, его отличает междисциплинарность, благодаря чему соматические права можно рассматривать в контексте сравнительного анализа различных поколений прав человека, а также истории философских представлений о теле и телесности. В-четвертых, в рамках антропологического подхода действия человека трактуются как символические практики, которые могут служить основаниями для выделения различных форм телесного опыта. В-пятых, данный подход помогает определить степень легитимности прав человека, поскольку, как пишет Б. Мелкевик, она «... зависит только и исключительно от воли субъектов права, реализации и принятия ими во внимание своих прав. Ответ на вопрос о праве, как и на вопрос о правах человека, в конечном счете, относится к компетенции субъектов права – это им устанавливать, утверждать и упрочивать необходимую взаимность между собой, чтобы легитимировать для себя права человека» [Мелкевик 2014, 48].

Подчеркнем, что новизна предлагаемого исследования определяется философско-правовой аргументацией в контексте антропологического подхода, которая доказывает актуальность исследования соматических прав человека и позволяет выявить технологизированные формы телесного бытия, которые должны стать предметом правового регулирования.

Соматические права как новое поколение прав человека

Чтобы решить проблему «возрождения» научного интереса к соматическим правам, следует реконструировать предпосылки их возникновения и установить общие основания с другими видами прав человека. Как утверждает большинство исследователей, соматические права стали закономерным результатом либерализации общественной жизни конца XX–начала XXI вв. Именно тогда человечество столкнулось со сложными в морально-этическом и правовом аспектах вопросами о проявлениях физической свободы: «...Имеет ли индивидуум право на физическую свободу, может ли лицо определять свою гендерную принадлежность вопреки природе, может ли человек совершенствовать собственное тело медико-агрегатными способами либо воссоздавать себя в неметрической форме объективного существования и т. д.» [Моисеева 2016, 21]. Одновременно в общественном сознании сформировалась потребность в новом методе генерации прав человека, который нивелировал бы власть государства над жизнью и смертью, а также противостоял узаконенному насилию над человеческим телом. Данные либеральные идеи создали условия для появления таких правовых притязаний, как право на трансплантацию органов, изменение пола, эвтаназия и т.д.

К собственно правовым предпосылкам соматических прав следует отнести международные, зарубежные и российские правовые акты [Лаврик 2006^a, 44-62; Лаврик 2006^b, 40-54], которые защищают свободу и достоинство индивида, декларируют принципы мультикультурализма и плюрализма в вопросе о легитимных формах и способах его физического существования. Подчеркнем, что ни в одном из имеющихся нормативных документов не используется понятие соматических прав человека. Тем не менее,

³ К таким правовым процессам принято относить, например, становление четвертого поколения прав человека, легализацию прав ЛГБТ-сообществ, правовую неопределенность техники, правовую регламентацию «дополненной реальности», технических устройств «google-glass» и другие процессы, возникновение которых связано с новыми технологиями.

они имеют основу в законодательно утвержденных правах, и их содержание можно дедуцировать, установив содержательно-генетическую связь и преемственность между соматическими правами и другими поколениями прав человека [Олейник А.Н., Олейник Н.Н. 2015, 120-128].

В частности, в соматических правах можно увидеть присущие первому поколению личных (гражданских) прав право на жизнь, свободу и безопасность, а также обязанность государства воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы. Право на собственность также распространяется на соматические права в части права человека владеть и распоряжаться своим телом. В отличие от прав первого поколения, «соматические права по своему содержанию не охватываются правом на жизнь (например, право на клонирование или право на распоряжение органами и тканями после смерти)» [Деркач, Луковская 2019, 32]. Кроме того, «они по своей сути не являются негативными ... и представляют собой позитивные правовые притязания отдельной личности к обществу и государству как его легитимированному представителю» [Деркач, Луковская 2019, 33], а также устанавливают зависимость правовых притязаний от персональных характеристик правообладателя.

Второе поколение прав человека создает условия для реализации социально-экономических прав на охрану способностей и ресурсов (включая здоровье) человека. Соматические права дополняют их требованиями считать модифицированное тело целостным, здоровым и нуждающимся в охране со стороны государства, признавать сексуальное и репродуктивное здоровье, донорство и трансплантацию органов, гарантировать защиту от незаконного вмешательства в сферу личностной физической свободы.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что первые поколения прав человека выражают коллективную ответственность. Они основаны на тезисе о том, что общество будет соблюдать принципы солидарности и сотрудничества в обеспечении права на мир, здоровую окружающую среду и гуманитарную помощь и т.д. Соматические права относятся к группе личных прав, которые принадлежат человеку от рождения и защищают его достоинство. Личные права могут быть подразделены на личностные и гражданские права. Первые реализуются как проявления индивидуальной правовой жизни, которые не всегда регулирует государство. Соматические же права изначально конституировались как гражданские права, которые налагают обязательства на других участников правовых отношений исполнять притязания человека на физической свободу и получать защиту от государства.

Личностные права также имеют статус моральных норм, поэтому они создают мировоззренческую основу для других прав человека. Соматические к данной категории не относятся и должны быть в некоторых аспектах ограничены законодательством. Например, проституция, наркомания, эвтаназия, коммерциализация человеческих органов и некоторые другие аморальные проявления соматических притязаний противоречат принципам достоинства личности и не могут рассматриваться как нравственно-правовая ценность. Таким образом, соматические права относятся к группе личных (гражданских) прав.

Выявляя содержательно-генетическую связь соматических прав с различными поколениями и видами прав человека, важно подчеркнуть специфику их происхождения. Они появились в результате интенсивного влияния на жизнь человека достижений современного научно-технического прогресса. 3D-биопринтинг, медицинские и биотехнологии, блокчейн, виртуальную и дополненную реальности следует рассматривать не только как средства создания «умных» вещей, но и как претендентов на процессинг новых форм социо-материальных телесностей [Чеклецов 2016, 155–164]. С учетом того, что динамизм, многофакторность и риски новых технологий включены в содержание соматических прав, значение последних в сфере правового регулирования неизбежно будет возрастать. Есть

все основания утверждать, что соматические права можно рассматривать как четвертое поколение прав человека. Проблема, однако, состоит в отсутствии необходимых юридических инструментов для их описания и кодификации⁴.

Тело как предмет соматических прав: философско-мировоззренческие основания

До конца XIX в. в европейской философии тело исследовали через описание дихотомии субъекта и объекта, тела и души, трансцендентного и имманентного. Впервые изменения в представлениях о человеческом теле и новое отношение человека к нему были отмечены в философии в XIX в. С середины XX в. тело и телесность стали самостоятельным предметом философских концепций. Для того, чтобы раскрыть содержание соматических прав, необходимо остановиться на их философско-мировоззренческих основаниях.

Самость как представление человека о себе как целостном существе. Зависимость тела от различных аспектов человеческого бытия и условий его познания была обнаружена в философии жизни. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше первыми заявили о двух ипостасях тела: физическом (Körper) и живом (Leib). Не отрицая того, что тело в первой своей сущности воспринимается как нечто внешнее и известное нам через ощущения, они утверждали, что тело-объект приобретает дополнительные характеристики и становится живым телом, как только помещается в какое-либо пространство. А. Шопенгауэр писал, что «органическое тело... на самом деле не что иное, как сама воля, принявшая в созерцании интеллекта пространственный образ» [Шопенгауэр 2001, 417]. Ф. Ницше считал, что проявлениям воли и сознания предшествует «самость», которая хочет созидать более ее самой [Ницше 2007, 35]. Наделяя тело такими характеристиками, как самость и воля, представители философии жизни сделали важный шаг к признанию притязаний живого человека на целостность существования, а также его готовности к ответственной активности, которая направлена как вовне, так и на самого себя. Такую трактовку сущности тела можно назвать исходным мировоззренческим основанием соматических прав человека.

Субъективное восприятие тела и нормальность опыта телесного сознания. Положения о безусловной ценности человеческого тела и регламентировании телесного сосуществования становятся понятными, если вслед за Э. Гуссерлем, М. Мерло-Понти и Г. Марселем признать, что тело имеет ментальные функции и телесное сознание. Последнее состоит из двух уровней. Первый, «природный», выражается в восприятии собственного тела и осмыслении телесного опыта [Гуссерль 2004, 228]. Второй интерсубъективный уровень проявляется в преодолении границ «своего тела» в опыте восприятия «Другого» и способности образовать с ним пару. Устойчивость отношения «Я» и «Другого», по мнению Гуссерля, обусловлена априорно заданной нормальностью, «в соответствии с которой каждый из двух нормальных индивидов, в том случае, если они меняются местами, [на самом деле] или мысленно, и телом, ...находит в своем сознании точь-в-точь те же явления, что раньше были реализованы в сознании другого» [Гуссерль 2004, 231]. Таким образом, телесное сознание гарантирует подлинность и аутентичность восприятия тела. Если экстраполировать данный вывод на соматические права, их можно назвать формой объективации телесного сознания.

⁴ Следует отметить, что в отношении био- и медицинских технологий в настоящее время развернуто политико-правовое противостояние между отдельными их производителями и государствами. См. подробнее: [Ланаева 2020]. Соматические права пока находятся в стадии становления и обсуждаются только в теоретических дискуссиях, значение которых нельзя переоценить. Как справедливо утверждает Б. Мелкевик, предыдущие поколения прав человека легитимизировали с помощью протестантизма, метафизической философии и международных деклараций. Новые же поколения должны внедряться за счет демократических процессов и умонастроений, которые необходимо предварять дискурсом об их соответствии требованиям юридической современности.

Тело как форма личной собственности. Утверждение тела в качестве формы собственности стало основополагающим для феноменологии тела. Так, М. Мерло-Понти пришел к данному «открытию», изучая психологию беременных женщин, которые чувствуют, как отчуждаются от них их собственные тела. Г. Марсель представлял тело как личный инструмент, которым человек владеет и распоряжается. Он также обращал внимание на то, что в некоторых случаях тело может подчинять волю человека, например, когда состояние здоровья мешает ему осуществить свои намерения. Данные размышления философов подводят к главному вопросу о соматических правах: «Можно ли считать тело человека его собственностью, которой он может распоряжаться по собственному усмотрению?». С одной стороны, утверждение тела как формы собственности (например, в духе учения о собственности Гегеля) представляется наиболее простой и очевидной предпосылкой для нормативного закрепления права распоряжаться собственным телом. С другой стороны, в соответствии с данным подходом тело можно считать вещью или инструментом по отношению к его обладателю. В результате оно оказывается только опосредованно или случайно связано с самостью человека. Такое «не совсем его» тело может быть отчуждено внешней силой или произвольно включено в нежелательные социальные отношения и позиции. Разрешить данную антонимию необходимо в процессе развития концепции соматических прав человека.

Тело может быть любим. Утверждая право человека распоряжаться своим телом, соматические права исключают монополию власти на формирование представлений о нормальных и патологических телах, моделируют новые формы телесного существования. Дж. Агамбен один из первых констатировал, что общество развивается именно в указанном направлении. Он считает, что рано или поздно тело человека будет представляться как любое, то есть то-какое-(ни)-пожелашь, то есть любимое [Агамбен 2008, 9]. Такое тело можно назвать предельным выражением самости. Оно перестает нуждаться в установлении идентичности после того, как освобождается от общественных и телеологических оков. Тело становится чистой экспозицией без следов биологической судьбы и индивидуальной биографии. «Любое» тело – это неопределенность, которая обусловлена лишь своей реализацией в идее, то есть всеми своими возможностями в целом [Агамбен 2008, 61]. Абсолютно коммуникабельное и целиком высвеченное [Агамбен 2008, 47], оно легко превращается в товар, рекламный образ или предмет дискурса. Поскольку тело может быть любим, возможны самые разные формы его явленности, которые множатся под влиянием технологизации.

Телесная эмансипация как новая форма отчуждения. Различные подходы к определению отчуждения объединяет понимание того, что оно охватывает социальные и экзистенциальные качества человека, которые выходят из-под его контроля и становятся самостоятельной, господствующей силой. Стремление преодолеть отчуждение и достичь более высокого уровня свободы считают одним из факторов социального развития. Однако борьба за эмансипацию нередко порождает новые формы отчуждения. В данном контексте движение к морфологической свободе, к праву каждого человека на бодимодификацию может быть одновременно и условием для снятия отчуждения, и предпосылкой возникновения новых его форм. По мнению Д. Кампера, такой формат свободы возник в современном социально-экономическом и технологическом контекстах, а именно тогда, когда тело перестало оказывать сопротивление практикам включения-исключения в семье, публичной сфере, мире труда [Кампер 2012, 65] и как следствие превратилось в абстракцию, свободную от традиционных норм и ценностей.

Переоценка традиционных ценностей практически воплощена в бодимодификации. Стремление к улучшению внешних параметров человеческого тела основано на установке преодолеть отчуждение через самоактуализацию, которая, в свою очередь, может стать причиной другого отчуждения. Как уточняет Ж.-Л. Нанси, пока включенные в этот процесс индивиды не перестают актуализировать свою самость, они индивидуализируются, «постоянно становясь все более отличными от самих себя, а значит, все более

схожими и взаимозаменяемыми...» [Нанси 1999, 62]. Еще одним препятствием достижению телесной свободы Ж.-Л. Нанси считает идеологию родового братства и равенства людей. С его точки зрения, опыт свободы, какой бы невыносимой она ни была, демонстрирует разнообразие телесных различий, не оставляющих места ни одному континууму, «но являющуюся, напротив, рассеянным, бесконечно потирающемся взламыванием любого изначального соединения/раздвоения клеток, посредством чего рождается тело» [Нанси 1999, 61]. Идеология родового равенства опасна тем, что она защищает не только права и свободы человека, но и расизм.

Таким образом, мотив совершенствования тела человека не гарантирует соматической свободы. Возможность технологической модификации тела приводит к тому, что от него может быть отчуждена любая фракция. Тело уже не воспринимается как целостность, поэтому оно становится «чужим». Заметим, что в данном случае остается за скобками проблема зависимости тела от социальных факторов. Речь идет о том, что технологическая эмансипация тела становится новой формой отчуждения, которую можно если не преодолеть, то хотя бы уравновесить правовым регулированием с помощью соматических прав человека.

Соматические права и новые формы бытия расширенного тела

Приведенные выше философско-мировоззренческие основания позволяют предположить, что соматические права человека связаны с формами телесного опыта, который трансформируется вместе с внедрением новых изобретений и технологий. Многовекторность современного технологического прогресса задает разнообразие форм бытия расширенного тела человека (Г.М. Маклюэн), каждая из которых заслуживает отдельного изучения. В данной статье предметом исследования будут формы телесного бытия, которые возникли под влиянием цифровых технологий⁵. К ним следует отнести функционально техноморфные тела-субъекты, которые интегрированы с аппаратами восприятия, протезами и трансплантированными органами, а также обращенные вовне тела-сообщения или цифровые тела, которые передаются с помощью информационных каналов [Курленкова 2018, 38]. Сформированные при использовании данных технологий социальные практики с новыми габитусом, умениями и навыками не только несут в себе угрозу дегуманизации, но и влияют на естественные функции человеческого тела.

Данные формы технологизированного (расширенного) телесного бытия пока недостаточно изучены. Не очевидны и последствия их распространения. Тем не менее, современное состояние телесного опыта уже позволяет утверждать, что им свойственны особый регламент и дисциплина, которые предписываются людям с помощью искусственных языков, «производятся механизмами для блага тех, кто их использует: сделайте то, сделайте это, поступайте так, не делайте того» [Латур 2006, 206]. Подобный синкретизм людей и технологий порождает гибридные социальные порядки (Дж. Урри), при которых тело становится одновременно актором и агентом. В данном контексте стоит еще раз обратиться к вопросу о практической значимости соматических прав в контексте дескрипции некоторых форм бытия расширенного тела: тело как интерфейс, цифровое тело, гибридные тела и цифровые кочевники.

⁵ В предлагаемой статье необходимость законодательного закрепления соматических прав обоснована теоретическими положениями и фактами, которые связаны с цифровыми технологиями. Такое ограничение обусловлено тем, что влияние бодимодификации, трансплантации и эвтаназии в достойной степени исследовано в научной литературе о соматических правах, в то время как воздействие компьютерных и информационных (неаналоговых) технологий на человеческое тело и представления о нем остаются практически неизученными. При этом степень такого воздействия на мир современного человека растет в геометрической прогрессии, например, на фоне эпидемиологической ситуации, вызванной вирусом COVID-19.

Тело смогло получить функции интерфейса благодаря развитию таких цифровых технологий, как виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR). Так, специфика VR «строится по принципу «глаз + рука»: трехмерная сцена меняется в зависимости от направления взгляда пользователя, который может взаимодействовать со средой (непосредственно рукой или с помощью манипулятора)» [Браславский 2004, 159]. VR-технологии развиваются в направлении увеличения физиологичности, которая выражается в способности вовлечь в движение все органы чувств, уменьшить или увеличить физические нагрузки. В обозримом будущем VR позволит преодолеть «тиранию компьютерных кнопок» и манипулировать всем телом.

Научные экспертизы влияния VR и AR на тело человека зачастую содержат взаимоисключающие выводы и оценки. В связи с этим мы ограничимся только теми из них, которые могут быть экстраполированы на проблематику соматических прав. Так, исследование чувственного опыта игроков Pokémon Go (AR) показывает, что участники игры, как правило, утрачивают контроль над своим телом и «ощущают» его только благодаря присутствию других тел в виде виртуальных объектов [Соколова 2017, 208-210]. Причем данное присутствие нельзя назвать постоянной величиной, так как оно зависит от характеристик технических устройств. Статистики чрезвычайных происшествий с участием игроков Pokémon Go не существует, но очевидно, что они подвергают свою жизнь и здоровье опасности. Даже если технические регламенты новых версий AR-игр учтут данные угрозы, останется открытым вопрос о контроле человека над собственными ощущениями, а также о дифференциации «живых» и «искусственных» чувств. Решение вопроса предполагает корректировку уникальности человеческого тела, параметры которой и должны регулироваться соматическими правами.

Цифровое тело (или аватар) также можно назвать одной из форм бытия расширенного тела, которая распространилась через социальные сети и средства электронной коммуникации. В настоящее время цифровое тело перестало быть статичным образом тела пользователя. Оно обладает кинетическими, языковыми и коммуникативными функциями аналогично телу живого человека. Цифровые тела и способы их существования в виртуальном пространстве должны быть включены в проблемное поле соматических прав человека в связи с тем, что цифровизация может стать причиной массовой утраты способности к адекватной телесной самоидентификации. В результате возникнет ряд правовых проблем, например, в оценке случаев наступления юридической ответственности, признания дееспособности и т.п.

В частности, в компетенцию соматических прав должен входить вопрос о демаркации между «живыми» и «мертвыми» цифровыми телами. Необходимо нормативно установить такие различия в связи с тем, что в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook и Instagram выросли «виртуальные кладбища» из аккаунтов умерших людей. По желанию родственников такие аккаунты приобретают «памятный статус», что дает возможность подписчикам общаться между собой так, как будто бы умерший жив и подключен к виртуальному сообществу [Петряхин 2018, 187-188]. Не исключено, что в скором будущем аккаунты умерших людей не будут отвергать специалисты в области гражданского и уголовного права [Ефименко 2019]. Тем не менее, до наступления данного момента вопрос живого-мертвого цифрового тела необходимо включить в повестку развития соматических прав человека.

Гибридные тела тоже относятся к формам расширенного телесного бытия. В последние десятилетия они стали предметом многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Отсутствие однозначного определения гибридных тел в них компенсируют описаниями методов и случаев использования био-, информационных и когнитивных технологий для их создания. Наиболее полно представлены следующие гибриды: киборги (тела с протезами и/или с имплантатами); тела с модифицированными генами; органы, которые вырастили из стволовых клеток; тела-продукты нейрохакинга (имплантация нейродатчиков, нейрокомпьютерный интерфейс, нейровизуализация). Данный пере-

чень будет дополняться по мере развития технологий. Одновременно важно понимать, что современные технологии не возникают непосредственно и исключительно из намерений людей и их действий. Они сложным образом обусловлены машинами, текстами, объектами и иными технологиями [Урри 2012, 54] и, в определенном смысле, порождаются ими. Поэтому проблема антропологической и социокультурной экспертизы, а также социального контроля технологий становится практически неразрешимой. Отсутствие критериев дифференциации природного тела и искусственно улучшенного тела может привести к девальвации привычных представлений о социальной справедливости, недобросовестной конкуренции на рынке труда и в спортивных соревнованиях.

Стоит также отметить, что конструктивная особенность гибридов предполагает «вынесение» вовне человеческих органов и чувств. В результате может деформироваться чувственный опыт. Пока невозможно однозначно оценить изменение данной сферы познания. Так, К. Келли полагает, что микроскопические встроенные датчики в будущем приведут к созданию системы самоотслеживания показателей телесного здоровья. «...Если взять эту информацию и представить ее не в виде чисел, а в форме, которую можно почувствовать, ...такое устройство разовьет в нас новую способность ощущать собственный организм, которую мы не получили в результате эволюции, но в которой отчаянно нуждаемся» [Келли 2017, 276]. Однако конструирование новых чувств с помощью датчиков имеет и теневую сторону, связанную с влиянием их на кору головного мозга и появлением управляемых состояний сознания. Размышляя в этом направлении, Дж. Урри прогнозирует появление технологий IT-конструирования чувств: «кремниевые чувства» смогут сохранять и воспроизводить долгосрочные воспоминания, а также представлять амбивалентные переживания желания-отвращения, уклонения-стремления [Урри 2012, 152]. Результатом изменений структуры чувственного опыта может стать трансформация образа жизни людей и порядка их социальных позиций.

Пробелы в законодательстве также препятствуют решению проблемы системной экспертизы и социального регулирования гибридных тел. Вопрос о специализированном правовом регулировании роботов стоит на повестке дня в России, США, Великобритании, странах ЕС, Японии, Китае и Южной Корее. В международном праве действует система технических стандартов, например, стандарт ISO 13482:2014 Robots and robotic devices – Safety requirements for personal care robots (документ устанавливает требования к безопасности роботов-личных помощников), который ратифицировали в 163 государствах [Филипова 2020]. В юридической практике есть правило, согласно которому владельцы отвечают за действия роботов. В связи с ним гибридные тела исключены из правового поля. Возникают вопросы вроде: «Кто должен отвечать за криминальные действия гибридного тела, например киборга, если проступок он совершил под влиянием интегрированного с ним технического устройства?». Может быть, сам гражданин-киборг? Он может сослаться на свои трансформированные органы чувств, на неполадки в работе протеза или имплантата. Можно ли тогда считать виноватыми производителя или «установщика» последних? Данные вопросы можно назвать еще одним аргументом в пользу развития концепции соматических прав и их правовой проработки.

В последнее десятилетие распространенной формой бытия расширенного тела стала такая социальная практика, как цифровое кочевничество. Теоретически осмыслял данный феномен Г.М. Маклюэн, который сравнивал собирателей электронной информации с древними кочевниками [Маклюэн 2003, 324]. Позднее, благодаря исследованиям Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Аттали, Дж. Урри, Ц. Макимото и Д. Мэннерса концепт цифрового кочевника обрел более определенные семантические характеристики: перманентная мобильность, постоянная подключенность к Интернету, частое пребывание в местах с беспроводной связью, стремление к свободе выбора, независимость в выборе профессиональных задач и траектории своего кочевания и т.д. [Кужелева-Саган 2020, 200–201].

Образ жизни и профессиональной деятельности цифровых кочевников развивает их познавательные способности. Так, мультисенсорность формируется на основе навыка одновременной работы с несколькими экранами, устройствами ввода информации, комбинациями визуальных и слуховых образов, умением «схватывать синхронные нарративные структуры» [Урри 2012, 110]. Телесный опыт цифровых кочевников заметно трансформирует социальную топологию. В частности, уже нынешнее их поколение все время находится в движении и не связывает себя с конкретным физическим или географическим пространством. Цифровые кочевники привыкли к транзитным зонам, «где все связи подвешиваются, а время растягивается, превращаясь в непрерывное настоящее» [Урри 2012, 47], поэтому физическое время утрачивает для них значение. Кроме того, частая смена часовых поясов и нерегламентированное рабочее время сбивают биоритмы, что сказывается на здоровье. Для соблюдения графика работы и повышения производительности труда цифровые кочевники используют тайм-менеджеры вроде приложений Asana и Trello. Они синхронизируют биоритмы участников производственного процесса, которые разбросаны по всему миру. Проблема контроля за состоянием здоровья людей, на которых постоянно воздействуют гаджеты и технологии, не может быть исключительно личным делом пользователей. Ее необходимо решать на государственном и межгосударственном уровнях. Важно, чтобы охрана здоровья людей, которые работают в условиях нестандартной трудовой занятости с применением дистанционных технологий, стала предметом социально-экономических прав человека. Прежде всего она должна быть закреплена в содержании соматических прав.

Даже неполное описание практик и образа жизни цифровых кочевников позволяет утверждать, что формируется новая генерация людей, телесность которых зависит не только от национальных, половых, возрастных различий, финансового или культурного бэкграунда, но и от используемых технологий. Поэтому «изменения способов общения, тотальная цифровая и информационная прозрачность стимулируют запросы на модификацию общественных отношений и выдвигают новые требования к нормативно-ценностной парадигме культуры» [Лисенкова 2020, 74]. Трансграничная идентичность цифровых кочевников способствует формированию новых социальных групп и «ломает» традиционные представления о социальном порядке, что имеет непосредственное отношение к разработке концепции соматических прав человека.

Таким образом, представленные в данной статье правовые и философско-мировоззренческие основания соматических прав человека показывают, что они развиваются в русле современных социокультурных процессов и стимулируются технологическими достижениями. Исследование форм технологизированного бытия человеческого тела показало, что легализованные соматическими правами притязания человека на морфологическую свободу расширяют границы дозволенного вплоть до их совмещения с произволом и существенно ограничивают внешнее вмешательство общества и государства. Угрозу произвола по отношению к человеческому телу необходимо рассматривать в двух плоскостях: как неограниченное моральными или правовыми нормами собственническое отношение к телу и как неконтролируемое подключение человеческого тела к сетевому взаимодействию с последующим превращением в «узел» такой сети. В данном контексте разработка проблематики соматических прав открывает актуальное направление научного исследования, результаты которого будут востребованы в практике законодательства и правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Дж. (2008) Грядущее сообщество. М.: Три квадрата. 144 с.
Браславский П.И. (2004) Тело как интерфейс: антропологические аспекты современных коммуникаций // Эпистемы. Выпуск 3: Язык. Дискурс. Текст: Материалы межвузовского семинара: альманах. Екб.: Изд-во Урал. ун-та. С. 156–165.

- Гуссерль Э. (2004) Основные проблемы феноменологии. В Разеев Д.Н., Гуссерль Э. В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Издательство СПб. ун-та. С. 225–364.
- Деркач Н.Г., Луковская Д.И. (2019) Соматические права в системе права человека // Юридическая наука: история и современность. № 1. С. 30–36.
- Ефименко Е. (2019) Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах // Право. Ru. 17 января. (<https://pravo.ru/story/208294/>).
- Кампер Д. (2012) Реальное как невозможное. К топологии субъекта // Einai: Философия. Религия. Культура. Т. 2. (2). С. 60–81.
- Келли К. (2017) Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер. 347 с.
- Крусс В.И. (2000) Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении. К постановке проблемы // Государство и право. № 10. С. 43–50.
- Кужелева-Саган И.П. (2020) Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. № 1 (29). С. 200–211.
- Курленкова А.С. (2018) Форум: Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. № 38. С. 47–51 (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf>).
- Лаврик М.А. (2006⁶) Соматические права человека в Российской Федерации: конституционные основания, действующее законодательство и практика реализации // Сибирский юридический вестник. № 2. С. 40–54.
- Лаврик М.А. (2006⁶) Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств // Сибирский юридический вестник. № 1. С. 44–62.
- Лапаева В.В. (2020) Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты? // Вопросы философии. № 5. С. 116–127.
- Латур Б. (2006) Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 199–223.
- Лисенкова А.А. (2020) Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. № 3. С. 65–74.
- Маклюэн Г.М. (2003) Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 464 с.
- Мелкевик Б. (2014) Легитимность и права человека // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография в 2 т. Т. 2. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс». С.40–53.
- Моисеева Е.Ю. (2016) Концепция соматических прав человека в современном российском праве // Юридическая наука и практика. Т. 12. № 4. С. 20–29.
- Нанси Ж.-Л. (1999) Corpus. М.: Издательство Ad Marginem. 256 с.
- Ницше Ф. (2007) Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого М.: Культурная революция. 432 с.
- Олейник А.Н., Олейник Н.Н. (2015) Историческое развитие поколений «прав человека» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. № 14. (211). С.120–128.
- Павлов В.И. (2016) Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография. СПб.: Алетейя. С. 325–376.
- Петряхин С. (2018) Распределенная личность и виртуальная телесность // Технологии и телесность. М.: ИЭА РАН. С. 169–208.
- Соколова Е.К. (2017) Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 2 // Социология власти. Т. 29. № 3. С. 197–220.
- Урри Дж. (2012) Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- Филипова И.А. (2020) Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Н.: Нижегородский госуниверситет. 90 с.
- Хартия Европейского союза об основных правах. Право Европейского союза. (<https://eulaw.ru/treaties/charter/>).
- Чеклецов В.В. Экзистенциальный и Umwelt-анализ зонтичных NBICS-технологий // Социологические измерения конвергентных технологий. Онтологии и коммуникации: Коллективная монография. К.: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 155–164.

Шопенгауэр А. (2001) Мир как воля и представление. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: ТЕРА – Книжный клуб; Республика. 560 с.

Andorno R. (2016) A Human Rights Approach to Bioethics. In: *Bioethical Decision Making and Argumentation* (International Library of Ethics, Law, and the New Medicine). Cham: Springer. pp. 31–41.

REFERENCES

Agamben J. (2008) *Gryadushcheye soobshchestvo* [The Coming Community]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 144 p.

Andorno R. (2016) A Human Rights Approach to Bioethics. In: *Bioethical Decision Making and Argumentation* (International Library of Ethics, Law, and the New Medicine). Cham: Springer International Publishing Switzerland. pp. 31–41.

Braslavsky P.I. (2004) Telo kak interfeys: antropologicheskiye aspekty sovremennykh kommunikatsiy [Body as an Interface: Anthropological Aspects of Modern Communications]. *Epistemy. Ser. 3: Language. Discourse. Text: Materials of the Interuniversity Seminar: Almanac*. Yekaterinburg: Ural St. Univ. Publ. pp. 156–165.

Chekletsov, V.V. (2016) Ekzistentsial'nyy i Umwelt-analiz zontichnykh NBICS-tekhnologiy [Existential and Umwelt Analysis of Umbrella NBICS Technologies]. In: *Sotsio-antropologicheskiye izmereniya konvergentsnykh tekhnologiy. Ontologii i kommunikatsii*. Kursk: Universitetskaya kniga Publ. pp. 155–164.

Derkach N.G., Lukovskaya, D.I. (2019) Somaticheskiye prava v sisteme prava cheloveka [Somatic Rights in the Human Rights System]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. no. 1. pp. 30–36.

Efimenko E. (2019) *Sovet po kodifikatsii otklonil zakonoprojekt o tsifrovyykh pravakh* [The Council on Codification Rejected the Bill on Digital Rights]. *Pravo.Ru*. 17 January (<https://pravo.ru/story/208294>).

Filipova I.A. (2020) *Pravovoye regulirovaniye iskusstvennogo intellekta: uchebnoye posobiye* [Legal Regulation of Artificial Intelligence: the Tutorial], N. Novgorod Publ. 90 p.

Husserl E. (2004) Osnovnyye problemy fenomenologii [Basic Problems of Phenomenology]. In: Razeev D.N., Husserl E. *V setyakh fenomenologii. Osnovnyye problemy fenomenologii*. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. pp. 225–664.

Kamper D. (2012) Real'noye kak nevozmozhnoye. K topologii sub'yekta [Real as Impossible. To the Topology of the Subject]. *Einai: Filosofiya. Religiya. Kul'tura*, vol. 2 (2). pp. 60–81.

Kelly K. (2017) *12 tekhnologicheskikh trendov, kotoryye opredelyayut nashe budushcheye Inevitable* [12 Technological Trends that Determine our Future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. 347 p.

Khartiya Yevropeyskogo soyuza ob osnovnykh pravakh [Charter of Fundamental Rights of the European Union]. *Pravo Yevropeyskogo soyuza*. (<https://eulaw.ru/treaties/charter/>).

Kruss V.I. (2000) Lichnostnyye ("somaticheskiye") prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii. K postanovke problem [Personal ("Somatic") Human Rights in the Constitutional and Philosophical and Legal Dimensions. To the Problem Statement], *Gosudarstvo i parvo*. no. 10. pp. 43–50.

Kurlenkova A.S. (2018) Forum: Novyye tekhnologii i telesnost' kak predmet antropologicheskikh issledovaniy [Forum: New Technologies and Corporality as a Subject of Anthropological Research]. *Antropologicheskyy forum*. no. 38. pp. 47–51 (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf>).

Kuzheleva-Sagan I.P. (2020) Obshchiye kontury ontologii obrazovaniya v epokhu novogo kochevnichestva [General Contours of the Ontology of Education in the Era of New Nomadism]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*. no. 1 (29). pp. 200–211.

Lapaeva V.V. (2020) Redaktirovaniye genoma cheloveka: pravovye ogranicheniya, moral'nye dozvoleniya ili religioznye zaprety? [Human Genome Editing: Legal Restrictions, Moral Permissions or Religious Prohibitions?]. *Voprosy Filosofii*. vol. no. 5. pp. 116–127.

Latour B. (2006) *Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoy dveri* [Where is the Missing Mass? Sociology of One Door], in: *Sotsiologiya veshchey*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. pp. 199–223.

Lavrik M.A. (2006a) Konstitutsionnyye osnovaniya somaticheskikh prav cheloveka: voprosy teorii i praktika zarubezhnykh gosudarstv [Constitutional Foundations of Somatic Human Rights: Theory and Practice of Foreign States]. *Sibirskiy yuridicheskyy vestnik*. no. 1. pp. 44–62.

Lavrik M.A. (2006b) Somaticheskiye prava cheloveka v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnyye osnovaniya, deystvuyushcheye zakonodatel'stvo i praktika realizatsii [Somatic Human Rights in the Russian Federation: Constitutional Foundations, Current Legislation and Implementation Practice]. *Sibirskiy yuridicheskyy vestnik*. no. 2. pp. 40–54.

Lisenkova A.A. (2020) Transformatsiya identichnosti v tsifrovuyu epokhu [Identity Transformation in the Gigital Age]. *Voprosy filosofii*. no. 3. pp. 65–74.

Moiseeva, E.Y. (2016) Kontseptsiya somaticheskikh prav cheloveka v sovremennom rossiyskom prave [The Concept of Somatic Human Rights in Modern Russian Law]. *Kontseptsiya somaticheskikh prav cheloveka v sovremennom rossiyskom prave*. vol. 12. no. 4. pp. 20–29.

McLuhan G.M. (2003) *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions]. Moscow, Zhukovsky: KANON-press-TS, Kuchkovo pole Publ. 464 p.

Melkevik B. (2014) Legitimnost' i prava cheloveka [Legitimacy and Human Rights], in: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennyye problemy yurisprudencii: K 60-letiyu Andrey Vasil'evicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya: v 2 t. T. 2*. Saint Petersburg: OOO Izdatel'skiy Dom «Alef-Press». pp. 40–53.

Nancy J.-L. (1999) *Corpus* [Corpus]. Moscow: Ad Marginem Publ. 256 p.

Nietzsche F. (2007) *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra. A Book for Everyone and for no One]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p.

Oleinik A.N., Oleinik N.N. (2016) Istoricheskoye razvitiye pokoleniy «prav cheloveka» [Historical Development of Generations of “Human Rights”]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. no. 14 (211). pp. 120–128.

Petryakhin S. (2018) Raspredeleonnaya lichnost' i virtual'naya telesnost' [Distributed Personality and Virtual Corporeality], in: *Tekhnologii i telesnost'* [Technologies and Corporeality]. Moscow: IEA RAN Publ. pp. 169–208.

Pavlov V.I. (2016) *Antropologicheskaya koncepciya prava* [Anthropological concept of law], in: *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Postclassical ontology of law]. Saint Petersburg: Aleteya. pp. 325–376.

Schopenhauer A. (2001) *Mir kak volya i predstavleniye* [The World as Will and Representation], in: A. Schopenhauer, *Sobraniye sochineniy* [Collected Works] in 6 Vols. vol. 2. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub; Respublika Publ. 560 p.

Sokolova E.K. (2017) Telesnoye prisutstviye v geolokatsionnykh igrakh. Chast' 2 [Physical Presence in Geolocation Games. Part 2], *Sotsiologiya vlasti*. vol. 29. no. 3. pp. 197–220.

Urry J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Types of Mobility for the 21st Century]. Moscow: High School of Economics Publ. 336 p.

Об авторе

Пантыкина Марина Ивановна, доктор философских наук, доцент, Тольяттинский государственный университет. Адрес: г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, 445020. E-mail: pantikina@tltsu.ru

About the author

Marina I. Pantykina, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Togliatti State University. Address: Togliatti, Belorusskaya st., 14, 445020. E-mail: pantikina@tltsu.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 23.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 18.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990016455-2

ПАНДЕМИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ THE PANDEMIC AND ITS IMPACT

Оригинальная статья / Original Article

Возможности и ограничения социально-экономической адаптации в условиях коронакризиса¹

© В.Н. ТИТОВ

Титов Владимир Николаевич, Лаборатория исследования социального развития Института социального анализа и прогнозирования Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия), titov-vn@ranepa.ru

Аннотация. В статье предложено обоснование методологических предпосылок и результатов глубинных интервью, проведенных в мае 2020 г. с целью выявить различные аспекты социально-экономической адаптации населения в условиях кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Автор выделяет традицию феноменологической социологии, герменевтику и нарративный анализ в качестве методологии анализа содержания глубинных интервью. Анализ позволил выявить определенные черты сходства и различия между двумя группами респондентов, выделенных по статусу занятости (наемные работники и предприниматели) с точки зрения оценки влияния кризиса на положение предприятий/бизнеса, особенности социально-экономического поведения, ресурсы и практики адаптации. Для обеих категорий характерна общая черта социально-экономического поведения – стремление занять выжидательную позицию, чтобы выявлять возможные перспективы в экономике и на рынке труда. Однако респонденты в статусе наемных работников более уверенно оценивали перспективы сохранения работы и уровня доходов. Активные формы адаптационного поведения особенно отчетливо проявлялись среди респондентов, занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий. Предпринимателям было свойственно сочетание, с одной стороны, негативной оценки влияния кризисной ситуации на положение их бизнеса, а с другой – стремление искать новые рыночные возможности, реалистично оценивать угрозы и риски, полагаться на собственные силы. Отмечено, что в условиях продолжающегося кризиса особенности социально-экономической адаптации населения связаны не только со статусом занятости, но и с отраслевой спецификой, наличием сформированного портфеля заказов, устойчивостью клиентской базы, социального капитала.

Ключевые слова: глубинные интервью, социально-экономическая адаптация, кризис, экономическое поведение

Цитирование: Титов В.Н. (2021) Возможности и ограничения социально-экономической адаптации в условиях коронакризиса // Общественные науки и современность. № 4. С. 33–48. DOI: 10.31857/S086904990016455-2

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Acknowledgments. The article was prepared as part of the research work within the state assignment of RANEPА

Opportunities and Limitations of Socio-economic Adaptation in the Coronavirus Crisis

© V. TITOV

Vladimir N. Titov, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia), titov-vn@ranepa.ru

Abstract. The article reviews the methodological assumptions and results of in-depth interviews held in May 2020. The aim of the article is to identify various aspects of the population's socio-economic adaptation in the context of the coronavirus pandemic crisis. The author uses the tradition of phenomenological sociology, hermeneutics and narrative analysis as the methodology for the analysis of in-depth interviews contents. The content analysis of the interviews allows to identify certain similarities and differences between two groups of respondents, distinguished by the status of employment (employees and entrepreneurs) in terms of assessment of the crisis' impact on enterprises and various businesses, specific of the socio-economic behavior, resources, and adaptation practices. A feature of socio-economic behavior common for both categories is the wait-and-see approach to find out possible prospects of the economy and the labour market. However, respondents in the status of employee are generally characterized by a more confident assessment of prospects of job preservation and income level. Active forms of adaptive behavior are particularly noticed among respondents employed in the area of information and communication technologies. Entrepreneurs tend to combine, on the one hand, a negative assessment of the impact the crisis has on their business, and on the other, the desire to look for new market opportunities, realistically assessing the threats and risks, and to rely on themselves. In the context of the ongoing crisis, the specificity of the population's socio-economic adaptation is associated not only with the status of employment, but also with the industry specifics, an accumulated portfolio of orders, stability of the client base, and social capital.

Keywords: in-depth interviews, socio-economic adaptation, crisis, economic behavior

Citation: Titov V. (2021) Opportunities and Limitations of the Socio-economic Adaptation in the Coronavirus Crisis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 33–48. DOI: 10.31857/S086904990016455-2 (In Russ.)

Методологические предпосылки анализа социально-экономической адаптации на основе глубинных интервью

Мировой экономический кризис, спровоцированный пандемией коронавируса, разворачивается с 2020 г. и оказывает серьезное негативное влияние на все сферы социально-экономической жизни населения. Эксперты сравнивают последствия нынешней ситуации с «Великой депрессией». Нередко их комментарии наполнены алармистскими настроениями.

Среди наиболее пострадавших от кризиса и связанных с коронавирусом ограничительных мер оказались такие сферы экономики, как туризм, транспорт, гостиничный бизнес и общественное питание, оптовая и розничная торговля, производство, недвижимость, массовая культура. В наиболее уязвимом положении оказались компании малого и среднего бизнеса, многие из которых были вынуждены закрыться либо перейти на «гибкий» режим функционирования, перевести своих сотрудников на дистанционную надомную работу или частичную, временную занятость. Неизбежными последствиями массовой глобальной безработицы и распространения «гибких» неформальных форм занятости становится рост бедности.

Наибольшую устойчивость и даже рост деловой активности продемонстрировали высокотехнологичные компании, которые обеспечили необходимые технологические

возможности для дистанционной работы (видеоконференции, онлайн-торговля, электронная почта, социальные сети, компьютерные игры, потоковые мультимедиа и т.п.).

Кризис объективно усугубляет риск «социальной дистанции». Увеличение «социальной дистанции» проявляется в размывании источников доверия: рациональный расчет на выгодность поддержания деловых обязательств, приверженность общему ценностно-нормативному порядку, подтвержденные ранее обязательства, следование традиции, эмоциональные связи.

Ожидаемым последствием кризиса может стать изменение принятых и усвоенных ранее моделей и форм социально-экономического поведения, социальных представлений о профессионально-образовательных траекториях, путях и способах построения карьеры.

Чтобы содержательно понять и осмыслить проблемы влияния современного кризиса на изменение ранее освоенных моделей социально-экономического поведения, сотрудники Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в мае 2020 г. провели углубленные интервью с 24 респондентами, которые проживают в региональных столицах Приволжского Федерального округа: Самара, Уфа, Ижевск, Оренбург, Нижний Новгород, Киров, Саратов, Пермь, Пенза, Йошкар-Ола, Ульяновск, Казань. Было бы некорректно экстраполировать полученные в ходе интервью данные на население страны в целом. Соответственно, результаты анализа могут быть распространены только на локальные социально-демографические группы.

Интервью проводились при личных контактах с респондентами на основе сценария, который содержал следующие тематические блоки:

- 1) оценка сферы профессиональной деятельности;
- 2) оценка условий трудовой деятельности до кризисной ситуации;
- 3) описание и оценка образовательно-профессиональной траектории, перспектив и условий для успешной карьеры;
- 4) стратегии и тактики адаптационного поведения в условиях кризиса.

Среди респондентов (30–55 лет, имеют профессиональное образование и используют его в работе, оценивают свою профессиональную карьеру как «успешная» или «относительно успешная») были выделены две равные группы: работающие по найму и фрилансеры (индивидуальные предприниматели, самозанятые).

Такое разделение респондентов обусловлено исходным допущением о том, что оценка общего социально-экономического контекста, установки в отношении экономических практик и понимание методов адаптации к существующим условиям в значительной степени связаны со статусом занятости.

Всех респондентов можно условно отнести к «среднему классу» с точки зрения уровня образования, дохода, профессионального статуса, самооценки и социального положения. Исследователи придерживаются той точки зрения, что «среднему классу» присущи следующие функции:

- 1) экономические функции: поставщик высококвалифицированной рабочей силы, экономический донор (уплачивает налоги), создает спрос на потребительском рынке, рациональный инвестор, пополнение малого и среднего бизнеса;
- 2) функция социального стабилизатора;
- 3) политические функции: носитель демократических ценностей, активный и рациональный избиратель, гарант стабильности развития государства, социальный контролер органов государственной власти и местного самоуправления;
- 4) социальная функция проводника инновационных форм социально-экономической деятельности;
- 5) культурно-образовательные функции: интегратор, хранитель и распространитель ценностей, норм, традиций и законов обществ [Аврамова 2008; Григорьев 2001; Средние классы...2003; Средний класс...2009].

Можно предположить, что экономический кризис оказал определенное влияние на выполнение тех или иных функций среднего класса. В то же время следует отметить, что данные углубленных интервью, полученные в ограниченной выборке, могут свидетельствовать о наличии отдельных тенденций и не отражают статистически значимых процессов в обществе в целом.

Представление результатов анализа и интерпретации глубинных интервью подчинено определенной логике, которая обусловлена задачами исследования. Особое внимание обращено на выявление восприятия и оценки респондентами кризисной ситуации, ее влияния на ощущение стабильности социально-экономического положения, оценку рисков потери работы, снижения достигнутого уровня материального положения и статуса и т.п.

В научной литературе проблематика социально-экономической адаптации на протяжении длительного периода изучалась в работах отечественных исследователей [Аврамова, Дикин 1997; Аврамова, Логинов 2002; Аврамова 2005; Аврамова, Логинов 2018; Аврамова 2019; Гордон 1994; Шабанова 1995; Логинов 2020]. Данная проблематика рассматривалась с различных ракурсов: характер отношений между субъектами адаптации и формирующей социально-экономической, институциональной и социокультурной реальностью; модели адаптационного поведения; факторы и ресурсы адаптации; социально-психологические типы адаптационного поведения и т.д. Под адаптацией понимается поведение, которое ориентировано на выстраивание таких хозяйственных практик, форм трудового поведения, мотивации и идентичности, которые были бы адекватны требованиям социально-экономического и институционального контекста и обеспечивали благоприятные возможности для статусного продвижения, профессиональной карьеры и роста доходов.

В качестве методологической основы для интерпретации содержания глубинных интервью целесообразно обратиться к наследию феноменологической социологии А. Шютца и философии М. Хайдеггера [Титов 2019]. А. Шютц в качестве предмета исследования рассматривает процесс социального познания и конституирования «жизненного мира». Концепция «жизненного мира», который понимается как сфера социальной повседневности и самоочевидности, позволяет подойти к пониманию того, что является значимым, актуальным для человека в ситуации обыденных социальных практик, какими проблемами он озадачен в своей повседневной жизни. Человек предстает в данном случае как активный субъект, движимый определенными целерациональными или ценностно-рациональными мотивами, который познает и конструирует свой социальный мир.

Подход Хайдеггера переносит фокус внимания на изначальную включенность человека в социально-культурный контекст, где мир повседневности скорее не конструируется, а задается как некий «естественный» и сам собой разумеющийся нормативный порядок. Социальное бытие человека проявляется в его практической ориентации на мир, умении компетентно использовать окружающие его вещи. Выражением указанной практической ориентации в мире является «забота», «озабоченность» решением повседневных практических проблем. Данный подход позволяет прийти к пониманию социально-культурного фона через выявление представлений о том, что именно респонденты рассматривают в качестве «естественного», «нормального». В результате появляется возможность при анализе приблизиться к пониманию того, что в данной социальной среде и в обществе в целом признают «правильным» образом жизни, «правильными» практиками.

Кроме того, при интерпретации содержания глубинных интервью целесообразно обратиться к методологии анализа нарративов, поскольку интервью обычно содержат те или иные биографические описания в определенном временном и социальном контексте [Робертс 2004].

Интервью содержат интерпретации респондентами своей истории становления, описание карьерных траекторий, определенных драматических событий, через которые раскрывается личная и социальная идентичность респондента. Нарратив опирается

на различные социокультурные дискурсы, верования и идеологии, которые преобладают в обществе. Нарративы могут отражать реакции респондентов на социально-экономические процессы, кризисные ситуации.

Содержание нарративов позволяет описывать жизненный мир повседневности респондентов в различных социальных средах (семья, работа, отдых, хобби, соседи и т.п.), определять ресурсы (формы капиталов: экономический, социальный, культурный, административный), которые использует человек для решения своих практических задач. Описания жизни человека, которые излагаются в нарративах, выстраиваются в определенную последовательность событий, которые могут описываться в различных оценочных формах: стабильность, прогресс или регресс [Gergen 1999; Gergen, M.M., Gergen, K.J. 1984].

Оценка влияния кризиса на социально-экономическую ситуацию

Отдельный блок вопросов интервью был посвящен оценке респондентами эпидемиологического кризиса, его влияния на ситуацию в отрасли и организации, а также тому, как опрошенные воспринимают перспективы адаптации к кризисной ситуации, и возможным способам преодоления негативных последствий кризиса.

В целом респонденты в статусе наемных работников не выражали в интервью повышенной тревоги и алармистских настроений по поводу нынешнего кризиса. Вообще слово «кризис» крайне редко встречалось в интервью, он раскрывался скорее описательно. Изредка респонденты приводили примеры достаточно критического положения, в котором оказались отдельные предприятия, однако ситуация в той сфере, где они работают, в целом описывалась как относительно стабильная.

«У нас все хорошо, все развивается, мы работаем в полную силу, куча работы, куча монтажей. Сестра у меня в строительной фирме, они обанкротились, закрылись. Мы – пока наоборот. Дальше не знаю, что будет, но сейчас все хорошо. Плюс в том, что у нас есть IT-аутсорсинг. Изначально наш ОКВЭД² попал под те организации, которые имеют право работать, потому что мы обеспечиваем, чтобы другие люди работали дистанционно... подключаем, помогаем³» (Самара, менеджер, IT-аутсорсинг и монтажные работы); «Кто-то на удаленке, кто-то работает... По поводу зарплаты то же самое – кто-то получает, кто-то нет. Это именно наша компания. В других компаниях бывает по-другому. У нас большая часть работников осталась на работе – или на удаленке, или выходят» (Уфа, журналист, телерадиокомпания).

В относительно благополучной ситуации оказались респонденты, которые работают на крупных промышленных предприятиях со сформированным портфелем заказов от государства, а также респонденты из организаций, которые сумели перенести определенные операции в дистанционный режим работы (активное использование информационных технологий, разработка программного обеспечения, онлайн-услуги, включая услуги в сфере образования, и т.п.).

Респонденты, которые работают в сфере здравоохранения и оказались в самом эпицентре борьбы с коронавирусом, отмечали рост трудовой нагрузки в своих учреждениях, а также указывали на неудовлетворительное состояние материально-технологической базы, нехватку персонала и медицинских препаратов, низкий уровень оплаты труда. Кризис также выявил серьезные проблемы, связанные с нехваткой медикаментов и молодых сотрудников, плачевными условиями содержания пациентов из-за недостаточно бюджетного финансирования.

² Общероссийский классификатор видов экономической деятельности.

³ Цитаты приводятся с сохранением лексики и стиля речи респондентов.

«Плохо дела обстоят в медицине на сегодняшний день. Плохое медицинское обеспечение, маленькие зарплаты, плохое обеспечение в стационарах. Мебель старая, лекарственные препараты, когда больных очень много, не всегда бывают... То есть, бывает, заканчиваются препараты и лечить нечем. Про питание вообще стыдно говорить. В нашей больнице всю жизнь был пищеблок, где работали наши повара, наш диетврач, все было под контролем – свежее, теплое, горячее и сразу доставлялось детям. Все это закрыли, отдали на аутсорсинг, теперь питание привозное. Представляете, в зимнее время – еда холодная... Кормят плохо, из самых дешевых продуктов. Что относится к клининговой компании, то же самое: в отделении нет уборщиц, нет санитарок, все отдано на аутсорсинг. Есть клининговая компания, где работают либо таджики, либо глубокие пенсионеры, объемы площадей очень большие, моют плохо, люди пожилые... Да, и еще и молодежь не приходит на работу. Работать бывает совсем некому. На тех, кто относится к стационарам, [пандемия] повлияла в лучшую сторону, потому что теперь нам поступает гуманитарная помощь, организации помогают. Недавно получили новые матрасы, подушки, полотенца, как нам говорят – за счет гуманитарной помощи. В наше отделение приобрели кулеры с водой, тоже за счет гуманитарной...» (Пермь, врач, медицинское учреждение).

Ситуация в тех организациях, в которых работают респонденты в статусе наемных работников, существенно различалась в зависимости от обстоятельств. Кризис в меньшей степени коснулся организаций, которые находятся на бюджетном финансировании, имеют возможность получать гранты на развитие тех или иных программ – как, например, региональные телевизионные компании. Судя по ответам респондентов, организации в сфере массовых коммуникаций пытались адаптироваться к кризисной ситуации за счет оптимизации портфеля проектов и штата сотрудников, сокращения оплаты труда, перевода сотрудников на дистанционный режим работы, создания телевизионных программ при содействии региональных и муниципальных органов власти, переноса активности в интернет-пространство.

«Из 1000 человек сейчас выходят на работу 280 – радиослужбы, инженеры, ведущие новостей с радио и телевизионщики – корреспонденты, режиссеры, служба новостей. Еще есть детский телеканал, они выходят на работу, поскольку есть онлайн-уроки ежедневные, которые проходят у детей дистанционно, открытый урок они монтируют. Не знаю, это ноу-хау – в республике или по всей России: в 10 утра публичные личности ведут один урок на разные темы... Остальных смело можно на кризисный период закрывать и ставить повторы. Но в то же время понимаем, что без них никак: тематические программы нужны, документальные фильмы нужны, снимать фильмы и художественные сериалы тоже нужно. Но пока они не работают второй месяц. Какой-то минимум зарплат сохранен. Но скорее всего, после кризиса будет сокращение бюджетов СМИ...» (Уфа, журналист, СМИ).

Учреждения сферы культуры, финансовое положение непосредственно которых зависит от посетителей и бюджетного финансирования, также пытались адаптироваться к кризису через реализацию культурных проектов в онлайн-пространстве.

«У нас муниципальный театр, он находится под управлением культуры в городе и понятно, что они дают, «давайте не расслабляйтесь». Сразу все оживляются и начинают активно работать... Онлайн-спектакли показывают, все же сейчас бесплатно, так что все это как раз запускается, всякие флешмобы, челленджи. В социальной сети разворачивается деятельность, уже идет прямая коммуникация со зрителем... Идут уже очень личные отношения, личная связь со зрителем, очень серьезный подход. Так что в этом смысле даже полезно, да» (Ижевск, веб-дизайн, учреждение культуры).

Респонденты, работающие на условиях найма в рыночных секторах экономики, гораздо чаще указывали на серьезные негативные последствия кризиса для их организаций:

сокращение заработной платы для обслуживающего и вспомогательного персонала, рост трудовой нагрузки на оставшихся сотрудников. Положение подобных организаций в тот период зачастую можно охарактеризовать как «выживание». Одновременно возрас- тала не только межфирменная конкуренция, но и конкуренция за сохранение рабочих мест внутри организаций. Данная ситуация не способствовала росту социального капитала и укреплению внутрифирменного доверия. В связи с этим предпочтение отдавалось выжидательной позиции, ориентации на то, что в будущем ситуация благополучно разрешится сама собой.

«Да выживают просто. Причем не просто какая-то мелкая контора – мелкие конто- ры не знаю, как они, они же платят аренду – а очень сильный бренд. Если посмотреть справочник – сервис этот по всей стране в каждом городе по стольким филиалам, по раз- ным брендам. Им чтобы выжить, нужно... искать лазейки. Они нам сказали, что, ребята, так и так, либо ждите, либо уходите и ищите. [Заработок] сократили сильно, на 70%, если не больше. Фактически работаем за воздух, два месяца. С 12-го числа, может быть, продажи заработают, если, конечно, разрешат. Наверно, сразу будет лучше» (Казань, инженер, автосервис).

Среди респондентов в статусе индивидуального предпринимателя или самозаня- того только те, чья работа связана с разработкой или использованием информаци- но-коммуникационных технологий, говорили о сохранении относительно благоприятной или стабильной ситуации. Большинство индивидуальных предпринимателей и самозаня- тых из сфер общественного питания, туризма, транспортных перевозок и персональных услуг отмечали, что весной 2020 г. потребительский рынок переживал сложный период. Из-за перехода на режим «самоизоляции» падал потребительский спрос, ликвидиро- вались предприятия, падали доходы, происходило сокращение персонала. Присущий предпринимателям оптимизм и уверенность в своих силах не спасали от критической оценки ситуации.

«Идет резкий спад, многие боятся ехать из-за пандемии, боятся заболеть, боятся заразить родственников. И очень много моих знакомых – те, кто дают мне в работу гру- зы, те, кто возят эти грузы, – просто сидят дома и не работают. В том числе мои отсидели ровно месяц» (Киров, ИП, грузоперевозки); «В общепите пока плохо. Сейчас люди стали больше заказывать доставку, мы их не теряем, но это пока. Те, кто получали 20 тыс. рублей, они могли заказывать, может быть, раз или два раза в месяц, а сейчас перестают. Те, кто не работает, уже не заказывают. Только те, кто работает и те, кто может себе позволить, у кого есть какой-то капитал. Общепит же страдает самый первый, к сожалению, он первый начинает на себе чувствовать эту волну. Я так думаю, что люди не готовы потратить деньги на один день на три часа просто погулять. Если только какие-то праздники и дни рождения..., то да, здесь они готовы потратить- ся» (Пенза, ИП, общественное питание).

Индивидуальные предприниматели и самозанятые по-разному оценивали последствия кризиса для собственного дела в зависимости от того, в какой степени их деятельность была связана с непосредственным обслуживанием клиентов. Те респонденты, у которых была возможность осуществлять предпринимательскую деятельность в дистанционном режиме, не выражали серьезной озабоченности последствиями кризиса (индивидуальный тренер по йоге, оператор клубного туризма, риэлтор, программист). Активность профессиональ- ных ассоциаций и социальные связи с местной администрацией также могли помочь таким предпринимателям адаптироваться.

«У нас мало что изменилось. Есть люди, которые испугались и не показывают, не продают квартиры. В основном я не увидела такого протеста, даже многие агент- ства говорят, что в этом году месяц выгоднее, чем в том году. Я считаю, если ты рабо- таешь – у тебя есть работа в нашей сфере, а если ты сидишь дома – конечно ее не бу-

дет. Мы работаем удаленно, в офис не ездим, очень редко. Сегодня я в офисе, потому что у меня много дел скопилось, а так мы из дома, только ездим на показы и просмотры с клиентами – и то в масках. А сделки и все [остальное] мы делаем удаленно, выездные регистрации. МФЦ не работают, но мы нашли все равно выход. Недвижимость – такая вещь, ее нельзя застопорить, потому что многие люди на тот момент, когда это все случилось, продали [недвижимость], а купить не успели. Представляете, что это такое для семьи, когда они продали квартиру, и не купили. СРО⁴, в котором мы состоим, обращалась в Российскую гильдию риэлторов, к нашему губернатору, писали письмо. Нам разрешили делать выездные регистрации» (Саратов, ИП, риэлтор).

В более сложной ситуации оказались те предприниматели, деятельность которых предполагает непосредственный контакт с потребителями, и представители сфер, в которых есть серьезные технологические ограничения для перевода операций в онлайн-режим (общественное питание, индивидуальный пошив одежды). Ситуация в данном случае характеризовалась спадом спроса, резким снижением продаж, утратой клиентской базы. В условиях простаивающих мощностей данные факторы в конечном счете ведут к риску банкротства. Индивидуальные предприниматели, которые оказались в наиболее критической ситуации из-за кризиса, реагировали на него сокращением операционных издержек, выжидательной позицией. Они детально рассматривали преимущества и недостатки того или иного варианта поведения: смена деятельности, изменение статуса занятости и т.п.

«В два [раза] точно упало все. Бывают иногда дни, что выравнивается. Сейчас майские праздники, вообще работы нет до сегодняшнего дня. [Объем работы] очень мал. В деньгах это раза в два, в самой работе раза в три-четыре, потому что иногда один пирог отвезешь, а иногда пять. Сейчас посмотрю май, если совсем туго будет, то, наверно, будем закрываться. Потому что в июне навряд ли сможем выжить, если мы не откроемся [для посетителей]. Аренда дорогая. Приходится и аренду, и налоги платить, электричество. Все стоит – а платить приходится» (Оренбург, ИП, общественное питание).

В более благоприятной ситуации оказались те предприниматели, которые пользовались социальными связями, которые сумели заранее сформировать портфель заказов или продолжали ранее начатые заказы. Прежде всего это относится к индивидуальному домостроительству, которое активизировалось в период перевода многих категорий работников на дистанционный режим. В этом случае положение предприятия в условиях кризиса оказывалось относительно стабильным, а оценка перспектив предприятия достаточно оптимистичной.

«Конкретно не успело затронуть, потому что мои объекты уже начались, то есть заключили договор в основной массе. Обычно еще второй этап начинается в марте..., в этом году сместился март. Апрель я немножко потерял. Не то что потерял, все на связях в любом случае работает, но организация – из-за выездов, из-за невозможности каких-то действий, – она немножко сместилась. Были договоры, были на уровне обсуждения, предварительные выезды, даже устные соглашения негласные, все просто немножко отложилось. В принципе, именно отказ..., – такого у меня нет. Просто получается смещение тех работ, которые [должны были быть] в апреле. Конечно, минус, что мне придется возможно с некоторыми объектами, которые я мог бы сдать осенью, в зиму войти или еще что-то...» (Казань, ИП, строительство); «Скажем так, как правило, любое производственное предприятие живет исходя из портфеля заказов. То есть план заказов у данного предприятия расписан на долгие годы вперед. Так что в этом плане все хорошо» (Пермь, инженер-программист, промышленное предприятие).

⁴ Саморегулируемая организация – некоммерческая структура, которая объединяет индивидуальных предпринимателей и компании, работающие в одном направлении.

В то же время респонденты допускали, что в случае общего ухудшения экономической ситуации в стране и мире негативные последствия могут затронуть все предприятия вне зависимости от организационно-правового статуса, отраслевой принадлежности или размеров деятельности. Возможное развитие экономики по негативному сценарию неизбежно отразится и на перспективах занятости, уровне доходов.

«Всегда есть риск, потому что текущая ситуация с пандемией будет касаться не только производственного сектора экономики, она будет касаться всех секторов, начиная от поставщиков каких-то материалов... Скорее всего, конечно, текущая ситуация – это торможение экономического роста, а экономическое торможение, это, конечно, и зарплатное торможение, грубо говоря. Поэтому тут только время покажет. В такой ситуации, конечно, риск есть, глупо его исключать» (Пермь, инженер-программист, промышленное предприятие).

Благоприятные перспективы с точки зрения сохранения стабильной работы и уровня доходов открывались для тех респондентов на условиях найма, которые были непосредственно связаны с разработкой различных программных продуктов для IT-индустрии, сферы развлечений и т. п. Даже в случае увольнения такие специалисты могли достаточно легко работать на условиях самозанятости в качестве фрилансеров.

«[В стабильности работы] очень уверена, потому что это топовое направление, особенно моушн-дизайн, всякая инфографика, все к этому как раз переходят, в соцсетях везде моушн-дизайн требуется, анимация. Сейчас у меня проект с гейм-дизайном, игровым. Просто даже делать мультики для детей, сейчас рисую мультик про коронавирус. Есть потребность, и она будет в ближайшие годы точно. [Фриланс-проектов] стало больше, потому что у компании... меньше ресурсов нанимать сотрудников и по серьезному давать им какие-то гарантии. Больше потребности стало во фрилансе – и больше фрилансеров, потому что многие потеряли работу. У меня лично наоборот, появляются какие-то проекты дополнительные, больше денег» (Ижевск, фриланс, моушн-дизайн, анимация).

Респонденты, которые работают в коммерческом секторе на условиях найма, проявляли меньшую уверенность в стабильности работы и оплаты труда, однако возлагали некоторые надежды на эффект отложенного спроса, когда после преодоления кризиса рынок, благодаря сбережениям и потребительскому кредитованию, оживляется.

«У людей скопилась определенная сумма, они в течение года деньги откладывают на отдых, допустим, поехать – за границу... Пандемия весной произошла, сейчас люди деньги на отпуск достают потихонечку. И опять же... все поднимется в цене. Если на отдых не едешь, но у тебя деньги есть – почему бы не пойти взять кредит. Небольшой кредит... Если так смотреть – почему бы машину не взять на эти деньги? То есть скорее всего летние продажи пойдут. Не факт, что у нас поднимутся зарплаты, но так как будет много работы – зарплаты все равно чуть вырастут» (Казань, инженер, автосервис).

Среди респондентов в статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых уверенность в стабильности работы и доходов проявляли, прежде всего, занятые в секторе информационно-коммуникационных технологий, а также опрошенные, которые развивали новые и оригинальные виды услуг через Интернет. В то же время даже у оптимистично настроенных предпринимателей и самозанятых встречались осторожные оценки перспектив стабильности своей работы из-за того, что экономика страны может развиваться по негативному сценарию.

Респонденты, которые работают в условиях высокой конкуренции на потребительском рынке и зависят от непосредственного общения с клиентами (общественное питание, пошив одежды и т.п.), более пессимистично оценивали стабильность своей работы и уровень доходов. Присутствовало также мнение о том, что государство в условиях начавшегося кризиса не уделяло должного внимания поддержке бизнеса, забывая о том, что предприниматели являются основными налогоплательщиками.

«У нас нет поддержки бизнеса, вроде бы сейчас бухгалтер отправила заявки на то, чтобы компенсировали зарплату... Может быть, перечислят минималку какую, но не факт еще, пока все под вопросом. В других странах людям капаят, через знакомых знаю, просто так деньги на расчетный счет... У нас этого нет. Мы же получается платим налоги, я плачу налоги пять лет, кто-то работает 20 лет, он же каждый месяц платит налоги за себя и за работников» (Пенза, ИП, общественное питание).

Предприниматели в целом негативно оценивали последствия кризиса для экономики и бизнеса, но они предпочитали сохранять уверенность в том, что их предприятия смогут выжить и преодолеть проблемы благодаря накопленному опыту, базе преданных клиентов и деловым связям. В основном такая уверенность была характерна для отдельных предпринимателей, которые считали, что они способны продержаться на сформированном заранее портфеле заказов, имели накопленный социальный капитал и относительно устойчивую клиентскую базу.

«В том-то и дело, что у меня специфика, и у меня есть наработки, база, я могу не только именно в этой сфере... Еще есть работа, связанная с подрядными организациями, с подрядчиками на объектах либо крупных организаций или административных, госзаказы... Теоретически у меня есть завязки, с кем я мог бы работать и с кем я работаю до сих пор. Но я же тоже не могу говорить за всю ситуацию. Не только строительство – сфера услуг вообще загнулась в некоторых сферах: ресторанный бизнес, торговля какими-то товарами...» (Казань, ИП, строительство).

Представления о ресурсах и практиках адаптации

Респонденты, которые работают по найму в относительно стабильных организациях, в основном выражали убежденность в том, что в сложившейся кризисной ситуации им не придется прилагать какие-либо специальные усилия, чтобы сохранить работу и доход в течение ближайшего года. Подобная установка могла быть обусловлена как ощущением стабильности положения организации и высокой оценкой своей профессиональной компетентности, так и представлением о том, что от самого человека в такой ситуации мало что зависит. Преобладающее большинство респондентов ориентировалось на стратегию пассивного ожидания стабилизации ситуации и продолжения работы в прежнем или более усиленном режиме.

«От меня лично вообще не зависит, это зависит от нашей сегодняшней ситуации. Если у нас пандемия не закончится, то и нас не переведут на без содержания или на 2/3 зарплаты, то мы можем в любой момент встать на бригаду и на нашей заработной плате это никак не отразится. Наша инфекционная больница в настоящее время не должна пострадать, я так считаю, потому что такие больные есть, они едут, ежедневно поступают... Администрация сказала, мы работаем до последнего такого больного» (Пермь, врач, медицинское учреждение).

Респонденты из сферы информационно-коммуникационных технологий часто отмечали, что в сложившейся ситуации разрыва непосредственного общения из-за перевода сотрудников на дистанционный режим работы еще актуальнее стало освоение компетенций в сфере современных коммуникационных технологий. Во многих отраслях экономики, где активно развивается проектный подход к организации труда, для создания оригинальных, творческих продуктов (телевидение, деловой консалтинг) также необходимо использовать современные технологии. При этом специалисты осознавали те или иные недостатки в профессиональной деятельности и необходимость освоения новых компетенций. Профессиональные квалификации в новых сферах могут способствовать не только сохранению рабочего места, но и росту человеческого капитала, который можно инвестировать в создание собственного бизнеса.

«Внутри своей работы, там, где как наемник, может даже не с целью сохранения своей работы, а с целью выполнения всех задач, идей..., [приложить] усилия для выполнения эффективно работы своей. Наверно, это в принципе и сохранит мое рабочее место, это раз. Плюс все равно планирую сейчас активнее начинать развивать свой бренд на перспективу..., более широко, а не просто внутри своего региона. И идея со своей компанией все равно у меня останется» (Йошкар-Ола, HR бизнес-партнер, образовательное учреждение).

Среди респондентов в статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых преобладала установка на то, чтобы прилагать дополнительные усилия для сохранения своего дела в условиях кризиса и разрыва деловых связей. Только некоторые респонденты, которые были твердо уверены в своих способностях справиться с кризисной ситуацией, не выражали желания прилагать специальные усилия для сохранения работы и доходов. В то же время представители малого бизнеса не разделяли присущую многим наемным работникам установку на смирение перед обстоятельствами, ощущение невозможности влиять на ход событий. Для этой категории в большей степени был характерен поиск новых возможностей ведения конкурентной борьбы, стремление реалистично оценивать угрозы и риски, сравнивать альтернативы. Вариант изменения статуса занятости на наемного работника они либо не рассматривали, либо учитывали как последнюю возможность. Усвоенные практики и образ мышления предпринимателя, ощущение работы как личного дела ориентируют респондентов этой категории на желание сохранять свой бизнес до последнего.

«Я должен предложить нечто такое, чтобы человек, который пришел покушать, выбрал именно меня. Это дополнительные затраты на рекламу, возможно запуск каких-то новых продуктов, но пока об этом не думаю» (Саратов, ИП, общественное питание); «Всегда готовы к [дополнительным усилиям], нужно делать свою работу качественно. И думать о поставщиках, смотреть от начала... и до конечного потребления... Весь этот процесс нужно делать, не расслабляться. Только расслабишься – где-то что-то вылетает, все падает, что-то ломается. Нужно делать свою работу» (Пенза, ИП, общественное питание).

В целом, респонденты, которые работают на условиях найма, проявляли готовность в случае необходимости начать искать другое место работы, связывая это с семейными обязательствами, наличием ипотеки. Часто в интервью выражалось мнение, что возможна даже смена сферы деятельности при условии сохранения примерно той же заработной платы. Помимо накопленного профессионального опыта и знаний, уверенность в возможности найти работу респонденты связывали также с приобретенными на предыдущем жизненном этапе полезными социальными связями. В то же время занятые на промышленных предприятиях традиционных отраслей выражали несколько меньшую степень уверенности в том, что им удалось бы легко найти работу с приемлемыми условиями труда и уровнем заработной платы в случае кризисной ситуации. Однако долг перед семьей, ипотека и кредиты неизбежно оказывают сильное стимулирующее влияние на поиск работы.

Высокая уверенность в том, что они легко найдут работу в случае острой необходимости, прежде всего, была характерна для респондентов из сферы информационно-коммуникационных технологий и здравоохранения. Их профессиональные знания и опыт в силу своей универсальности и специфичности в современных условиях востребованы в любой сфере экономики.

«Совсем не трудно, потому что программисты везде нужны. Опять же, если есть умение программировать, знание одного из языков программирования и опыт большой – это востребованные люди. Изменить можно место работы в любое время» (Пермь, инженер-программист, промышленное предприятие).

Респонденты в статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых в целом выражали уверенность в том, что им удалось бы найти другое место работы в случае возникновения критической ситуации из-за необходимости обеспечить приличное существование своих семей. В то же время изменение статуса занятости и потерю бизнеса они восприняли бы достаточно негативно. Предпринимателю надо преодолеть множество трудностей, чтобы создать бизнес, и он воспринимает свое дело как «дитя», которое требует опеки и заботы.

«Я не думаю об этом, не хочу. Были такие моменты, думал – пошел бы сейчас я работать по найму или не пошел бы? Я не хочу, просто нет. У меня этот бизнес, он был изначально как маленький ребенок, его сначала кормить надо, поддерживать надо, потом он начинает ходить, падать, ты его поднимаешь. Тут то же самое» (Пенза, ИП, общественное питание).

Рассчитывать на трудоустройство в критической ситуации предпринимателям позволяет накопленный социальный капитал (клиенты, деловые партнеры, друзья и т.д.). Семья в этой ситуации как правило воспринимается как последнее убежище от житейских тревог и предмет особых забот и обязательств.

«Лучше много друзей иметь, чем 100 рублей. Всегда можно работу найти, если друзья есть, хотя бы с чего-то начать, в любом случае найдется работа. За это не переживаю. Скорее да, семья есть, куда деваться, надо же зарабатывать» (Оренбург, ИП, общественное питание).

В целом респонденты, работающие на условиях найма, были скорее уверены, что они смогут добиться некоторого успеха в жизни, если кризис не продлится слишком долго. Одновременно они осознавали, что продолжающийся кризис наиболее сурово отразится на тех видах бизнеса, которые непосредственно связаны с обслуживанием потребителей и непосредственным контактом с клиентами. Работа на условиях найма в этой ситуации выглядела для них более предпочтительной альтернативой, которая позволила бы обеспечить минимально приемлемый уровень потребления.

«Я думаю, что в этой сфере [добиться успеха в ситуации пандемии] не проблема. Это проблема опять же для бизнесменов серьезных: идти искать клиентов, с кем-то договариваться, искать контракты, это сейчас проблематичнее. Или ресторанам, фитнес-клубам. В моем случае нет, все равно всегда было удаленно, будет удаленно, мне не нужно ни с кем встречаться, к кому-то напрашиваться. Поэтому я думаю, что не должно быть таких проблем» (Ижевск, фриланс, моушн-дизайн, анимация).

Респонденты также обращали внимание на то, что случившийся кризис, а также связанная с ним самоизоляция и дистанционная работа достаточно негативно отразились на общем психологическом состоянии человека. У людей возникала раздражительность, стрессы, неуверенность в себе. Респонденты высказывали мнение, что преодолеть экзистенциальную тревогу можно с помощью личных усилий, переосмысления естественных страхов, порой – через религиозность и поиск трансцендентных смыслов.

«Надо думать о хорошем, и тогда все будет нормально, мне так кажется. А если впадать в уныние и в себе копать, спрашивать, «чего ты в жизни достиг»... Это самое плохое, что есть в человеке – самокопание, самобичевание, постоянно какой-то червяк грызет... Кто-то великий сказал, что страх – это преддверие чего-то, еще ничего не случилось... Потом может ничего не случиться, а что ты боялся до этого? Самое главное – избавиться от страхов своих... Поэтому надо его изживать и не думать никогда о плохом, только о хорошем» (Казань, инженер, автосервис).

С точки зрения некоторых респондентов в статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых, коронакризис может содержать в себе не только негативные последствия, но и некоторые скрытые возможности. Он может открыть новые перспективы, которые необходимо выявлять и использовать в своих интересах. С точки зрения отдельных

предпринимателей, преодоление кризиса, прежде всего, зависит от личных усилий, воли, целеустремленности и других подобных качеств.

«Для кого-то кризис – крах, а для кого-то – возможность двигаться дальше. Поэтому я считаю, что любой кризис – возможность, опять-таки. Бросить себе вызов и добиться еще большего результата, потому что слабые остаются слабыми, а сильные остаются сильными. У того, кто был слаб, возможно, наоборот, просыпается характер, и он с космической скоростью начинает развиваться» (Нижний Новгород, самозанятый, туризм).

В целом респонденты из сектора индивидуального предпринимательства выражали более прагматичные установки в отношении возможностей и преград на пути достижения успеха. Среди возможных барьеров они отмечали требования государства к бизнесу в связи с режимом «социальной изоляции», острый дефицит ликвидности из-за падения товарооборота, повышение арендной платы, необходимость оплачивать счета за электроэнергию в условиях простоя. Тем не менее, даже у предпринимателей сохранялась надежда на определенный патернализм со стороны государства, которое могло бы помочь продержаться им на плаву с помощью налоговых льгот, снижения арендной платы, и других мер.

«Мы готовы развиваться, но сами понимаем, что не от нас зависит это. В следующий раз осенью закроют – и все. Мы просто договариваемся с арендодателями, будем думать... чтобы они нам немножко снизили аренду, чтобы продержаться на будущее. Правительство им снизит налоги, нам снизят арендную плату, может быть, чтобы хотя бы как-то продержаться всем. Потому что у нас база большая, там много предпринимателей, все работают и хотят тоже остаться на плаву. Хоть немножко, но помогло бы» (Оренбург, ИП, общественное питание).

Несмотря на трудности, которые возникали на пути развития их бизнеса, предприниматели принимали скорее целерациональную позицию, которая проявлялась, в частности, в стремлении более тщательно анализировать информацию, проводить оценку перспектив развития экономики и потребительского спроса, сопоставлять различные варианты совершенствования своего дела.

«Надо будет проанализировать, как изменился мир после всего этого. И для себя сделать выводы, какие отрасли в случае такого катаклизма менее всего пострадали... Это стоит теперь тоже учитывать. Не только вложил столько-то, получил столько-то, отработанная схема... Даже не знаю, придется реально очень сильно подумать, посмотреть, пообщаться с людьми, мир вокруг изучить, что будет по-новому. Если раньше нужно было к открытию подойти с умом, сейчас еще больше: нужно прямо хорошенько подумать, прежде чем вкладывать деньги и – если это какой-то бизнес – что требуется на начальном этапе, будет ли через пару лет окупаться» (Уфа, ИП, дизайн одежды, торговля).

Предварительные выводы

Особенности восприятия и способы адаптации к сложившейся весной 2021 года социально-экономической ситуации в значительной степени зависели от статуса занятости. От того, трудился ли человек на себя как предприниматель или самозанятый, или он работал на условиях найма, определялись и многие аспекты социально-экономического поведения: планирование и принятие решений, трудовая мотивация, выраженность целерациональных установок, готовность к принятию новых тенденций, отношение к риску и т.п.

В целом для обеих категорий была характерна общая черта социально-экономического поведения – стремление занять выжидательную позицию с целью мониторинга текущей ситуации и выявления возможных перспектив в экономике и на рынке труда. Неопределенность сложившейся ситуации и неясность перспектив стимулировала действовать осторожно, не предпринимая каких-либо серьезных шагов. Эту установку можно

интерпретировать и как рациональную выжидательную стратегию, и как усвоенную в процессе социализации норму, которая ориентирует на смирение перед судьбой. В то же время можно говорить о некоторых отличиях.

Так, респонденты в статусе наемного работника отмечали, что кризис в сравнительно меньшей степени коснулся организаций на бюджетном финансировании и тех, у которых была возможность получать субсидии, гранты. Достаточно стабильное положение в условиях кризиса удавалось сохранять определенным промышленным предприятиям, которые выполняли государственные заказы. Благоприятная оценка перспектив сохранения работы и уровня доходов была характерна также для респондентов из организаций, которые создавали и активно использовали информационно-коммуникационные технологии. Достаточно высокая уверенность в сохранении работы и уровня доходов отмечалась среди респондентов из сфер массовой телекоммуникации и здравоохранения. Респонденты, которые работали в рыночном секторе на условиях найма, гораздо чаще указывали на негативные последствия кризиса для их организаций: сокращение заработной платы для обслуживающего и вспомогательного персонала, рост трудовой нагрузки на оставшийся персонал. В целом для респондентов из бюджетной сферы и крупных промышленных компаний была характерна стратегия пассивного ожидания стабилизации ситуации и продолжения работы в прежнем или более усиленном режиме. В основе такой стратегии лежала уверенность в том, что от личных усилий в данной ситуации ничего не зависит. Респондентам, занятым в сфере информационно-коммуникационных технологий, в большей степени была присуща более активная стратегия экономического поведения, которая предполагала освоение востребованных для их сферы профессиональных навыков, современных коммуникационных технологий и программных продуктов.

Большинство предпринимателей из сфер общественного питания, туризма, транспортных перевозок, пошива одежды и персональных услуг отмечали, что весной 2020 г. потребительский рынок переживал достаточно сложный период. Индивидуальные предприниматели реагировали на кризис сокращением операционных издержек, выжидательной позицией, детальным рассмотрением преимуществ и недостатков того или иного варианта поведения: смена деятельности, изменение статуса занятости и т.д. Наиболее высокая уверенность в стабильности работы и доходов была характерна для респондентов, деятельность которых непосредственно связана с информационно-коммуникационными технологиями. Однако даже у оптимистично настроенных респондентов встречались осторожные оценки перспектив стабильности из-за возможности развития экономики страны по негативному сценарию. Респонденты, которые работали в условиях высокой конкуренции на потребительском рынке, выражали более пессимистические оценки стабильности своей работы и уровня доходов. В этой группе преобладала установка на дополнительные усилия для сохранения своего дела в условиях кризиса и для данной категории респондентов в большей степени были характерны поиск новых возможностей ведения конкурентной борьбы, стремление реалистично оценивать угрозы и риски, сравнивать альтернативы. Тем не менее, они либо не рассматривали вариант перехода в статус наемных работников, либо учитывали ее только как последнюю возможность. Рассчитывать на трудоустройство в критической ситуации предпринимателям позволял накопленный ранее социальный капитал (клиенты, деловые партнеры, друзья и т.п.). Возможным вариантом выхода из критической ситуации виделось освоение смежного вида деятельности. Среди возможных барьеров для достижения успеха в бизнесе респонденты называли пролонгацию режима «социальной изоляции», нехватку оборотных средств, необходимость оплачивать счета за электроэнергию в условиях простоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраамова Е.М. (2005) Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–15.
- Авраамова Е.М. (2008) Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*, № 1. С. 28–36.
- Авраамова Е.М. (2019) Доступность ресурсов развития для различных категорий населения // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 36–51.
- Авраамова Е.М., Дискин И.Е. (1997) Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 24–33.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002) Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2018) Адаптационные стратегии населения в 2017 г. // *Экономическое развитие России*. Т. 25. № 3. С. 74–76.
- Гордон Л.А. (1994) Социальная адаптация к современным условиям // *Социологические исследования*. № 8–9. С. 3–15.
- Григорьев Л.М., Малева Т.М. (2001) Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // *Вопросы экономики*. № 1. С. 45–61.
- Логинов Д.М. (2020) Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 470–487.
- Малева Т.М. (ред.) (2003) Средние классы в современной России: экономические и социальные стратегии. Моск. М.: Гендальф. 506 с.
- Робертс Б. (2004) Конструирование индивидуальных мифов. // *ИНТЕР*, № 2–3. С. 7–15.
- Титов В.Н. (2019) Наследие М. Хайдеггера и А. Шютца в контексте развития интерпретативной социологии. // *Общественные науки и современность*. № 6. С.157–173.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа. 320 с.
- Шабанова М.А. (1995) Социальная адаптация в контексте свободы // *Социологические исследования*. № 9. С. 81–88.
- K.J. Gergen (Ed.) (1999). *An Invitation to Social Constructionism*. London: Sage.

REFERENCES

- Avraamova E. M. (2008) Srednij klass epohi Putina [Middle Class in the Epoch of Putin]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 28-36.
- Avraamova E.M. (2005) Vosproizvodstvo adaptacionnyh praktik v period rossijskoj transformacii [Reproduction of Adaptation Practices in the Period of Russian Transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5-15.
- Avraamova E.M. (2019) Dostupnost' resursov razvitiya dlya razlichnyh kategorij naseleniya [Accessibility of Development Resources for Different Categories of the Population]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 36-51. DOI 10.31857/S086904990005084-4
- Avraamova E.M., Diskin I.E. (1997) Adaptaciya naseleniya i elit (Institucional'nye predposylki) [Adaptation of the Population and Elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 24-33.
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) Social'no-ekonomicheskaya adaptaciya: resursy i vozmozhnosti [Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 24-34.
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2018) Adaptacionnye strategii naseleniya v 2017 g. [Population Adaptation Strategies in 2017]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 25, no. 3, pp. 74-76.
- Gergen K.J. (1999). *An Invitation to Social Constructionism*. London: Sage.
- Gordon L.A. (1994) Social'naya adaptaciya k sovremennym usloviyam [Social Adaptation to Modern Conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8-9, pp. 3-15.
- Grigor'ev L.M., Maleva T.M. (2001) Srednij klass v Rossii na rubezhe etapov transformacii [The middle class in Russia at the turn of the transformation stages]. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 45-61.

Loginov D.M. (2020) Social'noe samochuvstvie rossijskogo naseleniya v period ostroj fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 6, pp. 470-487. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>

Maleva T.M (Ed.) (2003) *Middle Classes in Russia: Economic and Social Strategies*. Moscow: Gendalf. 506 p.

Roberts B. (2004) Konstruirovaniye individual'nyh mifov [The Constriction of Personal Myths]. *INTER*, no. 2-3, pp. 7-15.

Tihonova N.E., Mareeva S.V. (2009) *The Middle Class: Theory and Reality*. Moscow: Al'fa-M. 320 p.

Titov V.N. (2019) Nasledie M. Hajdeggera i A. Shyutca v kontekste razvitiya interpretativnoj sociologii [The Legacy of M. Heidegger and A. Schutz in the Context of The Interpretative Sociology Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp.157-173. DOI: 10.31857/S086904990007567-5.

Об авторе

Титов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социального развития Института социального анализа и прогнозирования Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Адрес: 119034, Пречистенская набережная, д.11. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

About the author

Vladimir N. Titov, Doctor of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 119034, Prechistenskaya Embankment, 11. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 29.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990014960-8

Оригинальная статья / Original Article

Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления¹

© М.М. НАЗАРОВ

© П.А. КОВАЛЕВ

Назаров Михаил Михайлович, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия), vy175867@yandex.ru

Ковалев Павел Алексеевич, Департамент Аналитических исследований НСК (Москва, Россия), pkovalyov@yandex.ru

Аннотация. Результаты исследования фиксируют, что COVID-19 существенно повлиял на потребление двух ведущих в российском обществе медиа – телевидения и интернета. В связи с глобальностью пандемии исследование российской аудитории проводится в контексте анализа аналогичных трендов зарубежных стран. Показано, что пандемия усиливала или меняла тренды медиапотребления, потенциал которых был сформирован в результате массового внедрения коммуникационных инноваций в предыдущее десятилетие. Зафиксировано, что присущий ранее телевидению тренд сокращения длительности просмотра сменился в период пандемии 2020 г. на обратный. Тренд роста длительности использования интернет продолжился. В особенности это относится к различным форматам онлайн-видео. Наибольший рост медиапотребления наблюдался в период первой волны заболеваемости и введения карантинных мер. Наблюдалось углубление процессов медиатизации. Пандемия изменила социально-психологическую атмосферу и режим жизнедеятельности людей, что привело к интенсификации информационных процессов в обществе. Процессы конвергенции медиа обрели в год пандемии дополнительный импульс. Пользовательские экраны телевизоров, смартфонов и других устройств образуют теперь единое пространство борьбы за внимание аудитории. Данная тенденция усиливает конкуренцию между традиционными телекомпаниями и новыми технологическими платформами, а также имеет серьезные политико-экономические и социокультурные следствия.

¹ Исследование выполнено в ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы № 185 «Цивилизационные перемены в современной России: духовные процессы, ценности, идеалы» по государственному заданию НИР «Социокультурные и религиозные процессы в современной России»

Acknowledgements. The research was carried out at ISPR FCTAS RAS within the Program of fundamental scientific research of state academies of sciences for 2013–2020 No. 185 «Civilizational Changes in Modern Russia: Spiritual Processes, Values, Ideals» according to the state assignment of scientific research «Socio-Cultural and Religious Processes in the Modern Russia»

Ключевые слова: телевидение, интернет, медиапотребление, пандемия, COVID-19

Цитирование: Назаров М.М., Ковалев П.А. (2021) Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления // Общественные науки и современность. № 4. С. 49–63. DOI: 10.31857/S086904990014960-8

The Pandemic and Long-Term Media Consumption Trends

© M. NAZAROV

© P. KOVALEV

Mikhail M. Nazarov, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vy175867@yandex.ru

Pavel A. Kovalev, Department of Analytical Research, NSC Company (Moscow, Russia), pkovalyov@yandex.ru

Abstract. The results of this study provide evidence that COVID-19 has significantly influenced the consumption of two leading types of media in Russia - television and the Internet. Since the pandemic is a global phenomenon, the study of the Russian media usage is conducted with international media trends taken into account. The research indicates that the pandemic has reinforced existing media consumption patterns or reversed them. The authors argue that technological communication innovations of the last decade have played an important role in this process. The study shows that the trend of the duration of audience viewership reduction, previously inherent in television, was reversed during the 2020 pandemic. The results reported that the long-term trend of the Internet use duration increasement continued. This is especially true for the online video segment. A significant increase in media consumption was observed during the first wave of the pandemic and the introduction of quarantine measures. The pandemic has changed the socio-psychological atmosphere in society, influenced people's way of life, which has led to the intensification of information processes in society. Media convergence processes gained additional momentum in the year of the pandemic. All of that leads to deepening of the mediatization. User screens of TVs, smartphones and other devices now form a unified space of struggle for the attention of the audience. This increases competition between traditional TV companies and global technological platforms, and has significant political, economic, and socio-cultural consequences.

Citation: Mikhail M. Nazarov, Pavel A. Kovalev (2021) Pandemic and Long-Term Media Consumption Trends. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 49–63. DOI: 10.31857/S086904990014960-8 (In Russ.)

Глобальный кризис, связанный с пандемией COVID-19, повлиял практически на все аспекты образа жизни и социального поведения людей. Самым непосредственным образом это относится к сфере медиа, которые играют все возрастающую роль в современном обществе. На данную тенденцию указывают в том числе тренды информационного потребления, которые составляют предмет нашего исследования. Мы исходим из того, что текущий кризис разрушил одни сложившиеся практики и интенсифицировал другие, потенциал к развитию которых сформировался в предыдущие годы и десятилетия. В связи с данным тезисом в статье рассматриваются следующие исследовательские вопросы. В чем состояли важные тренды медиапотребления, которые сложились в предыдущее десятилетие? Как медиапотребление изменилось в период пандемии 2020 г.? В чем состоят актуальные сопряженные с пандемией и трансформацией современного медиаландшафта социальные последствия?

В фокусе исследования находятся телевидение и интернет, которые можно назвать наиболее массовыми и влиятельными медиа в российском обществе. Причем в отношении ин-

тернета особый акцент делается на аудитории различных видео-сервисов, которые теперь составляют непосредственную конкуренцию телевидению. Анализ российской ситуации проводится в контексте отдельных развитых зарубежных коммуникационных рынков.

Остановимся на концептуальных и эмпирических основаниях исследования. В работе мы опираемся на понятие конвергенции как на важное теоретико-прикладное представление. Применительно к области медиа конвергенция представляет собой сближение средств и процессов коммуникации, которое обусловлено технологическими инновациями. Применительно к цифровой среде речь идет не о замене одних медиа другими, а о трансформации медиаландшафта, когда происходит «столкновение старых и новых медиа» [Дженкинс 2018]. Конвергенция медиа имеет несколько уровней проявления: технологический, медиаэкономики и бизнес-моделей, корпоративных стратегий и коммуникативного поведения аудитории [Zotto, Lugmay 2016, 9-10.].

Другим релевантным подходом к анализу предметной области можно назвать концепцию медиатизации, которая отражает растущую в последние несколько десятилетий роль масс-медиа в обществе, политике и культуре. Сторонники данного подхода утверждают, что современные медиа – особенно возможности интернета и социальных сетей – расширяют естественные границы коммуникативных возможностей человека. Активное проникновение медиа в «ткань» повседневной жизни происходит за счет того, что они становятся глубинным проводником и площадкой, на которой разворачиваются повседневные практики общения и обмена [Schultz 2004]. Медиатизация есть «двусторонний процесс», в ходе которого медиа становятся «автономными» институтами, которые действуют по своим собственным законам и одновременно интегрируются в другие, столь же независимые институты – политику, семью, религию [Hjarvard 2008] [Коломиец 2020, 236-237]. При этом важно учитывать то, что, по мнению критиков, не получает достаточного отражения в рамках концепта медиатизации. Речь идет об усилении концентрации глобальных цифровых коммуникационных конгломератов; росте корпоративного влияния на политико-культурные процессы и реализации бизнес-моделей, которые ведут к ослаблению роли традиционных медиа [Murdock 2017].

Также в работе мы опираемся на концепцию медиазамещения, которая помогает понять особенности эволюции медиа-практик во времени [Kayany, Yelsma 2000; Cha, Chan-Olmsted 2012]. В основе подхода лежит идея об относительной ограниченности временных и материальных ресурсов аудитории. Появление новых медиа неизбежно приводит к усилению конкурентной борьбы за аудиторию. Соответственно, включенность и использование аудиторией у одних медиа растет, у других – уменьшается. Среди медиа проигрывают в большей степени те, в отношении которых новые медиа успешнее замещают сложившиеся функции и предлагают их развитие. В связи с этим важнейшим фактором становятся коммуникационные технологии, которые обеспечивают эффективное удовлетворение существующих и зачастую формирование новых потребностей аудитории. В последние годы опубликованы результаты, которые подтверждают справедливость концепции медиазамещения относительно отдельных сегментов современной информационной среды. [Tefertiller 2018; Nimrod 2019].

Эмпирическую основу работы составили несколько источников. Используются материалы ежегодного общероссийского проекта «Телевидение глазами телезрителей», который проводил Аналитический центр «Vi» (сравнительные данные 2012 и 2017 гг.). Генеральная совокупность исследования – городское население РФ в возрасте от 15 лет и старше. В 2012 г. исследование проведено совместно с АНО «Левада-Центр»², численность опрошенных N=2340; в 2017 г. – совместно с ООО «ГфК-Русь», N=3000. Также проводился вто-

² АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ричный анализ данных о коммуникативном поведении российской аудитории телевидения и интернета, которые опубликовал российский индустриальный измеритель Mediascore. Для сопоставления российской ситуации с зарубежными трендами используются материалы ведущих мировых коммуникационных холдингов и аналитических структур.

Долгосрочная динамика медиа в предпандемный период

Анализ аудиторных трендов телевидения и интернета на эмпирическом уровне фиксирует ключевые процессы, которые усилились или получили обратную направленность в год начала пандемии.

Рассмотрим сначала аудиторные тренды телевидения. Обратимся в этой связи к международным сравнительным данным, которые охватывают период 2012-2019 гг. (таб. 1). Российская ситуация схожа с ситуацией в других странах с развитой коммуникационной инфраструктурой (США, Великобритания, Германия). В целом изменения говорят о постепенном уменьшении среднего времени использования телевидения. В России и Германии указанный тренд стал проявляться в индустриальных данных примерно с 2016 г., уменьшение находилось в пределах 5-8%. В США и Великобритании аналогичный тренд присутствует на всем периоде анализа. Падение здесь оказалось большим: 18% в США и 25% в Великобритании.

Таблица 1

Среднесуточная длительность медиапотребления 2012-2019 гг. (час:мин)

Table 1.

Average Daily Media Consumption 2012-2019 (hours:minutes)

		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
США	ТВ	5:13	5:05	4:57	4:49	4:47	4:42	4:30	4:23
	Интернет	2:07	2:21	2:34	3:00	3:09	3:36	3:56	4:19
Великобритания	ТВ	4:17	4:08	3:58	3:56	3:51	3:43	3:33	3:24
	Интернет	1:33	1:50	2:07	3:19	3:34	4:00	4:30	4:57
Германия	ТВ	3:56	3:54	3:54	3:57	3:59	3:57	3:53	3:47
	Интернет	1:23	1:48	1:51	1:48	2:08	2:29	3:16	3:24
Россия	ТВ	4:12	4:14	4:20	4:23	4:23	4:20	4:09	3:51

Источник: *Zenith Media Consumption Forecasts* [Austin, Barnard, Hutcheon 2019].

Source: *Zenith Media Consumption Forecasts* [Austin, Barnard, Hutcheon 2019].

Чтобы подробнее рассмотреть российскую ситуацию, обратимся к репрезентативным данным аудиторных изменений телевидения и интернета в отдельных возрастных группах населения (возрастных когортах) в двух временных точках наблюдения в 2012 и 2017 гг. (рис. 1 и рис. 2). Для возрастной когорты рядом приводятся два столбца, которые отражают длительность медиапотребления. Первый столбец отражает длительность потребления медиа в данной когорте в 2012 г. (на графике возраст когорты приводится без скобок). Вторым столбцом отражает длительность потребления медиа представителями той же когорты в 2017 г., т.е. группой, которая повзрослела на 5 лет (на графиках возраст когорты приводится в скобках). Другими словами, рядом представлены два столбца данных о длительности медиапотребления когорты, которая «движется» во времени – претерпевает изменения на интервале в пять лет.

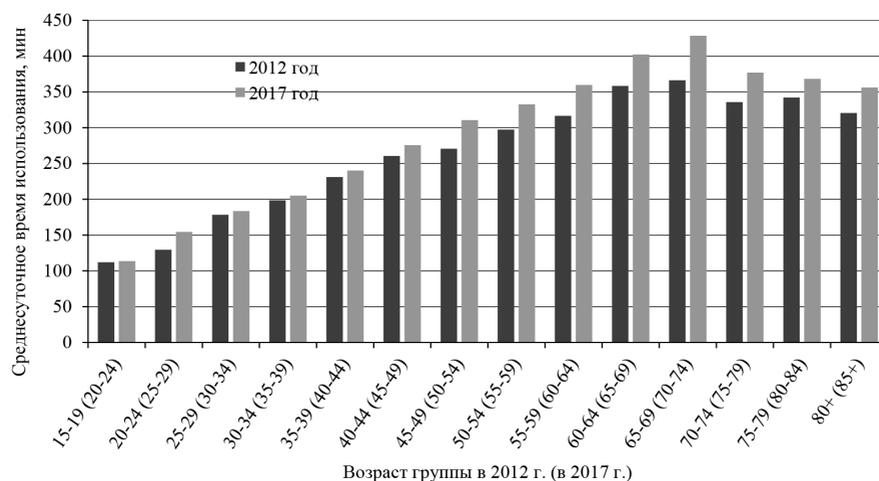

Рис. 1. Среднесуточное время использования телевидения в возрастных когортах в 2012 и 2017 гг. (мин)

Figure 1. Television Average Daily Usage in Age Cohorts in 2012 and 2017 (minutes)

Источник: Mediascope. TV Index. Городское население, в возрасте от 15 лет и старше.

Source: Mediascope. TV Index. Urban population from 15 and older.

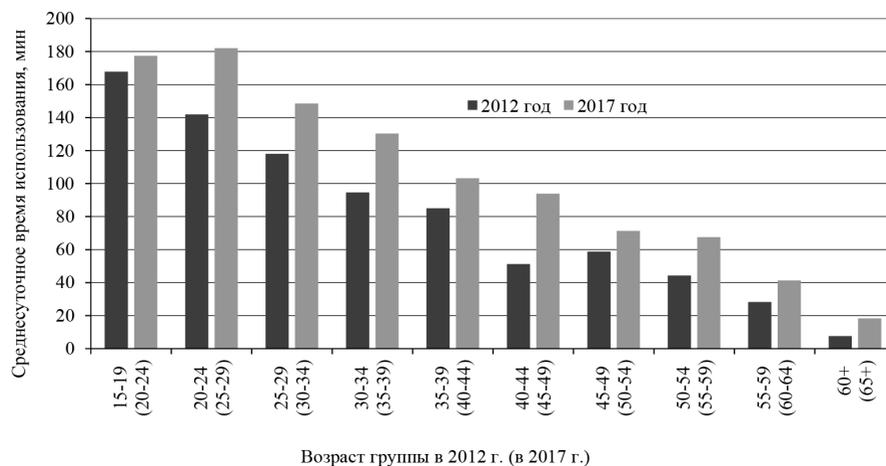

Рис. 2. Среднесуточное время использования интернета в возрастных когортах в 2012 и 2017 гг. (мин)

Figure 2. Internet Average Daily Usage in Age Cohorts in 2012 and 2017 (minutes)

Источник: Исследование «Телевидение глазами телезрителей». Аналитический центр «Vi». Городское население, в возрасте от 15 лет и старше.

Source: The results of "Television through the eyes of TV viewers" study. Analytical Center «Vi». Urban population from 15 and older.

В секторе телевидения наблюдается устойчивый тренд роста длительности просмотра с возрастом. Согласно приведенным данным, во всех группах, начиная с группы «15-19 лет», телесмотрение растет по мере взросления. Наряду с этой характеристикой более важным является другое обстоятельство. Следующие когорты начинают этот рост с уже более низкого

уровня, и их рост – по мере взросления – также будет происходить по более низким уровням. Перед нами факт постепенного «сжатия» аудитории. Другими словами, представители почти всех исследуемых нами групп спустя пять лет смотрели телевизор меньше, чем их предшественники. Вполне правомерно ожидать продолжение данного тренда с течением времени.

На рис. 2 приведена динамика длительности использования интернета в возрастных когортах российского населения. Очевидно, что в молодых когортах данный показатель выше. Одновременно существенно более высокие темпы прироста использования интернета были присущи группам средних и старших возрастов. Так, в группе тех, кому в 2012 г. было «40-44 года» (и стало в 2017 г. «45-49 лет») темпы роста длительности использования интернет составили 80%. Среди более молодой аудитории – например тех, кому в 2012 г. было «15-19 лет» – темпы роста пользования интернет за пять лет (к 2017 г.) оказались порядка 5%. Таким образом, в предыдущее десятилетие использование интернета становилось все более массовым явлением, которое было присуще в той или иной мере всем членами общества, а не только его отдельным «продвинутым» группам. Для зарубежных рынков также характерна высокая положительная динамика показателя.

Важной предпосылкой для роста аудитории интернета стало бурное развитие коммуникационно-технологических инноваций в России за последние 20 лет. В первое десятилетие нынешнего века возростала доля пользователей домашними компьютерами и ноутбуками, а также доступ к домашнему интернету (от 2-5% до 65-70%). Затем темпы прироста в данных секторах достигли насыщения и замедлились. Одной из ярких особенностей инновационного развития в последнее десятилетие стал рост покрытия страны широкополосным высокоскоростным мобильным интернетом – по крайней мере, в городских агломерациях. Одновременно массово распространились смартфоны (от 60% и более).

Динамика средней длительности использования интернета отражает проникновение или диффузию коммуникационных инноваций во времени. Опираясь на известные дефиниции отдельных групп общества по скорости и глубине принятия ими инноваций, можно предположить следующее [Rogers 1983, 247-250]: большая часть «инноваторов», «ранних последователей» и «раннего большинства» сосредоточены в молодых возрастных группах – в интервале 15-34 лет. В этих группах уровень активности использования интернета был близок к насыщению и прирастал низкими темпами. Данная динамика обусловлена тем, что начало и бурный рост распространения современных интернет-сервисов в нашей стране совпал с периодом взросления указанных групп. Большая часть «позднего большинства» сосредоточена в более старших возрастных группах. Для них была характерной опережающая (с точки зрения относительного прироста длительности) активность обращения к интернету в последнее десятилетие.

Комментируя особенности долгосрочной аудиторной динамики российского телевидения, будем иметь в виду следующие моменты. К концу второго десятилетия нынешнего века традиционное телевидение, по всей видимости, достигло максимального уровня своего охвата. Средняя длительность телевизионного потребления начала сокращаться. Важную роль здесь сыграли процессы конвергенции медиа последнего десятилетия. Именно в этот период распространение ряда важнейших цифровых коммуникационных технологий перешло от состояния инноваций к стадии массового использования. Мы являемся свидетелями процесса, когда ранее отграниченные между собой среды традиционных медиа – телевидение, пресса, радио – постепенно включаются в некую метасреду на основе инфраструктуры интернет. Одновременно в рамках самой среды интернет появляются новые платформы, которые расширяют возможности удовлетворения информационных потребностей: социальные сети, мессенджеры, поисковые системы, видеосервисы и т.д.

Обратим внимание еще на один принципиальный момент конвергенции. До последнего времени современный телевизор с такими важными для пользователями характеристика-

ми, как большой экран и качественное изображение, был «закрытой» средой. Иными словами, просмотр программ был возможен посредством «закрытых» сред кабельного, спутникового, наземного вещания. При этом просмотр другого – «нетелевизионного» – видео зачастую происходил на смартфонах, планшетах и компьютерах. В последние несколько лет появились технологии, которые «раскрывают» доступ к домашнему экрану. Сейчас все более распространяют возможности медиасервисы OTT (over-the-top) – технологии «открытой» среды интернет, когда прием телевидения производится через т.н. «умные» телевизоры Смарт ТВ. Одновременно на устройствах со Смарт ТВ можно смотреть нетелевизионный видеоконтент из интернета. Данная тенденция серьезно влияет на конкуренцию между традиционными телекомпаниями и новыми цифровыми платформами.

Эмпирически подтверждают конвергентные процессы данные Global TV Group – организации, которая объединяет телевизионных вещателей разных стран мира³. Приведенная статистика характеризует конкуренцию телевидения и других средств доставки видеоконтента. В таких странах, как Россия, Великобритания и Германия, в 2019 г. доля просмотра традиционного вещательного телевидения находилась в пределах 64%-82% от всего экранного потребления. Доля просмотра программ телевидения через интернет (по запросу или в прямом эфире) была небольшой и находилась на уровне 3-6%. Заметной оказывается доля другого (нетелевизионного) видеоконтента – до 30%. Лидером в данном сегменте в большинстве стран мира выступает YouTube, глобальная стриминговая платформа для просмотра видеоконтента в интернете.

Приведенные тренды подтверждают справедливость слов М. Маклюэна о скрещивании или гибридном соединении средств коммуникации. В 60-е годы прошлого века автор отмечал, что медиа «устанавливают новые пропорции, причем не только между нашими частными чувствами, но и между собой» [Маклюэн 2003, 63-64]. В данном контексте важны не технологические усовершенствования сами по себе, а «социальные последствия конфигураций или паттернов, усложняющих или ускоряющих существующие процессы, ... то изменение масштаба, скорости или формы, которые приносятся в человеческие дела» [Маклюэн 2003, 10]. В нашем случае серьезное социально-политическое и культурное звучание темы определяется тем, что в течение более полувека линейное телевидение было доминирующей экранной формой в домохозяйствах и занимало основную долю свободного времени людей. Однако к концу второго десятилетия нынешнего века ситуация начала постепенно меняться не в пользу телевидения.

Медиапотребление в период COVID-19 (2020 г.)

Пандемия повлияла на многие стороны жизни современного человека. Фундаментальным обстоятельством здесь стала цифровизация, сопряженная с переводом многих традиционных форм деятельности – в том числе в сфере потребительского поведения – в онлайн. Характерно, что связанные с использованием медиа активности индивидов оказались в период пандемии более востребованными, чем ранее.

Обратимся к данным исследования COVID-19 Barometer 2020⁴. В рамках исследования изучался вопрос о том, какие виды деятельности в период пандемии индивиды практиковали чаще из-за вынужденного пребывания дома. Показательно, что первые пять пози-

³ The Global TV Deck. The Global Proof of TV's Power and Popularity. (2020) (<http://www.theglobaltvgroup.com/tgtv-deck/>).

⁴ Исследование «Барометр COVID-19» проводила компания Statista. Измерялись настроения и установки населения, а также влияние эпидемии на экономическое поведение граждан четырех основных мировых рынков – США, Великобритании, Китая и Германии. Полевой этап исследования проводился в период марта-мая 2020 г. (<https://www.statista.com/study/72001/covid-19-barometer/>). Данные вторичного анализа, проведенного авторами. Приводятся средние цифры по трем странам.

ций в ранжированном ряду ответов респондентов из США, Великобритании и Германии оказались одинаковыми. Три из пяти позиций относятся к области информационного потребления. Итак, в связи с пандемией, самоизоляцией и изменением практик жизнедеятельности люди стали чаще: смотреть телевизор – 66%; следить за новостями – 59%; заниматься приготовлением пищи – 48%; заниматься уборкой и работой по дому – 47%; обращаться к стриминговым видеосервисам – 44%. Во второй пятерке типов деятельности, к которым респонденты прибегали чаще в условиях пандемии, находились прочие медийные активности – общение в социальных сетях, чтение, видеоконференции с друзьями, видеоигры. Можно предположить, что при всех отличиях политико-экономического и социокультурного плана, типы активностей, которые «стимулировала» пандемия, были более или менее сходными и в России.

Рассмотрим подробнее особенности использования телевидения и интернета в нашей стране в период пандемии. В таблице 2 приводятся данные о среднесуточном использовании ТВ и интернета в России по месяцам в течение 2020 г. Наибольшая длительность использования этих медиа приходится на апрель 2020 г. В связи с данной статистикой обратим внимание на две особенности месячной динамики аудитории в ковидный год.

Первая особенность медиапотребления относится к фактору сезонности, который имеет циклический характер. Обычно сезонность особенно заметна на примере телевидения. Ее специфика состоит в том, что аудитория (как по своей величине, так и по длительности использования медиа) начинает свой рост в последние месяцы осени, достигая максимума зимой – в январе. Затем весной и в последующие месяцы наблюдается ее уменьшение. Своего минимума потребление достигает в теплые месяцы лета, на которые обычно приходится массовый период отпусков [Полуэхтова 2010, 157]. В год пандемии этого не произошло – пик прироста потребления в обоих секторах пришелся на апрель 2020 г. В последующие месяцы года существенных аудиторных изменений не наблюдалось.

Таблица 2

Среднесуточная длительность использования ТВ и Интернет в России по месяцам в 2020 г. (мин)

Table 2

Average Daily Television and Internet Consumption across months in 2020 г. (minutes)

	Телевидение	Интернет
январь.20	246	192
февраль.20	234	193
март.20	239	192
апрель.20	269	215
май.20	241	191
июнь.20	218	177
июль.20	205	170
август.20	207	174
сентябрь.20	210	176
октябрь.20	224	180
ноябрь.20	236	187
декабрь.20	233	185

Источник: Mediascope TV Index, Mediascope WEB-Index⁵.

Source: Mediascope TV Index, Mediascope WEB-Index.

⁵ Измерение телевидения: Mediascope TV Index, Городское население РФ, в возрасте от 4 лет и старше. Интернет: Mediascope WEB-Index, Desktop & Mobile. Городское население РФ. Пользователи в возрасте «12-64». (<https://webindex.mediascope.net/general-audience>).

Вторая особенность проявляется, если рассматривать помесячную динамику использования медиа в контексте данных о распространении случаев заражения вирусом в России во времени (рис. 3). Очевидно, что именно в апреле 2020 г. наблюдалось резкое увеличение заболеваемости – т.н. первая волна коронавируса. На данный период также приходились усилия властей по борьбе с пандемией, включая ограничительные меры: лимиты на передвижение для лиц от 65 лет и старше, перевод части занятого населения на удаленный формат работы, широкий переход к онлайн-образованию и др. Также важно отметить, что тема COVID-19 занимала центральное место в новостной повестке дня российских медиа и привлекала серьезное внимание аудитории. Сопряженные с этим изменения в образе жизни также привели к тому, что часть дополнительного свободного времени люди стали посвящать медиа. Заметим, что в последующие месяцы 2020 г. рост использования как телевидения, так и интернета не наблюдался. Уровень медиапотребления оказался не связан со значительно большим (чем в первую волну) количеством выявленных случаев заболевания в ноябре-декабре 2020 г., во вторую волну коронавируса.

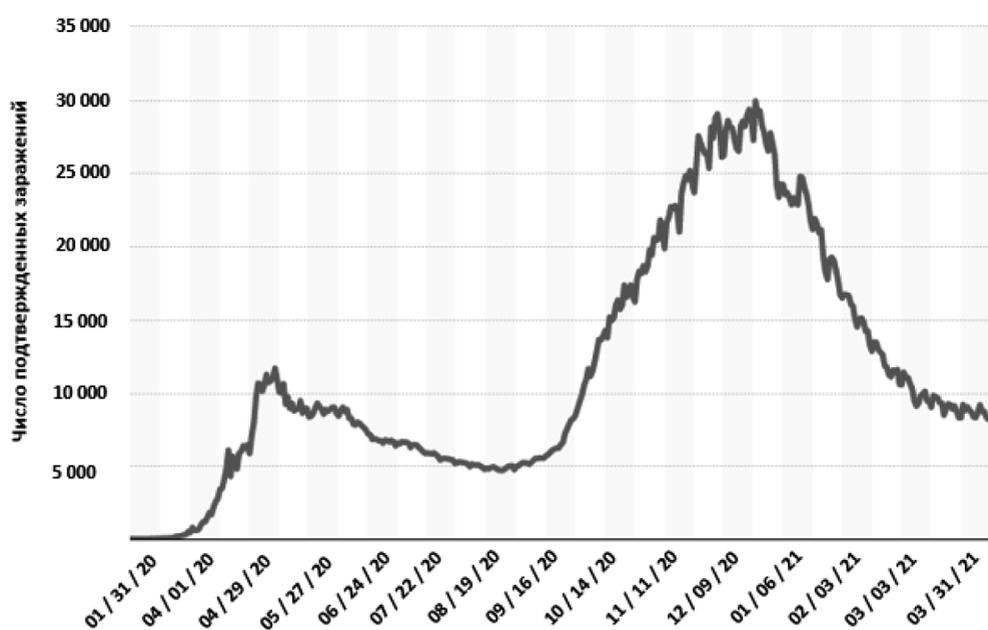

Рис 3. Динамика подтвержденных случаев заражений за сутки COVID-19 в России, январь 2020 – апрель 2021 гг.

Figure 3. Trends in Confirmed Daily Infection Cases of COVID-19 in Russia, January 2020 – April 2021

Источник: Коронавирус-монитор, статистика по России предоставляется Роспотребнадзором РФ.
Source: Coronavirus-monitor, data per Russia provided by Rospotrebnadzor.

Пандемия – глобальное явление, соответственно, аналогичные тенденции медиапотребления были характерны и для других стран мира. Так, в апреле 2020 г. наблюдался максимальный прирост среднесуточной длительности просмотра телевидения по отношению к апрелю 2019 г. в США (+34%), Великобритании (+19%), Германии (+14%), Франции

⁶ <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/>

(+33%)⁷. В России прирост составил +25%. Благодаря бурному использованию телевидения в первые месяцы COVID-19, в целом за 2020 г. длительность телесмотра в мире возросла на 5%⁸.

Показательно, что всплеск внимания аудитории в наиболее пиковый месяц медиапотребления 2020 г. наблюдался среди представителей различных возрастных групп. Информация об этом применительно к телевидению приведена в таблице 3. Наибольший рост длительности потребления был зафиксирован в группе молодых пользователей в возрасте «14-17 лет» – 34%. В более старших группах телесмотрение возросло меньше: +8% в группе «18-24 года», +16% у группы «25-34 года». Следовательно, телевидение в период первой волны пандемии активно стали смотреть те, кто ранее смотрел телевизор очень мало или не смотрел вообще.

Таблица 3

**Рост среднесуточного просмотра телевидения в отдельных возрастных группах
(апрель 2020 / апрель 2019)**

Table 3

Average Daily TV Viewing Growth in Age Groups (April 2020 / April 2019)

Группы аудитории (возраст)	апр. 2020 / апр. 2019
14-17 лет	34%
18-24 года	8%
25-34 года	16%
35-44 года	24%
45-54 года	30%
55-64 года	28%
65 лет и старше	24%
Все (от 4 лет и старше)	25%

Источник: *Mediascope TV Index*⁹.

Source: *Mediascope TV Index*.

Как отмечалось выше, экранное или видеопотребление охватывает сейчас не только телевидение, но и другие варианты просмотра видеоконтента через интернет. Помимо YouTube, к мировым лидерам также относятся такие глобальные стриминговые платформы, как Netflix, Disney Plus и др. Все они за период пандемии 2020 г. увеличили свои аудиторные показатели. Очевидно, что COVID-19 и связанные с ним ограничения стали важным фактором для роста данного сегмента. Netflix, например, лидирует на рынке США и привлекает аудиторию качественным киноконтентом. Рост подписчиков Netflix в 2020 г. на глобальном уровне составил +11% по сравнению с 2019 г.¹⁰. Показательно, что в США во втором квартале 2020 г. доля просмотра стриминговых сервисов составила четвертую часть от всего времени использования экрана телевизора¹¹.

⁷ Vaulpre F. Glance-Mediametrie. Global Review of Lockdown Viewing – Towards a ‘New Normal’? A Detailed Analysis of TV and Content Consumption Since January. 2020 Asi Virtual Conference. 3rd November 2020 Session. (<https://www.asiconferences.com/conferences/2020-asi-virtual-conference/>).

⁸ One TV Year 2020 – Glance. Press Release. 12.04.2021. (<https://www.glance-mediametrie.com/en/one-television-year-world-1>).

⁹ Телеаудитория выросла на четверть в апреле 2020. 13 мая 2020 г. (<https://mediascope.net/news/1139341/>).

¹⁰ Warc. (2021) Media Owner Profile: Netflix, Global. (<https://www.warc.com/content/paywall/article/warc-datapoints/media-owner-profile-netflix-global/129427>).

¹¹ Lukovitz K. (2020) Streaming Now Accounts For 25% Of U.S. TV Usage. 13.08.2020. (<https://www.mediapost.com/publications/article/354705/streaming-now-accounts-for-25-of-us-tv-usage.html>).

Согласно данным о среднемесячном времени использовании YouTube на мобильных устройствах, в целом в 2020 г. на мировых рынках наблюдался существенный рост по сравнению с 2019 г. Обращает на себя внимание тот факт, что в России YouTube имеет один из наиболее высоких среднегодовых темпов роста – +21%¹². На российском рынке в целом аудитория стриминговых сервисов возросла в 2020 г. на 17%¹³. Важно также отметить расширение аудитории российских игроков. Лидерами сегмента стали ivi, Okko, Megogo. Данная тенденция не случайно проявилась в период пандемии: просмотр видео стал одним из основных способов досуга для россиян в условиях ограничений.

Рассматривая приведенные данные в совокупности, можно сказать о следующем. Долгосрочные российские тренды потребления телевидения и интернет претерпели в пандемийном году изменения разной направленности. Тренд на сокращение средней длительности просмотра, который наблюдался в секторе телевидения последние десять лет, сменился на обратный. Обращение индивидов к телевидению в 2020 г. возросло. Тренд на увеличение длительности использования интернета продолжился. Важную роль при этом сыграли стриминговые платформы, которые существенно расширили доступ к разнообразному видеоконтенту для аудитории.

Вместо заключения: социальные измерения трансформации медиаландшафта

По итогам 2020 г. правомерно сделать общий вывод о том, что кризис пандемии интенсифицировал информационные процессы в обществе в целом. Индивиды стали активнее пользоваться ведущими на сегодня типами медиа – телевидением и интернетом. Причем в отношении интернета надо учитывать, что речь идет не только о росте видеопотребления, но и об общении в социальных сетях, использовании поисковых ресурсов и т.д. Кроме того, цифровизация и распространение коммуникационных сервисов привели к тому, что широкий набор видов деятельности из сфер работы, учебы и досуга перешел в онлайн.

В концептуальном плане правомерно говорить, что 2020 г. способствовал углублению медиатизации. О данном тренде свидетельствует динамика эмпирических индикаторов медиапотребления. Обращаясь к функционалистской трактовке медиатизации, правомерно говорить о том, что кризис 2020 г. продемонстрировал развитие потенциала медиа в части расширения коммуникативных возможностей человека. Медиа оказываются в состоянии «замещать различные виды социальной деятельности». Одновременно социальным акторам приходится «подстраиваться» под то, как функционируют медиа [Krotz 2007]. Более того, в нынешних условиях медиатизированного мира личное взаимодействие более не является безусловным центром формирования смыслов, «центром социального бытия». Даже тогда, когда мы общаемся друг с другом напрямую, мы делаем это с учетом повседневной реальности, которая тесно переплетена с медиа [Couldry, Hepp 2017, 27-33].

Углубление медиатизации связано также с текущим социально-историческим периодом, общим кризисным этапом развития современного капитализма. По оценке известного британского социолога З. Баумана, одним из его значимых социально-психологических измерений можно назвать чувство страха и всеобщей неуверенности, которые пронизывают жизнь большинства людей. Данная тенденция связана с «возведением конкурентоспособности и «открытой для всех» погони за максимальной выгодой в ранг основного (и чуть ли не единственного) критерия, разделяющего правильные и неправильные поступки и действия» [Бауман 2002, 201]. В более широком плане указанное состояние произошло от современных вызовов обществу индустриального модерна, его

¹² Clapp R. (2021) YouTube Consumption Shows Double-Digit Growth. (<https://www.warc.com/content/article/warc-datapoints/youtube-consumption-shows-double-digit-growth/136278>).

¹³ Платящая аудитория российских онлайн-кинотеатров выросла на 52% до 8,5 млн человек. 09.03.2021. (http://www.kinometro.ru/news/show/name/online_2020_tmtcons_8540).

институтам и нормам. Причем с этим напрямую связаны глобальные проблемы. У. Бек в своей известной работе с характерным названием «Общество риска» писал о связи данной тенденции с экологией [Бек 2000].

Данную логику можно применять, рассматривая кризис, порожденный COVID-19. Пандемия стала тем новым глобальным вызовом, который привел к усилению настроений, связанных с ощущением общей угрозы, нарастанием нестабильности и опасности на уровне индивида, группы и общества в целом. Согласно международному исследовательскому проекту Edelman Trust Barometer, пандемия была фактором, который усилил существовавшие страхи и опасения индивидуального и социального плана. Так, в октябре – ноябре 2020 г. распространенность подобных настроений была следующей: страх потери работы – 84%; негативных климатических изменений – 72%; хакерских и кибер-атак – 68%; заражения COVID-19 – 65%; утраты гражданских свобод – 61%¹⁴. Такая социально-психологическая атмосфера объективно предполагает актуализацию информационных потребностей и большую роль медиа. Данная тенденция – повышение включенности людей в информационные потоки в течение 2020 г. – и была зафиксирована нашим исследованием.

Дополнительная интерпретация этого обстоятельства может быть предложена на основе теории зависимости медиа, которая была введена в научный оборот при изучении эффектов массовой коммуникации [DeFleue, Ball-Rokeach 1989]. Согласно данному подходу, система медиа в обществе выполняет важную роль, связанную с базовыми мотивами индивидов – понимание себя и мира; ориентация действий на уровне межличностных и общественных контактов; широко понимаемая рекреативная активность. Особую социальную значимость система медиа приобретает в критические моменты истории – во время экономических кризисов, природных катастроф, политических потрясений и социальных конфликтов. Неопределенность и психологическая дезорганизация во время таких событий возрастают, индивиды объективно становятся более зависимыми от внешней медиасреды. Медиа становятся одним из немногих источников, к которым индивиды обращаются, чтобы понять происходящее, найти ответы на вопрос о том, как снизить риски индивидуальной и общественной безопасности. Именно медиа в решающей степени формировали информационную атмосферу о COVID-19, его политико-экономических и социокультурных последствиях.

Высокая информационная активность в период пандемии соотносится с темой доверия к различным медиа. В условиях кризиса люди ищут в медиа информацию, которая поможет им выстроить более стабильную и предсказуемую картину мира. В результате они могут выстроить индивидуальную стратегию, адекватную для кризисных условий. Как известно, уровень институционального доверия в России не очень высок – в том числе и к средствам массовой информации. Проведенные в столичном регионе в мониторинговом режиме исследования показали, что в период 2016 – 2018 гг. уровень доверия москвичей к медиа был невысоким и находился в пределах 25% [Назаров, Иванов, Кублицкая 2019]. Аналогичный замер, проведенный в период первой волны COVID-19 в Москве в апреле-мае 2020 г., серьезных изменений не зафиксировал: уровень доверия составил 23%¹⁵. Среди различных медийных источников наибольшим доверием у россиян пользуются традиционные медиа (телевидение, радио, пресса) – по результатам исследований они опережали социальные медиа и другие источники в интернете^{16,17}.

¹⁴ Edelman Trust Barometer 2021 Global report. (<https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>).

¹⁵ Данные репрезентативного исследования населения Москвы в возрасте от 15 лет и старше (N = 872). Применялась квотная выборка со связанными параметрами. Метод сбора информации – онлайн-опросник. Полевые работы проводились в мае-июне 2020 г. Исследование проведено Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН.

¹⁶ ВЦИОМ: Россияне доверяют традиционным СМИ больше, чем интернету. 26 июня 2020. (<https://news.rambler.ru/sociology/44412388-vtsiom-rossiyane-doverayut-traditsionnym-smi-bolshe-chem-internetu/>).

¹⁷ Левада Центр: источники новостей и доверие СМИ. 27.02.2020. (<https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi/>).

В заключение стоит упомянуть еще об одной важной характеристике изменяющегося медиаландшафта. Обсуждая динамику аудиторных трендов, не стоит забывать, что они напрямую соотносятся с политико-экономическими вопросами. Данная связь обусловлена тем, что подавляющее большинство медиа работают на рыночных основаниях, причем фактор внимания и контактов с контентом служит решающей предпосылкой максимизации доходов. В борьбе за эффективное удовлетворение ключевых потребностей аудитории – информирования и рекреации – побеждают те, у кого есть необходимые ресурсы для производства качественного контента и его распространения. В сложившейся ситуации возможности телекомпаний оказываются существенно более скромными, нежели ресурсы цифровых гигантов. По итогам 2020 г. экономическое состояние большинства ведущих мировых телекомпаний оказалось значительно сложнее, нежели глобальных интернет-гигантов (Google, Facebook, Amazon и др.). Последние даже в период пандемии демонстрировали устойчивый рост¹⁸. В 2021 г. глобальные цифровые платформы увеличили темпы своего роста¹⁹.

Вместе с тем, телевидение в любом обществе выполняет важные социально-политические и культурные функции, являясь инструментом информационной власти. Здесь в ряду первоочередных задач телевидения – обеспечение национальной идентичности и поддержание единого политико-идеологического и культурного поля, в котором существуют граждане и государство. Данные задачи становятся еще более важными в условиях обострения противоречий между ведущими цивилизационными субъектами и роста глобальных вызовов, в которые оказываются включены как национальные государства, так и мощнейшие транснациональные компании, в том числе и цифровые гиганты. Соответственно, все более актуальными становятся вопросы правового регулирования национальной информационной среды: как заставить всех игроков, в том числе глобальные технологические платформы, следовать единым нормам деятельности в российской информационной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. (2002) Индивидуализированное общество. М.: Логос.
Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
Дженкинс Г. (2018) Конвергентная культура. М.: Рипол Классик.
Коломиец В.П. (2020) Медиатизация медиа. М.: Издательство Московского университета.
Маклюэн М. (2003) Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле.
Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. (2019) Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 19. № 2. С. 277-288.
Полуэхтова И.А. (2010) Социокультурная динамика российского телевидения. М.: Аналитический центр «Видео Интернешнл».
Austin A., Barnard J., Hutcheon N. (2019) Zenith Media Consumption Forecasts 2019. London: Zenith.
Cha J., Chan-Olmsted S. M. (2012) Substitutability between online video platforms and television. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. vol. 89. no. 2. pp. 261-278.
Couldry N., Hepp F. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity.
DeFleuer M., Ball-Rokeach S. (1989) *Theories of Mass Communication*. New York: Longman.
Hjarvard S. (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*. vol. 29. no. 2. pp. 105–134.

¹⁸ How Covid-19 Supercharged the Advertising 'Triopoly' of Google, Facebook and Amazon. March 19, 2021. (<https://www.wsj.com/articles/how-covid-19-supercharged-the-advertising-triopoly-of-google-facebook-and-amazon-11616163738>).

¹⁹ Global Marketing Monitor Weekly Market Trends. 01.02. 2021. (<https://www.groupm.com/global-marketing-monitor-weekly-market-trends-may-01-2021/>).

- Kayany, J. M., & Yelsma, P. (2000) Displacement Effects of Online Media in the Socio-technical Contexts of Household. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. vol.44 no. 2. pp. 215–229
- Krotz, F. (2007). The Meta-Process of ‘Mediatization’ as a Conceptual Frame. *Global Media and Communication*, vol. 3 no.3. pp. 256–259.
- Murdock G. (2017) Mediatisation and the Transformation of Capitalism: The Elephant in the Room. *Javnost - The Public*. vol. 24. no. 2. pp. 119-135.
- Nimrod G. (2019) Selective Motion: Media Displacement among Older Internet Users. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. no. 9. pp. 1269-1280.
- Rogers E.M. (1983) *Diffusion of Innovations*. New York: The Free Press.
- Schultz, W. (2004). Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*. vol. 19. no. 1. pp. 87–101.
- Tefertiller A. (2018) Media Substitution in Cable Cord-Cutting: The Adoption of Web-Streaming Television. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. vol. 62. no. 3. pp. 390–407.
- Zotto C., Lugmayr A. (2016) Media Convergence as Evolutionary Process. Lugmayr A., Dal Zotto C. (eds.), *Media Convergence Handbook*. Vol 1. Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

REFERENCES

- Austin A., Barnard J., Hutcheon N. (2019) *Zenith Media Consumption Forecasts 2019*. London: Zenith.
- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo*. [The Individualized Society] Moscow: Logos.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Cha J., Chan-Olmsted S.M. (2012) Substitutability between Online Video Platforms and Television. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. no. 89. no. 2. pp. 261-278.
- Couldry N., Hepp F. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity.
- DeFleuer M., Ball-Rokeach S. (1989) *Theories of Mass Communication*. New York: Longman.
- Global Marketing Monitor Weekly Market Trends. Groupm (2021). 01.02. 2021 (<https://www.groupm.com/global-marketing-monitor-weekly-market-trends-may-01-2021/>).
- Hjarvard S. (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*. vol. 29. no. 2. pp. 105–134.
- Jenkins H. (2018) *Konvergentnaya kul'tura*. [Convergent Culture]. Moscow: Ripol Klassik.
- Kayany, J. M., & Yelsma, P. (2000) Displacement Effects of Online Media in the Socio-technical Contexts of Household. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. vol.44 no. 2. pp. 215–229
- Kolomiets V.P. (2020) *Mediatizatsiya media*. [Mediatization of Media] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Krotz, F. (2007). The Meta-Process of ‘Mediatization’ as a Conceptual Frame. *Global Media and Communication*. vol. 3 no.3. pp. 256–259.
- McLuhan M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Murdock G. (2017) Mediatisation and the Transformation of Capitalism: The Elephant in the Room. *Javnost - The Public*. vol. 24. no. 2. pp. 119-135.
- Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. (2019) Media, instituty i doverie rossijskikh grazhdan [Media, Institutions and Trust of Russian Citizens]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Sotsiologiya. vol. 19. no. 2. pp. 277-288.
- Nimrod G. (2019) Selective Motion: Media Displacement among Older Internet Users. *Information, Communication & Society*. vol. 22. no. 9. pp. 1269-1280.
- Poluekhkhtova I.A. (2010) *Sotsiokul'turnaya dinamika rossijskogo televideniya*. [Sociocultural Dynamics of the Russian Television]. Moscow: Analiticheskij tsentr «Video Interneshnl».
- Rogers E.M. (1983) *Diffusion of Innovations*. New York: The Free Press. pp. 247-250.
- Schultz, W. (2004). Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*. vol. 19. no. 1. pp. 87–101.
- Tefertiller A. (2018) Media Substitution in Cable Cord-Cutting: The Adoption of Web-Streaming Television. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. vol. 62. no. 3. pp. 390–407.
- Zotto C., Lugmayr A. (2016) Media Convergence as Evolutionary Process. Lugmayr A., Dal Zotto C. (eds.), *Media Convergence Handbook*. vol 1. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. pp. 9-10.

Об авторах

Назаров Михаил Михайлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: ул. Фотиевой, д. 6, к. 1., 19333, Москва, Россия. E-mail: vy175867@yandex.ru

Ковалев Павел Алексеевич, кандидат социологических наук, ведущий эксперт Департамента Аналитических исследований НСК. Москва, Россия. Адрес: ул. Академика Павлова, д. 25., 121359, Москва, Россия. E-mail: pkovalyov@yandex.ru

About the authors

Mikhail M. Nazarov, Doctor of Sciences (Political Sociology), Chief Research Fellow, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: Fotievoj Street, 6-1, 19333, Moscow, Russia. E-mail: vy175867@yandex.ru

Pavel A. Kovalev, Candidate of Sciences (Sociology), Leading Expert of the Department of Analytical Research. NSC Company. Address: 25 Akademika Pavlova, 121359, Moscow, Russia. E-mail: pkovalyov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 29.06.2021

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация

© В.А. ОЛЕНЧЕНКО

Оленченко Владимир Анатольевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), olenchenko.vladimir@mail.ru

Аннотация. Страны Прибалтики в 2019 г. прошли 15-летний рубеж членства в Евросоюзе. Прошедший юбилей ни в Прибалтике, ни в ЕС не отмечали, и он не привлек внимания других стран. После распада СССР в 1991 г. страны Прибалтики предпочли не присоединиться к объединившему бывшие советские республики СНГ, а вступить в ЕС. Страны Прибалтики, будучи непосредственными географическими соседями России, генерируют конфликтность в двусторонних отношениях. Цель статьи – исследовать, как пребывание стран Прибалтики в ЕС отразилось на их развитии, и насколько антироссийская ориентация прибалтийской внешней политики обусловлена членством в ЕС. Поставленную цель можно достичь через решение двух задач. Первая – изучить главные показатели нынешнего состояния прибалтийских экономик. Вторая – рассмотреть прибалтийскую конфликтность в отношениях с Россией в рамках ЕС. Для исследования автор использует метод сравнения статических данных Евросоюза за 2004–2019 гг. применительно к странам Прибалтики, а также сопоставление обязательств отношений России и ЕС по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (1997 г.) с деятельностью стран Прибалтики. Результаты исследования показывают, что прибалтийские экономики, несмотря на 15 лет членства в ЕС, остаются дотационными. Конфликтность стран Прибалтики в отношениях с Россией прямо не вытекает из правовых основ их членства в ЕС, а по большей части обусловлена рядом других внешних факторов.

Ключевые слова: Евросоюз, страны Прибалтики, варианты развития, динамика ВВП, постсоветское пространство, COVID-19.

Цитирование: Оленченко В.А. (2021) Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация // Общественные науки и современность. № 4. С. 64–76. DOI: 10.31857/S086904990016456-3

The Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Their Anti-Russian Orientation

© V. OLENCHENKO

Vladimir A. Olenchenko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), olenchenko.vladimir@mail.ru

Abstract. In 2019, the Baltic states passed the 15-year mark of membership in the European Union. This anniversary was not celebrated in the Baltic states or in the EU and did not attract attention of other countries. After the collapse of the USSR in 1991, the Baltic states chose not to join the CIS, but to join the EU. For Russia, the Baltic states are immediate geographical neighbours, which generate conflict in bilateral relations. The purpose of the study is to examine how the Baltic states' membership in the EU affected the main characteristics of their development and to what extent anti-Russian orientation of the Baltic foreign policy is due to EU membership. Achievement of this goal is seen through the solution of two tasks. The first is to study the current state of the Baltic economies. The second is to analyze the Baltic states conflict in relations with Russia within the EU. For the study, the method of comparing the statistical data of the EU for 2004-2019 was used in relation to the Baltic countries, as well as a comparison of the contractual obligations of relations between Russia and the EU with the practice of the Baltic countries. The results of the study show that the Baltic economies, despite long enough EU membership, remain subsidized. Conflict between the Baltic states and Russia does not directly come from the legal basis of their membership in the EU but is mostly due to several other external factors.

Keywords: EU, Baltic countries, development options, GDP, post-Soviet space, COVID-19.

Citation: Olenchenko V. (2021) Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Anti-Russian Orientation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 64–76. DOI: 10.31857/S086904990016456-3 (In Russ.)

В настоящее время страны Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) могут обоснованно считаться последовательными участниками процесса европейской интеграции с солидным стажем. В 2019 г. исполнилось 15 лет их пребывания в Европейском союзе (ЕС), отсчет которого идет с 01.05.2004 г. Вступая в ЕС, прибалтийские государства рассчитывали на интеграцию в экономическую группировку с устойчивыми темпами роста и постоянным подъемом благосостояния населения. Предполагалось, что данные характеристики распространятся и на прибалтийские страны. Пребывание в ЕС оказалось не таким благополучным. Прибалтийским государствам пришлось вместе с другими странами-членами пройти через глобальный кризис 2007–2009 гг.; кризис суверенного долга в Греции (2010 г.), который поставил под сомнение существование евро; вхождение в украинский кризис (2014 г.); миграционный кризис (2015 г.); санкционный режим в отношениях России и ЕС (2014–н. вр.) и брекзит (2016–2020 гг.). Данный ряд дополнил кризис, который возник в результате пандемии COVID-19¹.

После выхода из состава СССР в 1991 г. страны Прибалтики предпочли политически противопоставить себя России. В частности, Латвия и Эстония отказались предоставлять гражданство русскоязычному населению, тем самым ограничив его политические и экономические права. Прибалтийские политические деятели публично дистанцировались от России, сохраняя в то же время широкие двусторонние хозяйственные

¹ Пандемия COVID-19 объявлена Всемирной организацией здравоохранения 11.03.2020 г. и продолжается по настоящее время.

связи. Основной акцент они делали на декоммунизацию и десоветизацию, часто проецируя эти процессы на Россию, возлагая на нее ответственность за коммунистический и советский периоды своей истории. После присоединения стран региона к НАТО и ЕС в Прибалтике начала расти конфликтность по отношению к России, которая к настоящему времени трансформировалась в агрессию.

Изученность темы. Страны Прибалтики в силу географического соседства с Россией находятся в фокусе отечественных исследований. В исследованиях обобщены практики внешней политики государств [Воротников, 2015]. Также ученые анализировали участие прибалтийских стран в санкционном режиме ЕС в отношении России [Межевич, 2017]. Отдельные особенности прибалтийских стран в международных отношениях исследовала А.М. Воробьева. Отношениям государств региона с географическими соседями (в частности, с Белоруссией) посвящает свои труды А.А. Носович. А.В. Рябов рассматривал прибалтийскую тематику при изучении постсоветского пространства. Партийную жизнь Прибалтики в ЕС исследует Н.В. Еремина. Европейские исследователи У. Кроц и Р. Маэр выдвигают тезис о том, что интеграция в ЕС коррелирует с взаимоотношениями с США [Krotz, Maher 2015, 743].

Предыстория членства стран Прибалтики в ЕС

Получив независимость в 1991 г.², страны Прибалтики не сразу сформулировали цель присоединения к ЕС. Общая политическая программа прибалтийских республик, которая стала платформой для требований о независимости, состояла из 6 пунктов. Стремление к членству в ЕС не было одним из ее тезисов³.

Ретроспективный анализ показывает, что страны Прибалтики после обретения независимости располагали широкими возможностями для развития. Уверенно можно говорить о пяти вариантах участия в международной жизни в качестве самостоятельных государств: присоединение к Содружеству независимых государств (СНГ)⁴; интеграция с странами Северной Европы; воспроизведение модели государств Прибалтики образца 1918–1940 гг.; формирование самобытной модели развития; присоединение к Евросоюзу.

Вариант присоединения к СНГ не исключался. Страны Прибалтики были глубоко встроены в сложившееся разделение труда в СССР, которым они пользовались до 1 июня 2004 г. В 1991–1998 гг. шла борьба между прибалтийскими элитами, в которой долгое время преимуществом пользовались выходцы из советского аппарата. В Литве президент А. Бразаускас активно контактировал с руководителями постсоветских республик, стремясь сохранить политические и экономические связи. В своих мемуарах данную активность Бразаускас называет «пространство СНГ» [Бразаускас 2002]. Согласно его наблюдениям, процессу препятствовали опасения, что СНГ может трансформироваться в новый СССР. Аналогичные подходы наблюдались в Латвии и Эстонии.

Идея интеграции со странами Северной Европы также казалась естественным вариантом развития, по крайней мере, для Эстонии и Латвии [Антюшина 2014]. Прямую заинтересованность демонстрировали Швеция и Финляндия, что находило отклик у прибалтийского бизнеса. Сближению противились сторонники максимальной самостоятельности. Так, на сайтах шведских финансовых групп Swedbank и SEB Эстония и Латвия характеризуются как прибалтийский сегмент шведской банковской системы. Эстонские авторы, к примеру, Тармо Вахтер [Вахтер, 2012] пишут о заинтересованности финляндского правительства в сближении с Эстонией. Имеются и другие примеры.

² Госсовет СССР признал право Латвии, Литвы и Эстонии на выход из состава Советского Союза 06.09.1991 г.

³ Formation of the Baltic States' Regional Organizations, 1988–1991. Текст электронный. Baltic Assembly – Pre-History. Интернет-портал. (<https://www.baltasam.org/en/history/pre-history>) (дата обращения 17.04.2021)

⁴ СНГ – Содружество независимых государств, объединившее входившие ранее в состав СССР страны и имеющее статус международной организации. Учреждено 08.12.1991 г.

Одновременно обсуждалась идея воспроизведения модели государств Прибалтики по образцу 1918–1940 гг. с опорой на теорию континуитета⁵. Споры вызывала многовекторная внешняя политика, которую проводили страны Прибалтики в межвоенный период.

Возобладал вариант членства стран Прибалтики в Евросоюзе и НАТО. Прибалтийские политики, которые утвердились во власти в 90-х годах XX столетия, сгенерировали тезис о том, что развитие стран Прибалтики якобы искусственно сдерживалось в Советском Союзе, а членство в Евросоюзе позволит полностью раскрыть их потенциал и в короткие сроки достичь уровня благосостояния таких стран, как Германия. Распространение данного тезиса сопровождалось опасениями о том, что Россия якобы может претендовать на будущие прибалтийские достижения и попробовать вновь присоединить к себе Прибалтику.

Ключевые характеристики современного состояния прибалтийских экономик

Доля стран Прибалтики в населении Евросоюза и динамика изменения этой доли служат ориентиром для измерения емкости прибалтийского рынка потребления. Данные метрики демонстрируют, сколько товаров и услуг может принять прибалтийский рынок в общем объеме рынка ЕС и как рыночные флуктуации в Прибалтике могут отражаться на рынке ЕС.

Динамика численности населения позволяет также округленно оценивать ресурс национального рынка труда, что интересно для потенциальных инвесторов (таб. 1).

Таблица 1

Доля населения стран Прибалтики в общем населении ЕС, доля каждой прибалтийской страны в составе Прибалтики, изменение численности населения за период 2010–2019 гг.⁶.

Table 1.

Population shares of the Baltic States in the total population of the EU, the share of each Baltic country in the Baltic States, population change in 2010-2019

№	Страны	Доля в общей численности населения ЕС27, %		Доля страны в общей численности населения Прибалтики, %		Изменение численности населения ЕС27 и стран Прибалтики, млн.чел. и %			
		2010	2019	2010	2019	2010	2019	в млн.	в %
1	ЕС27	100	100	–	–	498,8	509,4	+10,6	+2
2	Латвия	0,42	0,37	32,16	32,09	2,1	1,9	-0,2	-9,5
3	Литва	0,62	0,53	47,47	45,62	3,1	2,7	-0,4	-13
4	Эстония	0,26	0,25	20,37	22,29	1,33	1,32	-0,01	-0,1
5	Прибалтика в целом	1,3	1,15	100	100	6,3	5,92	-0,61	-10

Источник: Евростат по состоянию на январь 2021 г.⁷

Source: Eurostat as of January 2021.

⁵ Теория международного права о непрерывности государства как субъекта международного права и соответственно непрерывности международных прав и обязательств.

⁶ В ряде случаев Евростат предоставляет сведения, начиная с 2010 г. Это обусловлено тем, что Евростат установил 2010 г. базисным годом для сравнения и расчетов. Выбор 2010 г. связан с тем, что он был первым годом после глобального кризиса 2007–2009 гг., и счет с 2010 г. позволил ЕС оставить невыгодную статистику кризисного спада за рамками базисного года.

⁷ Population change – Demographic balance and crude rates at national level. Текст: электронный. Eurostat – Data Explorer. – Интернет-портал. (https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en) (дата обращения 12.01.2021).

Данные показывают, что доля стран Прибалтики в общем населении ЕС находится на уровне одного процента и имеет тенденцию к сокращению. Показатель падает ежегодно на 0,01%. Сокращение может возрасти, в частности, из-за потенциально-го расширения ЕС за счет западнобалканских стран (уменьшится доля Прибалтики в возросшей общей численности населения ЕС) и депопуляции в Прибалтике [Житин, Иванова 2017, 104].

Соотношение населения Латвии, Литвы и Эстонии также меняется. Снижается доля литовского населения, возрастает доля эстонского и незначительно уменьшается доля латвийского. Данные тенденции связаны в основном с процессами эмиграции, наиболее очевидными в Литве и малозаметными в Эстонии. Тем не менее нельзя сказать, что среди эстонского населения отсутствует эмиграция.

Особенность заключается в том, что литовские и латвийские эмигранты устремляются, в основном, в Великобританию и Ирландию, а эстонские предпочитают Финляндию. Соседство Эстонии и Финляндии, а также развитая транспортная структура между ними позволяют гражданам часто перемещаться между двумя странами, из-за чего нормативы учета эмигрантов становятся менее четкими. МИДы Финляндии и Эстонии в своих контактах используют в отношении эстонцев, которые работают на финляндской территории, термин «челночная миграция» (shuttle migration)⁸.

Очевидно, что страны Прибалтики не оказывают ощутимого влияния на рынки труда и потребления ЕС, то есть при оценке и планировании в Еврокомиссии прибалтийский фактор малозаметен.

Ключевым показателем развития экономики считается динамика ВВП. По изменению ВВП пребывание стран Прибалтики в ЕС можно разбить на четыре условных периода. Первый период (2001–2004 гг.) дает представление о динамике ВВП накануне приобретения членства. Второй период (2005–2007 гг.) характеризовался тем, что национальные ВВП прибалтийских стран росли заметно выше темпов роста ВВП остальных стран-членов ЕС⁹. Третий период (2008–2010 гг.) отмечился последствиями глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. и снижением ВВП стран Прибалтики. В четвертый период (2011–2019 гг.) ВВП росли достаточно ровно, с небольшими флуктуациями (таб. 2).

Данные таблицы не показывают разительного отличия между динамикой ВВП стран Прибалтики до вступления в ЕС и в период членства. Более того, показатели перед членством ближе к самым высоким показателям членства, чем к средним. В целом вызывают интерес высокие показатели 2001–2007 гг. Первая половина периода (2001–2004 гг.) отражает время накануне вступления, а вторая половина – первые годы членства. У данного феномена имеется предметное объяснение.

Период 2001–2007 гг. в странах Прибалтики характеризовался предпринимательским ажиотажем – сначала в ожидании членства, а затем в ожидании быстрых перемен из-за состоявшегося вступления в ЕС. Ажиотаж сопровождался широкими финансовыми заимствованиями на развитие предпринимательства. Доминирующие на прибалтийском финансовом рынке шведские, финляндские и датские банки масштабно предоставляли долгосрочные кредиты, объемы операций по которым и обеспечивали рекордный прирост ВВП стран Прибалтики в те годы.

Данные динамики ВВП за 2001–2019 гг. свидетельствуют, что прибалтийские экономики развиваются в ЕС неровно. Периоды поступательного развития сменя-

⁸ Urmas Reinsalu discussed cooperating on opening borders with the Finnish foreign minister | Ministry of Foreign Affairs. Текст электронный. Интернет-портал – Ministry of Foreign Affairs. (<https://vm.ee/en/news/urmas-reinsalu-discussed-cooperating-opening-borders-finnish-foreign-minister>) (дата обращения 05.05.2021).

⁹ Страны Прибалтики получили членство ЕС 01.05.2004. Однако статистику их пребывания в ЕС предпочтительнее применять с 2005 г., т.к. 2004 был неполным годом для статистической отчетности.

ются резкими спадами. К примеру, последствия глобального кризиса 2007–2009 гг. отразились на странах Прибалтики резким снижением ВВП. Наибольшей глубины падение достигло в 2009 г.: тогда показатель упал более чем на 14%, хотя в среднем по ЕС снижение составляло 2,3%. Суммарный спад ВВП за кризисные годы оказался значительнее. К примеру, в Латвии он составил 27%. Аналогичный эффект, по оценке МВФ, ожидался в результате пандемии COVID-19. Здесь представляет интерес то, как МВФ оценивал возможности прибалтийских экономик в противостоянии пандемии COVID-19¹⁰.

Таблица 2

Средние и наибольшие показатели динамики ВВП стран Прибалтики по периодам в сравнении со средним и наибольшим показателями ВВП ЕС28 за те же периоды, в %

Table 2

Average and highest indicators of GDP dynamics of the Baltic countries by periods in comparison with the average and highest indicators of GDP of the EU28 for the same periods, %

№	Страны Прибалтики и ЕС28	2001–2004 динамика ВВП		2005–2007 динамика ВВП		2008–2010 динамика ВВП		2011–2019 динамика ВВП		2001–2019 динамика ВВП	
		Средний показатель за период	Наибольший показатель за период	Средний показатель за период	Наибольший показатель за период	Средний показатель за период	Наибольший показатель за период	Средний показатель за период	Наибольший показатель за период	Средний показатель за период	Наибольший показатель за период
1	ЕС 28	1,9	2,5	2,8	3,3	-0,5	-2,3	1,5	2,6	1,5	3,3
2	Латвия	7,5	8,4	10,9	11,9	-7,3	-14,2	3,3	6,3	3,7	11,9
3	Литва	7,6	10,5	8,7	11,1	-3,6	-14,8	3,7	6,0	4,2	11,1
4	Эстония	6,8	7,6	8,9	9,7	-5,6	-14,4	3,8	7,4	3,8	9,7

Источник: таблица рассчитана и составлена автором на основе данных Евростата¹¹.

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat data.

Неустойчивость прибалтийских экономик может быть связана с движениями на финансовом рынке Прибалтики, где доминируют шведские и финляндские финансовые группы. Так, в Эстонии они контролируют около 80% банковского сектора, в Латвии – около 70%, в Литве – около 60%.

Реальный сектор прибалтийских экономик в высокой степени интегрирован в ЕС. Так, вовлеченность стран Прибалтики во внутреннюю торговлю ЕС превышает средний

¹⁰ World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. Текст: электронный. Интернет-портал Международного валютного фонда (МВФ). (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>) (дата обращения 20.04.2021).

¹¹ GDP and main components (output, expenditure and income) [nama_10_gdp]. Текст: электронный // Eurostat – Data Explorer. – Интернет-портал. (https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nama_10_gdp&lang=en) (дата обращения 14.01.2021).

для ЕС показатель и по экспортным (61%), и по импортным операциям (59%). Лидером выступает Эстония (76% экспорт, 68% – импорт), за ней следует Латвия (67%, 55%), замыкает список Литва (67%, 55%). В целом доля рынка ЕС как сумма экспорта и импорта у Эстонии составляет 72%, у Латвии – 68% и у Литвы – 61%¹².

Восприятие членства в ЕС в странах Прибалтики

Подачу прибалтийскими странами заявок на вступление в Евросоюз и обретение ими членства разделяет более 10 лет. Заявки подавались в начале 90-х годов XX в., а официально они вступили в ЕС 1 мая 2004 г.

Для того, чтобы измерить восприятие членства в Евросоюзе в странах Прибалтики, можно использовать показатели явки на выборах в Европарламент¹³, которые проводятся каждые пять лет (тем более, что первые для стран Прибалтики выборы прошли с 10 по 13 июня 2004 г., сразу после их присоединения к ЕС).

На выборах в Европарламент в 2004 г. явка эстонцев составила 26,83%. Граждан страны можно было бы считать предвестниками евроскептицизма, но также и бесхитростными избирателями. Прибалтийские соседи Эстонии использовали политтехнологии. К примеру, в Литве первые выборы в Европарламент совместили с первыми выборами литовского президента, что повысило явку. Такая увязка практиковалась и в дальнейшем. В чистом же виде в Литве в 2009 г. явка на выборах в Европарламент оказалась равной 20,98%. На последних выборах в Европарламент в 2019 г. показатели Латвии и Эстонии превышали 30%. В Литве голосование вновь совместили с выборами президента страны.

Европарламентские выборы 2019 г. совпали, в том числе по датам, с 15-летием членства стран Прибалтики в ЕС. Если сравнивать показатели явки в очищенном от местных выборов виде, можно констатировать, что они по-прежнему находятся на уровне 30%. Существенной динамики за 15 лет членства не отмечается¹⁴.

Различие между настроениями прибалтийского населения и политикой элит в отношении Евросоюза коррелирует с тезисом американского исследователя А. Плаканса о том, что история Прибалтики содержит «...весьма мало периодов преемственности и последовательности...» [Плаканс 2016, 10]. Приведенный тезис, как представляется, относится в большей степени к элитам и частично к населению. Здесь же не обойтись утверждение экспертов по интеграционным процессам о том, что любая интеграция порождает противоречия между элитами и населением [Буторина, Кавешников 2018, 22]. Однако в прибалтийском случае противоречия между элитами и населением возникли не из-за членства в ЕС. Они носят исторический характер. Расслоение элит и населения можно обнаружить на всех этапах развития Прибалтики. Связано оно с выбором пути развития. По мнению автора, прибалтийское население в силу исторических особенностей делится на три части по выбору пути развития. Первая часть – сторонники ориентира на Запад, которые не приемлют других вариантов. Вторая – население, которое предпочитает отношения с Востоком. Третья – нейтралы, которые оппонировать «западникам» и «восточникам», ратуя за национальный путь развития и многовекторную внешнюю политику. Части почти равны между собой. Флуктуации между ними зависят от конъюнктуры. Наиболее актуальным

¹² Euro Area International Trade in Goods Surplus €25.8 bn 10/2021 – 15 January 2021. Текст электронный. Интернет-портал Евростата (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10624801/6-25032020-AP-EN.pdf/c65584e1-c88c-f038-aec1-bd1235c395e1>) (дата обращения 18.04.2021).

¹³ Европарламент – одна из семи опорных структур Евросоюза.

¹⁴ Turnout by year 22/10/2019 Final results. Текст электронный. Интернет-портал Европарламента (<https://europarl.europa.eu/election-results-2019/en/turnout/>) (дата обращения 29.04.2021).

свидетельством триединой структуры прибалтийского населения могут служить, например, показатели участия прибалтийского электората в выборах в Европарламент, которые приведены выше¹⁵.

Несоразмерность экономик стран Прибалтики и их политических амбиций

В 90-х годах XX века прибалтийские республики публично выражали несколько мотивов обретения членства в Евросоюзе. Так, они ставили задачу радикально поднять через членство в ЕС свое благосостояние и включиться в политическую и общественную жизнь Европы – возможно, по аналогии с СССР, где страны Прибалтики пользовались заметными привилегиями по сравнению с другими советскими республиками. Также прибалтийские страны выразили желание максимально дистанцироваться от России, которая, как они декларировали, содержит потенциальную опасность.

После вхождения стран Прибалтики в состав Евросоюза проявился определенный парадокс, который выражается в несоразмерности экономик данных государств и их политических амбиций. Так, страны Прибалтики суммарно представляют менее 1% общего ВВП ЕС и в то же время претендуют на большую роль в формировании стратегии Евросоюза. В частности, они заинтересованы во влиянии на отношения ЕС с Россией, чтобы придавать им перманентную конфликтность.

Таблица 3

Объем ВВП стран Балтии по итогам 2019 г. (млн евро, в текущих ценах, в %)

Table 3.

Baltic states GDP at the end of 2019 (million euros, in current prices, %)

№	Страна	Объем ВВП	Доля национального ВВП в ВВП ЕС
1	ЕС 28	16 486,3	100
7	Страны Балтии	107,4	0,65
8	Латвия	30,5	0,18
9	Литва	48,8	0,30
1	Эстония	28,1	0,17

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Eurostat¹⁶. Предпочтение отдано данным за 2019 г., так как данные за 2020 г. отражают в большей степени последствия пандемии COVID-19, чем обычное развитие экономик.

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat data. The author chose to use 2019 data, as 2020 data mostly reflects the impact of the COVID-19 pandemic rather than the usual development of economies.

Агрессивное отношение к России в Прибалтике развивается по нескольким направлениям: ограничение русскоязычного населения в правах; формирование и поддержание атмосферы конфликта в двусторонних связях; систематическая пристрастная критика российской внешней политики; активное участие в проектах, которые усложняют внешнеполитическую деятельность России.

Бездоказательные опасения в отношении России определили генеральную линию поведения стран Прибалтики в Евросоюзе. Так, объединившись с Польшей, они составили в Евросоюзе группу, которая требует жестко соблюдать санкционный режим. Участники груп-

¹⁵ Там же.

¹⁶ GDP and main components (output, expenditure and income) [nama_10_gdp]. Текст электронный. Eurostat – Data Explorer. – Интернет-портал. (https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nama_10_gdp&lang=en) (дата обращения 14.01.2021).

пы продвигают мысль о том, чтобы закрепить данный режим как форму «нормальных» деловых отношений с Россией. Еще до его введения страны Прибалтики заблокировали идею либерализации визового режима между Россией и ЕС, которая могла бы привести к отмене виз в будущем. Прибалтика активно поддерживают программу ЕС «Восточное партнерство», которая нацелена на переориентацию стран постсоветского пространства с членства в СНГ на ассоциацию с ЕС. Также государства региона по-прежнему фокусируют внимание на проекте «Северный поток-2» и стараются затруднить его реализацию.

Парадокс видится также в том, что антироссийские инициативы прибалтийских республик в ЕС создают финансовые трудности для ведущих стран ЕС, прежде всего для Германии, которую можно назвать донором общего бюджета ЕС. Одновременно прибалтийские экономики, имеющие дотационный характер, получают субсидии на свое развитие из данного бюджета.

Структурные изменения прибалтийских экономик

Странам, которые присоединяются к Евросоюзу, приходится принимать сложившуюся там структуру разделения труда. Так, прибалтийским экономикам пришлось свертывать производства, которые могли составить конкуренцию уже действующим в ЕС. Было прекращено производство сахарной свеклы в Латвии, которая выступала ведущим поставщиком сахара в СССР [Шеламова 2014, 101–103]. Возникли трудности в ранее известной своими молочными продуктами Литве, где малый и средний бизнес был вынужден уйти с рынка [Шеламова 2014, 104]. В Эстонии поголовье скота после присоединения к ЕС сократилось в 5 раз по сравнению 1990-ми гг. [Шеламова 2014, 104]. Данные перемены трудно усвоить российскому восприятию, так как страны Прибалтики ассоциировались в России с сельскохозяйственной продукцией. Примечательно, что и в рамках региональной политики ЕС прибалтийские экономики квалифицировались как сельскохозяйственные [Кузнецов 2009, 225]. Другие части реального сектора прибалтийских экономик подверглись не менее радикальным изменениям, которые часто называют деиндустриализацией.

Деформация историко-территориальных связей

Условия членства стран Прибалтики в ЕС не требуют от них избирательного отношения к традиционным историко-территориальным связям, в частности, к сопредельным странам. Подобные нормы не содержатся ни в учредительных документах Евросоюза, ни в соглашениях, которые регулируют отношения ЕС и России.

Тем не менее, нынешняя прибалтийская элита последовательно проводит политику размежевания стран-соседей по признаку членства в Евросоюзе. Так, прибалтийские республики с начала 2000-х гг.кратно сократили экономические отношения с Россией и Белоруссией. Примером может служить Латвия, которая имеет сухопутную границу с Россией и Белоруссией¹⁷.

Руководство ЕС, в свою очередь, призывает страны-члены торговать с географическими соседями. В частности, такой тезис выдвинул председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, выступая в Европарламенте в канун 60-летия ЕС¹⁸.

Возможно, свое влияние оказало прибалтийское членство в НАТО, после решений которого в 2015–2016 гг. на территории Прибалтики появляются военные подразделения

¹⁷ Внешняя торговля Латвии. Текст электронный. Официальная статистика. Интернет-портал Центрального статистического управления Латвии (<https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/tirdznieciba-pakalpojumi/areja-tirdznieciba/5682-latvijas-areja-tirdznieciba>) (дата обращения 28.04.2021).

¹⁸ EU Budget: Commission Proposes a Modern Budget for a Union that Protects, Empowers and Defends. Текст электронный. European Commission President Jean-Claude Juncker said... Интернет-портал Еврокомиссии Евросоюза (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_3570) (дата обращения 07.05.2021).

и инфраструктурные объекты, развернутые в сторону России и Белоруссии. Данная активность Североатлантического альянса ведет к появлению на относительно небольшой прибалтийской территории крупных хозяйственных сегментов, которые закрыты для российского и белорусского бизнеса.

Фактор североевропейских стран также мог повлиять на данную динамику. Они доминируют в финансовом секторе Прибалтики, контролируют местные СМИ, формируют цепочки добавленной стоимости, подавляют попытки значимых российских и белорусских компаний обустроиться на прибалтийском рынке.

Со второй половины 2020 г. нарастают трудности в отношениях России и Евросоюза. Действующий состав Еврокомиссии и Европарламента, который приступил к своим полномочиям в 2019 г., усилил практику необоснованных претензий, ультимативных требований и минимизации деловых контактов. Усугубляет ситуацию пандемия COVID-19, в рамках которой ЕС уклоняется от сотрудничества с Россией по преодолению кризиса и продолжает нагнетать напряженность в двусторонних отношениях. На фоне указанных обстоятельств прибалтийская конфликтность к России уже не выглядит экстраординарной. Тем не менее, она не вытекает из учредительных документов ЕС и соглашений между Россией и ЕС, а отражает конъюнктуру. Автор считает, что нынешнее противостояние России и ЕС носит временный характер и их взаимоотношения нормализуются, однако отсутствует ясность в том, как поведут себя страны Прибалтики.

Центробежные процессы в Прибалтике

В отечественном и иностранном восприятии Латвия, Литва, Эстония существуют как некий конгломерат¹⁹. В частности, западноевропейские авторы (к примеру, французские), скороговоркой признавая различия прибалтийских государств, предпочитают их рассматривать как единое целое, делая упор на противопоставлении их России²⁰.

Пики консолидации прибалтийского единства в новейшей истории были обусловлены ситуациями, которые требовали исторического выбора: отделение от Советского Союза, присоединение к НАТО и ЕС.

Расхождения между странами проявились уже в 2006 г., когда прибалтийские исследователи прибегли к такой самохарактеристике, как «миф прибалтийского единства»²¹. Позже расхождения увеличивались, усугубились в период глобального кризиса 2007–2009 гг. и стали публичными. К примеру, Латвия и Эстония в вопросе обеспечения газом решили дистанцироваться от Литвы, которая, по их заключению, ведет себя «непорядочно». Литва демонтировала железнодорожные пути между Литвой и Латвией, так как латвийский порт Лиепая был более востребован при транспортировке нефти и нефтепродуктов, чем литовская Клайпеда. Литва и Латвия уклоняются от делимитации морской границы между ними, так как боятся прогадать с полезными ископаемыми на шельфе, право на разведку которых каждая из стран передала иностранным компаниям. Латвия и Эстония игнорируют призывы Литвы бойкотировать АЭС в Белоруссии и не закупать там электроэнергию. Белорусская электроэнергия, по эстонской оценке,

¹⁹ Термин пришел из физики, где под ним понимают собранные и спрессованные вместе разнородные элементы. В финансовой сфере конгломератом называют разнопрофильные компании, объединенные общим финансовым контролем.

²⁰ Théo Boucart – Member of JEF Paris and editor-in-chief of “Le Taurillon en Seine”, local print edition of French sister edition. Which european integration for the Baltic countries? Текст электронный. Интернет-портал – The New Federalist of EU (<https://www.thenewfederalist.eu/which-european-integration-for-the-baltic-countries>) (дата обращения 10.04.2021).

²¹ Kestutis Paulauskas. The Baltics: from nation states to member states. Текст электронный. The European Union Institute for Security Studies, Paris. Интернет – портал (<https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/ocsc62.pdf>) (дата обращения 04.05.2021).

на 20% дешевле североευропейской. Прибалтийские государства – в основном Литва и Латвия – конкурируют за потенциальный китайский транзит [Межевич, Шамахов 2019, 37]. Обе страны обладают однотипными транзитными ресурсами, которые состоят из комбинации железнодорожных, автомобильных и морских перевозок. Различия проявляются, в частности, в объемах портовых перевалок, в удобстве подъездов и в расстояниях. Ожидается, что при реализации проекта «Великий шелковый путь» для китайского транзита в Европу и обратно будут использовать территорию России, а на российской границе он будет разветвляться по китайскому выбору между Белоруссией, Латвией и Литвой. Латвия и Литва ведут отдельные переговоры с Китаем, стараясь привлечь его демпинговыми предложениями. В настоящее время китайский транзит в Европу и обратно проходит морским путем и замыкается на порт Роттердам (Нидерланды).

Страны Прибалтики и постсоветское пространство

Страны Прибалтики представляют собой уникальный элемент в структуре Евросоюза в том смысле, что они присоединились к ЕС, выйдя из состава Советского Союза. Их переход занял 13 лет²², так как в странах Прибалтики происходила борьба местных элит вокруг перспектив дальнейшего развития, а ЕС только в 2000 г. включил прибалтийские заявки в свой многолетний финансовый план на 2000–2006 гг. [Буторина, Кавешников 2018, 179].

В ЕС ожидали, что пример стран Прибалтики привлечет другие государства постсоветского пространства. Так, ЕС в 2009 г. начал программу «Восточное партнерство», цель которой – переориентировать постсоветские республики с членства в СНГ на ассоциацию с ЕС. Предполагалось, что страны Прибалтики выступят популяризаторами программы. Сценарий пришлось корректировать, так как прибалтийские республики не смогли продемонстрировать впечатляющие результаты, а ЕС вступил в полосу затяжных кризисов. Их апогеем стала пандемия COVID-19.

Выводы

В странах Прибалтики выстроена новая структура экономик в соответствии с системой разделения труда в ЕС. Показатели внешней торговли государств свидетельствуют, что прибалтийские экономики достаточно глубоко интегрировались в ЕС. Вместе с тем пребывание в составе Евросоюза несущественно изменило природу прибалтийских экономик. Они, как и раньше, остаются дотационными.

Отсутствуют условия для полноценной конкуренции, так как в прибалтийских экономиках доминируют североευропейские ТНК, которые стремятся монополизировать отраслевые рынки. Североευропейское доминирование имеет тенденцию к расширению.

Происходит депопуляция стран за счет убыли населения и миграции. Социальные аспекты не нашли должного отражения в политике элит, что привело к снижению качества жизни.

Прибалтийские трудности также связаны с изъянами региональной политики государств региона. Деформирован потенциал историко-территориальных связей: в частности, страны Прибалтики генерируют конфликтность с Россией и вмешиваются в дела Белоруссии. Отсутствует диалог с Вишеградской группой, которая в своих официальных документах даже не ставит задачу взаимодействовать с прибалтийскими странами.

Усиливаются центробежные процессы в отношениях между Латвией, Литвой и Эстонией. Наиболее наглядно они выражаются в экономике. Между государствами рас-

²² Госсовет СССР предоставил независимость странам Прибалтики 06.09.1991 г., а членство в Евросоюзе они обрели 01.05.2004 г.

тет конкуренция, взаимная торговля между странами Прибалтики почти не поднимается выше советского уровня.

Партийные программы, заявленные цели, результаты деятельности правительств, оценки деятельности политиков в общественном мнении стран Прибалтики свидетельствуют о низком авторитете прибалтийских руководителей. Они направляют свои усилия не на отстаивание преимуществ для Прибалтики, а на продвижение евроатлантической идеологии.

В целом следует констатировать, что у стран Прибалтики еще не сложился четкий международный профиль на основе национальных интересов, что затрудняет поддержание нормальных деловых отношений не только для России. В настоящее время тема национальных интересов Прибалтики растворена в пропагандистской риторике, в которой преобладают русофобия, озабоченность сохранением так называемых евроатлантических ценностей, лоббирование расширения Евросоюза на Балканы, а также призывы к наращиванию военного присутствия США в Европе. В программе, с которой страны Прибалтики стремились к восстановлению государственной самостоятельности, ставились, в частности, цели демилитаризации Прибалтики, создания общего рынка Латвии, Литвы, Эстонии²³. Сегодняшние прибалтийские реалии полярно отличаются от поставленных целей: Прибалтика глубоко милитаризована, общая торговля не превышает 1/10 от национальных торговых объемов. Можно продолжать приводить примеры таких расхождений, но это выходит за рамки настоящей статьи. Вполне очевидно, что тема национальных интересов стран Прибалтики требует отдельного обстоятельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрейс Плаканс (2016). Краткая история стран Балтии. Пер. с англ. М.: «Весь мир». 480 с.
- Антюшина Н. (2014). Северная Европа: секреты успеха. С.: Lap Lambert Academic Publishing. 183с.
- Бразаускас А. (2002 г.) Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. М.: Унипринт. 619 с.
- Вахтер Т. (2012) Эстония: жаркое лето 91-го. Августовский путч и возрождение независимости. Т.: Мин-во культуры и Мин-во образования и науки Эстонской Республики. 392 с.
- Воротников В.В. (2015) Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века: Научное издание. М.: Издательство «Аспект Пресс». 272 с.
- Европейская интеграция (2018). Под ред. Буториной О.В. (отв. ред.), Кавешникова Н.Ю. 2-е издание, испр. и доп. М.: Аспект Пресс. 736 с.
- Житин Д.В., Иванова А.А. (2017) Демографическое развитие стран Балтии. Научные доклады Российской Ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. Выпуск 3. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга». 112 с.
- Кротц Ульрих (Krotz U.), Майер Ричард (Maher R.) (2015) Теория международных отношений и развитие европейского сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности. Современная наука о международных отношениях за рубежом: в трех томах. Под общ. ред. Иванова И.С. М.: НП РСМД. 473 с.
- Кузнецов А.В. (отв. ред.) (2009) Региональная политика ЕС. Центр европейских исследований ИМЭМО РАН. М.: ИМЭМО РАН. 230 с.
- Межевич Н. М. (2017) Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. Выпуск 4. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга». 64 с.
- Межевич Н. М., Шамахов В. А. (2019) Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. 54 с.
- Шеламова Н.А. (2014) Сельское хозяйство стран ЦВЕ после присоединения к Европейскому Союзу. Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. М.: Ин-т Европы РАН. 148 с.

²³ Formation of the Baltic States' Regional Organisations, 1988–1991. Текст: электронный// Baltic Assembly – Pre-History. Интернет-портал. (<https://www.baltasam.org/en/history/pre-history>) (дата обращения 17.04.2021)

REFERENCES

- Andreys Plakans (2016) *Kratkaya istoriya stran Baltii* [Short History of the Baltic Countries]. Translation from English. Moscow: Ves' mir. 480 p.
- Antiyshina N. (2014) *Severnaya Evropa: sekrety uspeha* [North Europe: The Secrets of Success]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing. 183 p.
- Brazauskas A. (2002) *Pyat let Prezidenta: Sobitia, vospominania, misli* [Five Years of the President: Events, Memories and Thoughts] Moscow: Uniprint. 619 p.
- Evropeyskaya inegratsiya* [The European Integration] (2018). Butorina O., Kaveshnikov N (eds.). 2nd Edition. Moscow: Aspect press. 736 p.
- Krotz U., Maher R. (2015) *Teorya mezdunarodnykh otnosheniy i razvitie evropeiskogo sotrudnichestva v sfere vneshnei politiki i politiki bezopasnosti* [Theory of International Relations and the Development of European Cooperation in the Foreign and Security Policy Field]. *Sovremennaya nauka o mezdunarodnykh otnosheniyakh za rubezom: v tryekh tomakh*. Ivanova I.S. (ed.). Vol. 3. Moscow: RSMD. 1094 p.
- Kuznetsov A. (2009) *Regionalnaya politika EC* [EU Regional Policy]. Moscow: IMEMO RAN. 230 p.
- Mezevich N. (2017). Problemy i perspektivy ekonomicheskikh otnosheniy Rossyi i gosudarstv Pribaltiki v uslovyakh sanktsionnykh rezimov. *Nauchnye doklady Rossiyskoy assotsiatsyi pribaltiyskikh issledovaniy. Serya 2. Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye*. Issue 4. Moscow: Assotsiatsiya knygoizdateley "Russkaya knyga". 64 p.
- Mezevich N., Shamahov V. (2019) *Belarus i gosudarstva Pribaltiki v sisteme transportnoy politiki Rosii i Kitaya – nauchny doklad* [Belarus and the Baltic States in the Transport Policy System of Russia and China: Scientific Report]. Saint-Petersburg: RANHIGS. 54 p.
- Shelamova N. (2014) *Selskoye hozyastvo Tsentralnoy I Vostochnoy Evropy posle prisoedineniya k Evropeiskomu Soyuzu. Evrointegratsiya: vlyaniye na ekonomicheskoye razvitiye* [Agriculture of the CEE Countries after Joining the European Union. European Integration: Impact on the Economic Development of Central and Eastern Europe]. Moscow: Institut Evropi RAN. 148 p.
- Vahter T. *Estonia: jarkoe leto 91. Avgustovskiy putch i vozrojdenie nezavisimosti* [Estonia: Hot Summer of 1991. August Coup and the Rebirth of Independence]. Tallinn: Republic of Estonia Ministry of Culture. 392 p.
- Vorotnikov V. (2015) *Vneshnyaya politika gosudarstv Baltiy v nachale XXI veka: nauchnoe izdanie* [Foreign Policy of the Baltic States at the Beginning of XXI Century: Scientific Edition]. Moscow: Aspekt Press. 272 p.
- Zitin D., Ivanova A. (2017) *Demograficheskoye razvitiye stran Baltiy* [Demographic Development of the Baltic States]. *Nauchnye doklady Rossiyskoy assotsiatsyi pribaltiyskikh issledovaniy. Serya 2. Sotsialnoekonomicheskoye razvitiye*. Issue 3. Moscow: Assotsiatsiya knygoizdateley "Russkaya knyga". 112 p.

Об авторе

Оленченко Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Центр европейских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997. E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

About the author

Vladimir A. Olenchenko, Candidate of Sciences (Law), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Science. 23, Profsoyuznaya st., 117997 Moscow, Russian Federation. E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 03.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990016457-4

Оригинальная статья / Original Article

Россия и Вишеградские страны: особенности взаимодействия¹

© А.С. ЧЕТВЕРИКОВА

Четверикова Анна Сергеевна, Центр европейских исследований Центр европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), chetverikova@imemo.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены изменения внешнеэкономических связей России с Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией с начала мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Сравнивается реакция торговых и инвестиционных связей на основные внешние вызовы, включая пандемию COVID-19. Россия и страны Вишеградской группы утрачивают значимость друг для друга как партнеры из-за повторяющихся кризисов внутреннего и внешнего характера, а также в силу малых периодов восстановительных процессов. В торговой сфере сохраняется ярко выраженная асимметричность связей, хотя внешние вызовы обусловили ряд изменений в отраслевой структуре торговли. Инвестиционное взаимодействие по-прежнему невелико и подвержено сильному влиянию негативных экономических и политических факторов. Оценена отраслевая структура взаимных ПИИ. Динамика политического диалога позволяет говорить о том, что обострение противоречий в этой сфере сужает возможности для развития экономических отношений, где сохраняется потенциал роста в силу объективных экономических факторов.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Россия, внешняя торговля, ПИИ, политический диалог.

Цитирование: Четверикова А.С. (2021) Россия и Вишеградские страны: особенности взаимодействия // Общественные науки и современность. № 4. С. 77–90. DOI: 10.31857/S086904990016457-4

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-010-00107 «Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС: выбор национальных стратегий, реакция на общеевропейские вызовы, развитие связей с РФ») в ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН.

Acknowledgements. The article was funded with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project number 19-010-00107 «The Limits of the Visegrad group Independence in the EU: Selection of the National Strategies, Response to the Pan-European Challenges, Development of the Ties with the Russian Federation») in Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Russia and the Visegrad Countries: Features of Interactions

© A. CHETVERIKOVA

Anna S. Chetverikova, Centre for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), chetverikova@imemo.ru.

Abstract. This article discusses the changes in Russia's economic relations with Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic that took place since the world financial and economic crisis of 2008-2009. The author compares reactions of the trade and investment relations to main external challenges, including the COVID-19 pandemic. Russia and the Visegrad Group countries are losing their importance for each other as partners due to repeated internal and external crises and short periods of recovery processes. A pronounced asymmetry of relations in the trade sector remains, although external challenges have led to a number of changes in the sectoral structure of trade. Investment cooperation is still small and strongly influenced by negative economic and political factors. Sectoral structure of mutual FDI is assessed. Dynamics of political dialogue allow us to say that the exacerbation of contradictions in this area narrows the opportunities for the development of economic relations, where the potential for growth remains due to objective economic factors.

Keywords: Visegrad Group, Russia, external trade, FDI, political dialogue.

Citation: Chetverikova A. (2021) Russia and the Visegrad countries: Features of Interaction. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 77–90. DOI: 10.31857/S086904990016457-4 (In Russ.)

Вишеградские страны не часто попадают в поле зрения исследователей, изучающих внешнеэкономические связи России: слишком явен разрыв в размерах экономик, которые обуславливают и объемы, и интенсивность отношений. Совокупный ВВП «четверки» составляет всего около 65% ВВП РФ. Тем не менее, исторические связи и некоторая общность трансформационных периодов стран также оказывают влияние на экономические отношения. Пожалуй, политическая сфера взаимодействия Венгрии, Польши, Словакии и Чехии с Россией представляет больший интерес, чем экономическая. «Российский фактор» в вишеградских странах часто проявляется не только в периоды предвыборных кампаний в вишеградских странах, но и при обострениях противоречий более общего характера, что, к сожалению, демонстрируют текущие политические события в отношениях России с членами Вишеградской группы. Негативные политические аспекты не только сужают политический диалог, культурные, социальные связи, но и влияют на внешнеэкономические отношения.

Внешнеторговые отношения

Внешняя торговля относится к одной из наиболее развитых сфер взаимоотношений России и стран Вишеградской группы, хотя это и не приоритетное направление для партнеров. РФ в торговой сфере концентрируется на странах ближнего зарубежья, крупнейших европейских экономиках и Китае. Страны Вишеградской группы наиболее заинтересованы в рынках Германии, Австрии, Италии, Великобритании, Франции, США, Китая и самой «четверки». Экономике государств-участников Вишеградской группы экспортно ориентированы, в связи с чем данные государства заинтересованы в развитии торговых отношений и со странами вне ЕС. Диверсификация внешнеторговых связей значилась как одна из целей в стратегических документах, например, Венгрии и Чехии.

Исследования показывают, что торговые возможности рынка ЕС для стран Центрально-Восточной Европы в целом исчерпаны. Дальнейшее развитие внешнеэкономических отношений для данного региона возможно за пределами Евросоюза [Князев, Куликова 2020].

В то же время динамика их отношений с Россией в последние годы свидетельствует о сложностях, которые вызваны множеством негативных факторов. Спады торговли были обусловлены мировым финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг., замедлением вишеградских экономик в 2012-2013 гг., введением санкций, проблемами в российской экономике и пандемией. Тем самым, на протяжении последних 13 лет внешнеторговые отношения России с Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией были подвержены спадам, восстановительные процессы после которых не всегда успевали завершиться полностью и прерывались очередным кризисом.

Наибольшими экспортными поставками в Россию отличались Польша и Чехия (рис. 1), при этом их роль как основных партнеров России в рамках Вишеградской группы с годами только возрастает: в 2020 г. на них приходилось 79,5% всего вишеградского экспорта, что превысило показатели 2008 г. на 13 п.п. Значимость польских и чешских поставок не снижалась и в периоды падений в связи с украинскими событиями, в 2020 г. она достигла максимума за последние 13 лет. И только эти две страны смогли восстановить объем экспорта к началу пандемии по сравнению с 2008 г.: темпы роста Польши составили 123,0%, Чехии – 130,5%. В то же время ни одна из стран «четверки» не преодолела последствий событий 2014 г., объемы экспорта по сравнению с 2013 г. так и не восстановились до начала пандемии. Наибольший спад характерен для Словакии (56,3% темпы роста 2019 г. по отношению к 2013 г.), для Венгрии – 70,3%, Чехии – 84,9%, Польши – 91,6%.

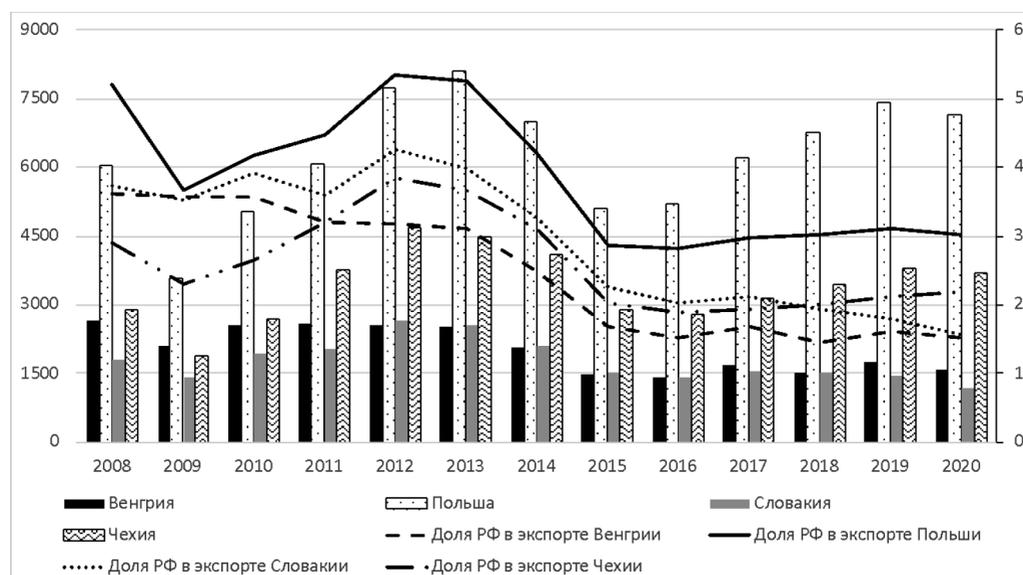

Рис. 1. Экспорт стран Вишеградской группы в РФ (млн евро) и доля РФ в общем экспорте этих стран (% , правая шкала)

Figure 1. The Visegrad countries export to the Russian Federation (in million euros) and the share of the Russian Federation in the total exports of Visegrad countries (% , right scale)

Источник: Евростат.

Source: Eurostat.

В целом динамика экспорта из «четверки» в РФ не всегда отличалась положительным трендом и вне периодов ярко выраженных внешних кризисов в силу факторов внутреннего характера. Однако наибольшие падения у всех стран отмечались в 2009 и 2015 гг. – на второй год после внешнего вызова. Пока в эту тенденцию укладывается и динамика экспортных поставок в условиях пандемии: в 2020 г. индекс роста находился в пределах 81–97%, что сравнимо с показателями 2014 г.

Наибольшие восстановительные процессы были характерны для периода после мирового финансово-экономического кризиса, в 2010–2012 гг. с максимальными показателями для крупнейших российских партнеров – Польши и Чехии (140,3% и 142,4% в 2010 г. соответственно). В случае введения санкций, которые стали «постоянными» условиями взаимодействия, актерам потребовалось несколько лет для начала положительной динамики: только в 2017 г. индексы роста превысили 100% (в пределах 110–121%) у всей Вишеградской группы, в дальнейшем динамика вновь стала разнонаправленной.

Изменения объемов экспорта обуславливают и значимость российского направления для вишеградских стран, которая постепенно снижается (рис. 1). В 2019 г. для всей «четверки» доля РФ в экспорте ее участниц была ниже, чем десятилетием ранее. Пандемия лишь усугубила положение. В сравнении с максимальными показателями, которые отмечались в 2012 и 2008 гг., в 2020 г. доля РФ в экспорте стран Вишеградской группы сократилась на 1,6–2,6 п.п., то есть практически вдвое в ряде стран. Наибольшее падение было характерно для Словакии, наименьшее – для Чехии. Таким образом, положительных изменений в позициях РФ не произойдет и в ближайшие годы: она продолжит находиться за пределами десятки крупнейших партнеров по экспорту участниц «четверки», за исключением Польши, где входит в число важнейших направлений.

Импортные поставки из России в силу превалирования топливной составляющей подвержены колебаниям не только общедействующих факторов, но и конъюнктуры мирового рынка топлива². Основными партнерами России в Вишеградской группе продолжают оставаться Польша и Венгрия (рис. 2): их доля в 2019 г. составила 75% от совокупного импорта «четверки», что больше показателей 2008 г. на 10,6 п.п. Стоит отметить, что в периоды последних двух внешних вызовов Венгрия уступала второе место Словакии, чей объем импорта из России превышал венгерский в 2015–2016 и 2020 гг. Кроме того, польский и венгерский импорт меньше пострадал за последние годы: в предпандемийный год индекс роста составил 76,3% и 70,6% к 2013 г. соответственно. В большей степени потеряли наиболее «транзитные» страны: индексы роста Словакии и Чехии составили за тот же период 54,1% и 54,6%.

Динамика вишеградского импорта из РФ, скорее, выделялась понижательным трендом на фоне роста общего роста импорта этих стран. Максимальные сокращения отмечались в периоды внешних кризисов: в 2009 г., 2014–2016 гг. и 2020 г., когда имели место и падения цен на мировых рынках энергоносителей. В целом большее негативное воздействие на импортные поставки оказал мировой финансово-экономический кризис и пандемия: индексы роста у вишеградских государств находились в пределах 61,5–66,3% в 2009 г. и 52,3–74,4% в 2020 г. Наиболее «чувствительным» к внешним кризисам остается импорт Венгрии и Чехии: именно эти государства отличались наименьшими индексами роста во все кризисные годы.

Восстановительные процессы импортных потоков из РФ совпадали с трендами общего импорта «четверки» и отмечались в 2010–2011 гг. и 2017–2018 гг. В случае мирового кризиса активнее восстанавливали свой импорт Польша и Словакия (индекс роста 149,9% и 135,9% в 2009 г. соответственно), после украинских событий – Венгрия и Чехия (145,5% и 126,9% в 2017 г. соответственно).

² Кроме того, были внесены корректировки в методику расчета Евростата, в результате которых изменены объемы импортных поставок из РФ.

Еще до корректировок методики, доля РФ в общем импорте Венгрии, Словакии и Чехии снижалась (рис. 2). Для Польши РФ остается одним из главных партнеров, хотя пик значимости отмечался в 2012 г. – доля России в польском импорте составляла 13,9%. С мирового финансово-экономического кризиса доля РФ в импорте вишеградских стран сократилась в пределах 5,0-9,5 п.п. с максимальным падением у Польши и Словакии. Пандемия только усугубила снижение позиций России.

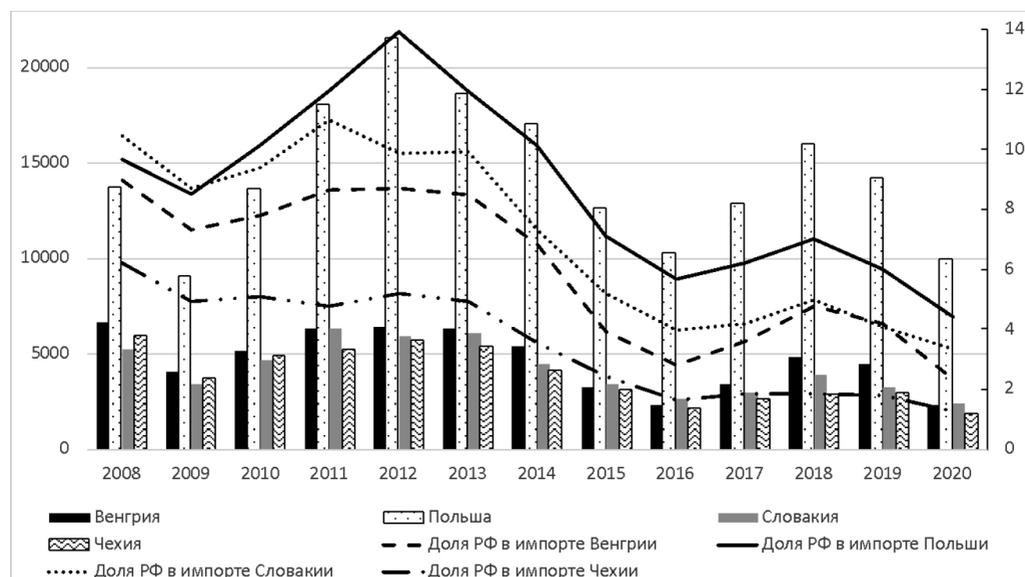

Рис. 2. Импорт стран Вишеградской группы из РФ (млн евро) и доля РФ в общем импорте этих стран (% , правая шкала)

Figure 2. The Visegrad countries import from the Russian Federation (in million euros) and the share of the Russian Federation in the total import of the Visegrad countries, (% , right scale)

Источник: Евростат.

Source: Eurostat.

Несмотря на понимание властями всех дисбалансов российско-вишеградской торговли и инициативы по ее корректировке, существенных изменений отраслевой структуры за прошедшие годы не произошло, хотя ряд значимых сдвигов все же имеет место. В целом внешнеторговым связям остаются присущи сырьевая направленность импорта из РФ и превалирование продукции вторичного сектора в экспорте «четверки», сохраняется структурная асимметрия [Куликова, Синицина 2019]. Тем самым, структура вишеградского импорта из РФ продолжает быть нетипичной для данных стран по сравнению с их традиционным импортом.

В структуре экспорта наметился тренд к большей диверсификации, что проявилось и в кризисные периоды (см. табл. 1). Однако она все еще остается слабой. Венгрия, как и ранее, отличается «относительным разнообразием» поставок: на основные категории товаров, представленные в таблице, в 2020 г. приходилось 98% ее экспорта, у других стран – более 99%. Так, сократилась доля основной экспортной статьи «четверки» – машин и транспортного оборудования, что в том числе стало следствием и санкционного режима. Наибольшее сокращение было характерно для Венгрии (на 20,7 п.п.) по причине падения поставок оборудования электросвязи в десятки раз.

Практически в 10 раз снизились поставки этой же категории и из Словакии, однако они меньше отразились на словацком экспорте в РФ в силу специализации на других категориях оборудования. Венгрия продолжила экспортировать оборудование для промышленности, канцелярские машины и прочее электрооборудование. В свою очередь Чехия и Словакия в условиях пандемии усилили специализацию на транспортном оборудовании. Польша нарастила поставки специализированного и прочего оборудования для промышленности, канцелярских машин. Общим трендом стало увеличение доли химической продукции и различных готовых изделий. Кроме того, в экспорте вишеградских стран в Россию увеличилась доля пищевых продуктов, главным образом благодаря падению в других секторах. Абсолютные показатели этой категории возросли только у Чехии (рост составил 155% в 2020 г. по сравнению с 2013 г.), хотя санкции повлияли и на чешский экспорт. Наиболее пострадавшей оказалась Польша (38%), Венгрия и Словакия сократили поставки примерно на треть. Практически все вишеградские страны снизили поставки мяса, овощей и фруктов, Польша практически перестала поставлять на российский рынок молочные продукты, яйца, рыбу.

Таблица 1.

Отраслевая структура внешней торговли вишеградских стран и России, %

Tab 1.

Sectoral structure of the foreign trade between the Visegrad countries and Russia, %

Сектора	2008				2020			
	В*	П	С	Ч	В	П	С	Ч
Импорт, в т.ч.:	100	100	100	100	100	100	100	100
сырье непродовольственное	3,2	3,2	4,0	4,7	5,2	2,9	9,5	7,4
минеральное топливо, в т.ч.	89,9	72,7	89,3	85,0	81,5	64,5	82,7	64,0
уголь, кокс	0,6	2,5	3,8	0,2	1,2	6,1	2,6	1,0
нефть, нефтепродукты	50,8	67,9	52,0	42,5	47,5	54,4	61,9	44,5
газ	38,4	2,3	33,5	42,3	32,8	4,0	18,2	18,5
химические вещества	2,8	3,0	1,9	2,9	6,6	7,4	1,8	5,2
промышленные товары	2,9	3,9	3,2	6,1	2,3	11,9	2,7	8,3
машины и транспортное оборудование	1,1	0,7	1,4	0,9	4,0	1,4	2,9	9,0
Экспорт, в т.ч.:	100	100	100	100	100	100	100	100
пищевые продукты	6,6	7,4	0,4	1,5	9,9	6,3	1,6	2,5
сырье непродовольственное	0,3	0,5	0,7	0,6	2,2	1,5	0,6	0,6
химические вещества	21,3	14,2	4,5	9,0	28,0	19,6	5,0	7,3
промышленные товары	7,1	21,8	8,8	14,4	12,4	15,9	9,3	10,4
машины и транспортное оборудование, в т.ч.	59,8	42,7	78,1	63,8	39,1	42,6	70,4	67,9
транспортные средства	4,1	17,8	43,0	20,7	8,3	7,3	49,9	22,1
офисное оборудование	5,4	0,3	0,1	6,9	7,9	4,2	0,2	9,0
машины для отраслей	1,7	0,4	1,8	8,0	1,9	6,6	3,2	3,3
неспециализированные промышленные машины	4,2	5,8	5,2	11,5	7,6	9,3	7,3	8,7
различные готовые изделия	3,1	12,6	7,3	9,2	5,0	13,0	12,8	10,2

Источник: Евростат.

Source: Eurostat.

* - В – Венгрия, П – Польша, С – Словакия, Ч – Чехия.

Для импорта участниц «четверки» характерна еще большая специализация, чем для экспорта (см. табл. 1). Наиболее диверсифицированная структура импорта присуща Польше: по итогам 2020 г. на основные статьи, представленные в таблице 1, пришлось 90,1% всего импорта (у Чехии – 95,9%, Венгрии и Словакии – более 99%). Основной статьёй импорта остается минеральное топливо с превалярованием поставок нефти и газа. Однако стоит отметить, что Польша и Чехия в силу ситуации в национальных угольных отраслях и целей по закрытию угледобычи, стали больше закупать угля и кокса из России, особенно в последние годы, что отразилось и на структуре импорта.

Кроме того, в структуре закупок из РФ увеличилась доля машин и оборудования. Наиболее значимые изменения затронули чешский импорт, главным образом благодаря локализации в России автомобилестроительных производств. В Чехию возросли поставки транспортных средств, энергооборудования, неспециализированных машин. Венгрия, Польша и Словакия нарастили поставки прочих электрических машин, Польша – также энергооборудования, неспециализированного оборудования, Венгрия – энергетического оборудования.

Увеличились поставки непродовольственного сырья: Венгрия нарастила в несколько раз закупки масличных семян и плодов, Польша – в несколько десятков раз поставки макулатуры и бумажной массы, увеличены поставки текстильного волокна, у Словакии возрос импорт натурального каучука и металлических руд, у Чехии – масличных семян и плодов, лесоматериалов.

Отдельно стоит выделить позитивный тренд на увеличение импорта промышленных товаров из России. Наибольшие изменения коснулись Польши, которая стала покупать значительно большие объемы практически всех категорий промышленных товаров из России, начиная от бумаги и картона и заканчивая цветными металлами.

Однако, несмотря на некоторые позитивные сдвиги во внешней торговле России и стран Вишеградской группы, ключевые дисбалансы продолжают сохраняться, отягощенные новыми политико-экономическими вызовами.

Инвестиционные связи

В инвестиционных отношениях Россию и страны Вишеградской группы – да и «четверку» в целом – нельзя назвать равными партнерами: российский рынок в силу своих размеров более важен для Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, чем вишеградский для РФ. Значимость участниц группы в сфере ПИИ России с годами снижается в силу влияния сильных внешних вызовов в лице мирового финансово-экономического кризиса, последствий украинских событий, пандемии, а также внутренних факторов самих партнеров. Череду негативных для внешнеэкономических связей процессов обуславливает невозможность восстановления инвестиционных связей при существующем потенциале: периоды роста были слишком малы и прерывались очередным кризисом. В частности, с 2009 г., когда Чехия с наибольшим в Вишеградской группе объемом накопленных в России ПИИ занимала 26-е место среди крупнейших инвесторов российской экономики, до предпандемичного 2019 г. позиции вишеградцев снизились и вышли за первую тридцатку по объемам накопленных ПИИ в РФ. Негативная тенденция была свойственна и российским вложениям в отношении «четверки». В 2009 г. Венгрия, аккумулировавшая на тот момент наибольшие объемы ПИИ из РФ, была 17-й среди направлений российской инвестиционной деятельности за рубежом. Через десятилетие максимум российских ПИИ был вложен в Чехию, которая стала лишь 25-й среди основных направлений приложения российского капитала.

Для вишеградских стран Россия как инвестиционный партнер демонстрировала нестабильную динамику, однако она была скорее отрицательной – значимость российского рынка снижалась в период между кризисом конца 2000-х гг. и пандемией. Россия продолжает

занимать 10–30-е места как экспортер и импортер ПИИ для Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, что наблюдалось и десятилетием ранее. Однако, например, по итогам 2019 г. РФ стала лишь 14-ой в исходящих ПИИ Чехии, утратив 4 позиции за прошедшие годы, для Венгрии был характерен аналогичный спад: РФ вышла за пределы 20-ки и стала 22-ой. Для Венгрии сокращение объемов вложений из России сместило ее на 19-е место как экспортера капитала в эту страну. В то же время положительные тенденции были характерны для Словакии – РФ вошла в десятку основных направлений приложения словацкого капитала. Повысилась значимость РФ как инвестора чешской экономики – РФ вошла в 20-ку крупнейших. Для Польши же РФ продемонстрировала относительную стабильность: большую значимость в отношении экспорта польского капитала (10-11-ое места) и не соответствующую потенциалам стран в отношении импорта (30-31-ое места).

Значимость партнеров друг для друга обуславливается множеством факторов, включая политические причины, исторические связи, рядом экономических процессов временного и фундаментального характера [Weiner 2018]. В экономической плоскости лежит история формирования акторов – компаний, участвующих в осуществлении ПИИ, в результате чего для вишеградских стран свойственно размывание национального капитала, отсутствие большого количества национальных игроков, способных к зарубежной экспансии, иностранный капитал продолжает контролировать ряд секторов, что в свою очередь влияет и на проникновение в эти страны инвесторов из других государств [Шейнин 2019]. В России на базе советских активов сформировались крупные компании [Ланнэ 2009], которые в последствии превратились в полноценные ТНК, способные вести зарубежную инвестиционную деятельность. Нередко именно принадлежность российских компаний к некоторым отраслям выступает сдерживающим фактором уже политического характера для инвестиционной деятельности, что часто проявляется в вишеградских реалиях. Стоит отметить, что именно топливно-энергетический комплекс зачастую служит «лакмусовой бумажкой» для инвестиционных отношений России и вишеградских стран, а в силу априорных значимых инвестиций, требующихся в данном секторе, обуславливает и динамику в целом данных отношений.

Особенности участников инвестиционных отношений влияют и на характер связей: российские компании преимущественно стремятся покупать имеющиеся в «четверке» активы с целью закрепиться на рынке, вишеградские – не только покупают, но и создают новые. Однако в силу своих небольших размеров компании из Венгрии, Польши, Словакии и Чехии исключены из конкуренции с российскими крупными игроками. Кроме того, компании-инвесторы часто относятся к вторичному сектору, повышенной долей которого отличаются как вишеградские страны, так и Россия³. Вместе с тем и сфера услуг, в первую очередь финансовый сектор и торговля, также представляют области взаимного интереса.

Помимо некоторых черт акторов, среди сдерживающих факторов развития инвестиционных отношений сторон стоит выделить объем национальных рынков Вишеградской группы, конкуренцию со стороны европейских, американских, азиатских компаний [Szunomar 2020] и в целом встроенность вишеградских экономик в цепочки стоимости европейских государств, существующие экономические ограничения общеевропейского характера. Свою роль играет и территориальная удаленность восточной части России, которая остается фактически «неосвоенной» зарубежными инвесторами, инфраструктурные ограничения и ряд других.

Складывающаяся картина значимости партнеров обусловлена незначительными объемами инвестиционной деятельности, на динамику которых оказывают влияние

³ Например, Чехия по доле промышленности в ВВП очень близка к России: 29,2% и 30,2% в 2019 г. (по данным ОЭСР).

не только общеевропейские кризисы, но и крупные сделки по покупке активов (см. табл. 2). Одновременно вишеградские инвестиции в России сильнее подвержены влиянию негативных факторов: в 2014 г. накопленные ПИИ в РФ упали более чем на 16% с углублением падения до 24% в последующем году, в то время как российские ПИИ в «четверке» сократились только в 2015 г. и на 2%. До 2020 г. всем сторонам удалось восстановить объемы вложений, превышающие уровень 2013 г., однако рост российских ПИИ был более динамичным. Пандемия же вновь проявила особенности инвестиционных связей: падение вишеградских ПИИ было глубже по сравнению с российскими.

Таблица 2.

**Накопленные ПИИ России и стран Вишеградской группы, млн долл.
 (на конец года)**

Tab 2.

FDI stock in Russia and the Visegrad countries, USD millions (at the end of the year)

Показатель	2009	2010	2013	2014	2015	2019	2020*
Накопленные в РФ ПИИ из Венгрии	556	770	1023	626	422	672	515
Польши	413	577	141	323	323	520	577
Словакии	27	8	8	22	22	42	34
Чехии	692	1130	460	393	272	473	306
Накопленные ПИИ из РФ в Венгрии	2266	2230	237	280	230	281	280
Польше	596	581	627	510	563	598	581
Словакии	48	52	97	117	127	190	170
Чехии	1336	1192	1844	1968	1896	2088	2034

Источник: ЦБ РФ.

Source: Central Bank of Russia.

* – данные за 3 квартала 2020 г.

За прошедшее десятилетие изменилась роль отдельных стран в инвестиционных связях с Россией (таб. 2). Чехия и Венгрия, обеспечивающие более 70% вишеградских ПИИ в России в конце 2000-х гг., сменили Венгрия и Польша, чья доля составила 69,8% в 2019 г. Венгрия сумела сохранить лидерство и после санкций в связи с украинскими событиями, несмотря на уход из части российских проектов, включая активы в топливно-энергетическом комплексе. Определенный вклад в лидерство Венгрии внесла сама Чехия, сократившая масштабы инвестиционного присутствия, несмотря на прагматичный подход, активизацию деятельности на региональном уровне и ряд других инициатив. Ключевую роль сыграли несколько крупных сделок по продаже российских активов в финансовом секторе, торговле.

Изменились приоритеты и российской инвестиционной деятельности: Венгрия и Чехия, где концентрировалось более 80% российских ПИИ в «четверке», уступили место безоговорочному лидерству Чехии, аккумулировавшей более 66% российских ПИИ в 2019 г. Значимость Венгрии снизилась в результате продажи активов в топливно-энергетическом комплексе, который впоследствии коснулся и всех стран региона в связи со сделкой «Лукойла» 2014 г.

В силу недоступности официальной статистики, отраслевую структуру приложения капитала в рамках российско-вишеградских отношений оценить сложно. Только Чешский национальный банк дает возможность говорить о том, что российские вложения в стране достаточно нетипичны как для российских ПИИ за рубежом, так и для структуры

входящих ПИИ самой Чехии. Они главным образом продолжают направляться в сферу недвижимости, где аккумулировалось около 60% российских ПИИ в 2019 г., еще 10% инвестиций приходилось на промышленность. В свою очередь проекты компаний, участвующих в инвестиционном взаимодействии, в последние годы свидетельствуют о том, что сектора приложения капитала более диверсифицированы. В Чехии российский бизнес присутствовал главным образом в финансовом секторе, а также в черной и цветной металлургии, машиностроении, ИТ, торговле, АПК, недвижимости, химическом комплексе. В других вишеградских странах масштабы деятельности российских компаний можно назвать «ограниченными» как по объемам вложений, так и по степени их диверсификации. Размеры и структура экономики позволяют привлекать большие объемы ПИИ в Польшу, однако политический фактор остается сдерживающим для российских компаний, которые были представлены в нескольких отраслях, включая топливный, химический комплекс, АПК, ИТ. Российские компании владели активами в венгерском финансовом секторе, топливном комплексе, в словацком строительном секторе, машиностроении.

В России основу вишеградской инвестиционной деятельности составлял чешский и польский капитал, при этом чешские вложения значительно опережали инвестиции из Польши, что также, как и в случае российских ПИИ в Польше, скорее обусловлено негативными факторами, включая политические. В России чешские компании вели проекты в финансовом секторе, машиностроении, АПК, цветной металлургии, польские – в прочих отраслях промышленности, торговле, фармацевтике, ИТ, цветной металлургии, машиностроении, АПК. Словацкие ПИИ присутствовали в прочих отраслях промышленности, девелопменте, финансовой сфере. Венгерский капитал также отличался узостью вложений: проекты относились к финансовому сектору, фармацевтике и АПК [Четверикова 2020].

Политический фактор взаимоотношений

На экономические связи стран в той или иной степени оказывают влияние и политические аспекты отношений, особенно в некоторых «чувствительных» секторах, таких, например, как топливно-энергетический комплекс. В рамках Вишеградской группы наиболее ярко это видно в российско-польских связях, где от политической сферы зависит и экономическая [Лисякевич 2021].

С мирового кризиса конца 2000-х гг. страны «четверки» и Россия провели около 60 встреч на высшем уровне (таб. 3) с наиболее активным периодом взаимодействия именно во времена экономических спадов – 2008-2010 гг., когда диалог вели все вишеградские государства. Наступивший впоследствии период сокращения контактов и украинские события привели к взаимодействию на уровне 1-3 встреч ежегодно с участием трех участниц группы. Смена политических сил в Польше повлекла за собой фактическую остановку политического диалога, что отразилось и на экономике. В результате на Польшу пришлось лишь 17,5% всех встреч в рамках Вишеградской группы за рассматриваемый период, хотя изначально можно говорить о попытках выстраивать политические связи на высшем уровне, несмотря на многочисленные противоречия между двумя странами. Экономический потенциал Польши также предполагает более активное российско-польское взаимодействие, однако препятствия в политической сфере сохраняются.

Более продуктивный диалог был характерен для Чехии, однако в последнее время кризис в политических отношениях только усугублялся, что наиболее ярко проявилось во взаимной высылке дипломатов в апреле 2021 г., когда Чехия выслала сначала 18 российских сотрудников, Россия в качестве ответной меры – 20, с дальнейшим достижением паритета состава посольств обеих стран. Однако и до этого политическое взаимодействие на высшем уровне нельзя назвать продуктивным. Фактически после 2014 г. лишь президент М. Земан встречался с российскими лидерами.

Таблица 3.

Политический диалог на высшем уровне РФ и стран Вишеградской группы

Tab 3.

Political dialog on the highest level between the Russian Federation and the Visegrad group

Год	Страна / количество встреч	Участники	Место встреч
2008	Венгрия – 3	- ПМ* Ф. Дюрчань, П Л. Шоймо и первый вице-премьер / П Д.А. Медведев; ПМ Ф. Дюрчань и П В.В. Путин	Будапешт, Ханты-Мансийск, Москва
	Польша – 4	- ПМ Д. Туск и П В.В. Путин, ПМ В.А. Зубков; ПМ Д. Туск, П Л. Качиньский и председатель СФ С.М. Миронов	Москва, Варшава
	Словакия – 4	- ПМ Р. Фицо, председатель национального Совета П. Пашка и ПМ В.А. Зубков, ПМ Р. Фицо и первый вице-премьер И.И. Сечин	Братислава
2009	Венгрия – 2	- ПМ Ф. Дюрчань и П Д.А. Медведев, ПМ В.В. Путин	Москва
	Польша – 1	- ПМ Д. Туск и ПМ В.В. Путин	Гданьск
	Словакия – 2	- ПМ Р. Фицо и ПМ В.В. Путин	Москва
	Чехия – 3	- ПМ М. Тополанек и ПМ В.В. Путин; П В. Клаус и П Д.А. Медведев	Москва (2), Хабаровск
2010	Венгрия – 1	- ПМ В. Орбан и ПМ В.В. Путин	Москва
	Польша – 4	- П / Маршал польского Сейма Б. Коморовский, ПМ Д. Туск и П Д.А. Медведев	Краков, Москва, Варшава
	Словакия – 4	- П И. Гашпарович, ПМР. Фицо, Председатель национального Совета П. Пашка и П Д.А. Медведев	Братислава, Москва
	Чехия – 2	- П В. Клаус и П Д.А. Медведев, ПМ В.В. Путин	Прага, Москва
2011	Польша – 1	- П Б. Коморовский и П Д.А. Медведев	Смоленск
	Словакия – 2	- П И. Гашпарович, ПМ И. Радичова и ПМ В.В. Путин	Братислава
	Чехия – 2	- П В. Клаус, ПМ П. Нечас и П Д.А. Медведев	Прага
2012	-	-	-
2013	Венгрия – 1	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Москва
	Чехия – 2	- П М. Земан и Председатель СФ В.И. Матвиенко; ПМ П. Нечас и П В.В. Путин	Прага, Москва
2014	Венгрия – 1	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Москва
2015	Венгрия – 2	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин, ПМ В. Орбан и ПМ Д.А. Медведев	Будапешт, Казань
	Словакия – 2	- ПМ Р. Фицо и П В.В. Путин, ПМ Д.А. Медведев	Москва
	Чехия – 2	- П М. Земан и П В.В. Путин	Москва, Пекин
2016	Венгрия – 1	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Будапешт
	Словакия – 1	- ПМ Р. Фицо и П В.В. Путин	Москва
	Чехия – 1	- П М. Земан и ПМ Д.А. Медведев	Улан-Батор
2017	Венгрия – 2	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Будапешт
	Чехия – 3	- П М. Земан и П В.В. Путин, ПМ Д.А. Медведев	Москва (2), Пекин
2018	Венгрия – 2	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Москва
2019	Венгрия – 1	- ПМ В. Орбан и П В.В. Путин	Будапешт
	Словакия – 1	- ПМ П. Пеллегрини и П В.В. Путин	Москва
2020	-	-	-

Источник: Обзоры внешнеполитической деятельности МИД РФ.

Source: Reviews of the foreign policy of the MFA of the RF.

*ПМ – премьер-министр, П – президент.

С 2008 г. Словакия и Венгрия характеризовались одинаковой интенсивностью политического диалога на высшем уровне с Россией: по 28,1% от всех вишеградских встреч (см. таб. 5). Однако динамика отношений двух стран различна: словацкая сторона более активно поддерживала связи до 2014 г., сократив контакты впоследствии, Венгрия же продемонстрировала «ровный» диалог.

Дифференциацию политических отношений вишеградских стран с Россией в определенной степени иллюстрирует и реакция стран на «громкие события» и использование такого инструмента, как высылка дипломатических сотрудников. Например, с 2018 г. наибольшее количество российских дипломатов выслала Чехия (с учетом масштабных мер апреля 2021 г.) – 23 человека⁴, Словакия – 10, Польша – 8 человек, Венгрия – лишь одного [Случаи...2021].

Политический диалог на высшем уровне или использование «определенных» политических мер лишь частично характеризуют всю картину политических отношений вишеградских стран с Россией. Однако в некоторых из них диапазон возможностей по ведению диалога достаточен узок, что имеет последствия для внешнеэкономических связей стран.

Долголетнее фактическое замораживание политического диалога с Польшей и обострение отношений в последнее время с Чехией, что закономерно повлекло за собой и реакцию других вишеградских государств, обуславливает возникновение новых негативных факторов для развития политических отношений между Россией и участницами «четверки». Ряд вишеградских государств прагматически подходят к экономическим отношениям с Россией, хотя некоторые политические события серьезно препятствуют внешнеэкономическим связям стран, что, например, имело место и в 2014 г. Можно говорить о том, что обострение противоречий в рамках политических отношений сужает возможности для развития экономических связей, где потенциал роста все же существует в силу объективных экономических данностей. В более отдаленной перспективе сохраняются факторы, создающие основу для связей в экономической сфере, такие как структура экономик, объем российского рынка, наличие природных ресурсов в РФ, преимущества вишеградского рынка как части европейского для российских компаний. Опыт предыдущих кризисов свидетельствует о том, что, несмотря на негативный политический фон, экономические факторы преобладают. Одним из ключевых можно назвать размер экономик партнеров при прочих равных обстоятельствах. В случае вишеградских стран именно Польша смогла к началу пандемии восстановить объемы торговли с РФ, некоторая позитивная динамика отмечается и в инвестиционных отношениях. В ряде направлений положительный тренд был характерен и для Венгрии, и Чехии.

В будущем развитие внешнеэкономических отношений России и стран Вишеградской группы продолжит обуславливаться не только экономическими факторами, но и политическими. Лишь в условиях стабилизации политического диалога возможно использовать все экономические возможности по развитию торгово-инвестиционных отношений, а не «подстраиваться» под политико-экономически негативные реалии. Также стоит отметить, что экономические связи Вишеградской группы и России продолжатся на двусторонней основе: «четверка» как субрегиональное интеграционное объединение относительно слаба и направлена на другие сферы деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Князев Ю.К., Куликова Н.В. (ред.) (2020) Кризис в Европейском союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы. М.: ИЭ РАН.

⁴ К 31 мая 2021 г. численность Посольства РФ в г. Прага сократилась на 35 дипломатов.

- Куликова Н.В., Синицина И.С. (2019) Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. № 3. С. 150-160.
- Лисякевич Р. (2021) Роль экономических факторов в польско-российских отношениях. Международный семинар «100-летие Рижского мирного договора и современные проблемы российско-польских отношений». 14.04. (<https://www.imemo.ru/news/events/text/mezhdunarodniy-seminar-100-letie-rizhskogo-mirnogo-dogovora-i-sovremennye-problemi-rossijsko-polyskihi-otnosheniy>).
- Обзоры внешнеполитической деятельности Российской Федерации в 2008-2020 гг. МИД РФ. Москва (<https://www.mid.ru/activity/review>).
- Паппэ Я.Ш. (2009) Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 гг. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ.
- Случаи высылки российских дипломатов из разных стран в 2018-2021 годах. РИА Новости (2021). 17.04. (<https://ria.ru/20210417/vysylka-1728754360.html>).
- Центральный Банк РФ. Статистические данные. Прямые инвестиции (2020) (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).
- Четверикова А.С. (2020) Эволюция инвестиционных связей стран Вишеградской группы и России // Современная Европа. № 2. С. 90-99.
- Шейнин Э.Я. (2019) Инвестиционный процесс в странах Центрально-Восточной Европы. М.: ИЭ РАН.
- Eurostat. International trade in goods. EU trade since 1988 by SITC (2020) (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/data/main-tables>).
- Szunomar A. (ed.) (2020) Non-European Emerging-Market Multinational Enterprises in East Central Europe. Cham: Palgrave Macmillan.
- Weiner Cs. (2018) Pull Factors Driving Russian Multinationals into five CEE countries. A Sectoral Overview. Working Paper No 250. Budapest: Center for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economy.

REFERENCES

- Central'nyj Bank RF. Statisticheskie dannye. Prjamyje investicii [Central Bank of the Russian Federation. Statistical data. Direct investments] (2020) (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).
- Chetverikova A.S. (2020) *Jevoljucija investicionnyh svjazej stran Vishegradskoj grupy i Rossii* [Evolution of the Investment Cooperation between the Countries of the Visegrad Group and Russia]. *Sovremennaja Evropa*. no. 2. pp. 90-99.
- Eurostat. International trade in goods. EU trade since 1988 by SITC (2020) (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/data/main-tables>).
- Knyazev Yu.K., Kulikova N.V. (ed.) (2020) *Krizis v Evropejskom sojuze: posledstviya dlja stran Central'no-Vostochnoj Evropy* [Crisis in the European Union: consequences for CEE countries]. Moscow: IE RAS.
- Kulikova N.V., Sinitsina I.S. (2019) *Torgovye otnoshenija Rossii so stranami Central'no-Vostochnoj Evropy* [Trade Relations Between Russia and Central-Eastern European Countries]. *Sovremennaja Evropa*. no. 3. pp. 150-160.
- Lisyakevich R. (2021) *Rol' jekonomicheskikh faktorov v pol'sko-rossijskih otnoshenijah. Mezhdunarodnyj seminar «100-letie Rizhskogo mirnogo dogovora i sovremennye problemy rossijsko-pol'skihi otnoshenij»*. [The role of economic factors in Polish-Russian relations. International Seminar “100th Anniversary of the Riga Peace Treaty and Contemporary Problems of Russian-Polish Relations]. 14.04. (<https://www.imemo.ru/news/events/text/mezhdunarodniy-seminar-100-letie-rizhskogo-mirnogo-dogovora-i-sovremennye-problemi-rossijsko-polyskihi-otnosheniy>).
- Obzory vneshnepoliticheskoj dejatel'nosti Rossijskoj Federacii v 2008-2020 gg.* [Reviews of the foreign policy of the Russian Federation in 2008-2020]. The Ministry of foreign affairs of Russian Federation, Moscow (<https://www.mid.ru/activity/review>).
- Pappe Ya.Sh. (2009) *Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let. Jekonomicheskie hroniki 1993-2008 gg.* [Russian big business: the first 15 years. Economic Chronicles 1993-2008]. Moscow: Ed. House of the State University Higher School of Economics.
- Sheinin E. Ya. (2019) *Investicionnyj process v stranah Central'no-Vostochnoj Evropy* [Investment process in the countries of Central and Eastern Europe]. Moscow: IE RAS.

Sluchai vysylki rossijskih diplomatov iz raznyh stran v 2018-2021 godah [Cases of expulsion of Russian diplomats from different countries in 2018-2021]. RIA Novosti. (2021). 17.04. (<https://ria.ru/20210417/vysylka-1728754360.html>).

Szunomar A. (ed.) (2020) *Non-European Emerging-Market Multinational Enterprises in East Central Europe*. Cham: Palgrave Macmillan.

Weiner Cs. (2018) *Pull factors driving Russian multinationals into five CEE countries. A sectoral overview*. Working Paper No 250. Budapest: Center for economic and regional studies HAS Institute of world economy.

Об авторе

Четверикова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997. E-mail: chetverikova@imemo.ru

About the author

Anna S. Chetverikova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Centre for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), chetverikova@imemo.ru. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: chetverikova@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 13.05.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 14.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990014326-0

Оригинальная статья / Original Article

Ключевые коммуникативные стратегии создания образа иммигранта в медийном дискурсе Испании (на материале газеты *El País*)

© М.В. СИМОНОВА

Симонова Мария Владимировна, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия),
manuna213@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено особенностям освещения темы иммиграции в Испании на материале качественного ежедневного общественно-политического издания *El País*, которое является самой читаемой газетой подобного жанра и претендует на объективное и полное отражение современного состояния испанского общества, а также ключевых событий, происходящих в стране и в мире. Анализ публикаций (307 газетных статей) за 2019 г., посвященных теме иммиграции с Ближнего Востока и Африки, позволил выявить две ключевые стратегии в освещении журналистами данной темы – формирование у читателя отрицательного образа иммигранта и стратегия солидаризации с адресатом (проявление сочувствия и сопереживания к иммигрантам). Исследование, выполненное в русле медиалингвистики, позволило определить основные приемы достижения обозначенных стратегий. Искусственно создаваемый негативный образ иммигранта («они») в сочетании с положительным образом принимающей культуры («мы») способствует формированию и закреплению в сознании читателя образа иммигранта-врага, что идет в разрез не только с установками качественной газеты *El País*, но и восприятием иммиграции коренными испанцами.

Ключевые слова: иммиграция, Испания, медиалингвистика, коммуникативные стратегии, медиадискурс, *El País*, СМИ Испании.

Цитирование: Симонова М.В. (2021) Ключевые коммуникативные стратегии создания образа иммигранта в медийном дискурсе Испании (на материале газеты *El País*) // Общественные науки и современность. № 4. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990014326-0

Key Communication Strategies of Creating the Image of an Immigrant in the Spanish Media Discourse (on the Publications of *El País*)

© M. SIMONOVA

Mariya V.I. Simonova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), manuna213@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of coverage of the issue of immigration to Spain on the material of the daily social-political newspaper *El País* which refers to the quality Spanish press. The research carried out within the framework of Media Linguistics using the method of linguistic analysis of the text and the method of cognitive analysis demonstrated a very interesting fact of imbalance between the actual immigrants' perception in the Spanish society and a certain image artificially created in the media space. The analysis of publications, more than 300 during the year 2019, that were selected according to the theme of publication (national immigration policy, immigration, crimes involving immigrants, immigrants and the Spanish society) has revealed two key strategies for covering the topic of immigration – the strategy of creating a negative image of an immigrant and the strategy of solidarity. The study allows to identify a sharp dissonance between the real perception in Spain of immigrants and the image of the «enemy» spread by the Spanish media.

Keywords: immigration, Spain, media linguistics, communication strategies, media discourse, *El País*, Spanish media.

Citation: Simonova M. (2021) Key Communication Strategies of Creating the Image of an Immigrant in the Spanish Media Discourse (on the Publications of *El País*). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.4, pp. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990014326-0 (In Russ.)

Введение

Тексты СМИ, будучи основным источником социокультурной информации, выступают, с одной стороны, моделью национально-культурной специфики речевого общения общества, с другой, – фрагментом культуры, который наиболее точно отражает политические, экономические и социокультурные процессы в обществе [Приходько 2016, 73]. Создание единого информационного пространства обозначило проблемы, связанные с информационным воздействием на общество, а также с вытекающими последствиями – как положительными и отрицательными, так и конструктивными и деструктивными.

На сегодняшний день получить объективную картину мира, «чистую» информацию без субъективных оценок не так просто. Именно поэтому возрастает интерес к подаче информации в СМИ и формированию шаблонных образов и стереотипного мышления у читателя с помощью коммуникативных стратегий [Добросклонская 2008].

Иммиграцию в Испанию широко обсуждают и изучают на научном, политическом и медийном уровнях. Принимая во внимание особенности исторического развития, Испания на сегодняшний день остается одной из немногих стран, в которых коренное население относится с пониманием к феномену иммиграции, чему способствовали исторические и социокультурные особенности развития страны.

Говоря о теме иммиграции в Испанию, стоит сказать, что в сравнении с многими европейскими странами королевство уже относительно давно выработало свою стратегию работы с иммигрантами. С конца 90-х гг. XX века миграционные потоки из Африки в Европу начинают существенно усиливаться, а Гибралтарский пролив и Марокканский Танжер

становятся воротами в страны Шенгенской зоны. Основными причинами возрастания иммиграции в Испанию и страны ЕС стали социально-экономические. Среди наиболее значимых факторов выбора мигрантами Испании выделим: возможность трудоустройства, более высокий уровень жизни, гендерное равенство и гражданские свободы, географическая близость, устоявшиеся общины мигрантов, а также лояльное к иммигрантам законодательство [Алексеев 2017]. В 2000-х г. страна столкнулась с большим приливом мигрантов на Канарских островах и на юге Испании. Тогда наравне с другими пограничными странами, куда направлялись беженцы, Испания, защищая свои границы и границы ЕС, вынуждена была разработать дополнительные меры защиты от нелегальной миграции. Все это привело к изменениям в иммиграционной политике страны и осознанию не только необходимости охраны своих территорий от незаконного проникновения, но и работы со странами – «поставщиками» иммиграции (речь идет об участии Испании в международных операциях, например, «София»); изменении в приеме и работе центров временного содержания иммигрантов; подписание дипломатических договоров с целью регулирования миграционных потоков и предоставление убежища в первую очередь для мигрантов из стран Африки, откуда шел основной поток нелегальной иммиграции; активное участие в регулировании конфликтов на Ближнем Востоке; ведение активной политики интеграции и адаптации иммигрантов).

Интерес к анализу данных за 2019 г. обусловлен наибольшим количеством мигрантов, пересекших границы Испании. Так, согласно официальным данным Национального института статистики, в 2019 г. в Испанию прибыло 660022 иммигрантов¹, самое большое число за последние 10 лет (в 2009 г. – 365367 человек, в 2018, например, – 559998)². Однако статистика учета нелегальной миграции показывает следующие данные: в 2019 г. приток незарегистрированных иммигрантов в Испанию составил 32449 человек (из них четвертая часть прибыла из Марокко), что значительно меньше, чем в 2018 г. (64298) и в 2020 г. (41861)³. Данная тенденция обусловлена ужесточением миграционной политики и охраной пограничных территорий. Стоит также отметить, что учет нелегальной иммиграции носит относительный характер, так как большое количество иммигрантов прибывают в страну легально, а потом уже остаются нелегально.

Принятие испанским правительством мер по работе с иммигрантами, законопроекты, а также программы поддержки иммигрантов и беженцев говорят о гостеприимстве страны. Еще в 1991 г. был создан Союз исламских обществ Испании, позже – Исламская комиссия Испании, которая представляла мусульман, проживающих на территории Испании, вела переговоры с властями королевства [Хенкин 2013]. В 1992 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве, согласно которому арабо-мусульманскому населению предоставлялся большой спектр возможностей, например, создание исламских образовательных центров, официальное признание мусульманских обычаев и традиций, что уравнивало права мусульман и христиан в стране. Однако в последние десятилетия нарастает напряженность в обществе, особенно в условиях глобального экономического кризиса, когда иммиграция в стране стала ассоциироваться с «отобранными» у коренных испанцев рабочими местами, а теракты в Мадриде в 2004 г. усилили недовольство испанцев иммигрантами. В связи с этим испанский демограф и социолог Алехандро Порте отмечает уникальность политики Испании в отношении иммиграции, а также невозможность ее длительного осуществления [Грушина, Грунина 2018].

¹ Flujo de inmigración procedente del extranjero por año, país de origen y nacionalidad (española/extranjera). Instituto nacional de estadística (<https://www.ine.es/jaxiT3/Datos.htm?t=24295>).

² Интересно, что в 2020 г. количество иммигрантов намного сократилось в связи с закрытием границ из-за новой коронавирусной инфекции COVID-19, в Испании было зарегистрировано 413210 иммигрантов.

³ Número total de inmigrantes irregulares que llegaron a España en 2019 y 2020, por país de origen. Statista (<https://es.statista.com/estadisticas/1095016/entradas-de-inmigrantes-ilegales-en-espana-por-nacionalidad/>).

В последнее время интеграция арабо-мусульманского населения в испанское общество стала ассоциироваться у коренного населения с ассимиляцией, что, конечно, практически недостижимо ввиду религиозных и национальных установок у прибывающих иммигрантов. Несмотря на то, что в государственных программах уделяется большое внимание интеграции иммигрантов в Испании (например, на уровне образования), нетерпимость определенной части населения к иммигрантам имеет место, что подогревается большим количеством публикаций в СМИ о преступлениях, совершенных иммигрантами, случаях гендерного насилия, незаконного пересечения границ.

Постановка проблемы

Всесторонне исследовать язык и языковые приемы в контексте медийного дискурса позволяет медиалингвистика. Предмет ее изучения – функционирование языка медиапространства, а также медиаречь во всех ее формах и проявлениях [*Добросклонская* 2015, 45]; сам медиатекст понимается как сочетание знаковых единиц в определенном медиаформате, актуализованное и объединенное общим смыслом [*Добросклонская* 2008, 3].

В рамках изучения медийного дискурса на тему иммиграции в Испанию автор вслед за А.А. Казаковым под коммуникативной стратегией понимает «заранее определенную цель коммуникации, для реализации которой необходимо изменение или формирование (если оно отсутствовало прежде) мнения адресата по тому или иному освещаемому в масс-медиа сюжету» [*Казаков* 2013, 88]. Ключевое понятие в этом определении – «изменение» общественного мнения.

Данные социологических опросов об отношении коренного населения Испании к иммигрантам показывают, что испанцы воспринимают миграционные процессы внутри страны позитивно — поток иммигрантов рассматривается как «благо» (58%), а около 80% населения Испании полагает, что королевство и дальше должно оказывать помощь беженцам и иммигрантам⁴.

Как справедливо отмечает А.Н. Кожановский, испанскому обществу присущ высокий уровень лояльности по отношению к иммигрантам в сравнении с другими европейскими государствами, «популярными» среди трудовых иммигрантов и беженцев [*Кожановский* 2019, 6]. Такое восприятие иммиграции в страну нелогично с одной стороны, с другой, – оно стало результатом бурного социально-экономического подъема после отмены диктатуры и мощнейшего притока иммиграции как необходимого трудового ресурса, исключительного для экономического и социального благосостояния страны [*Rinken* 2015]. Кроме того, иммиграция в Испании играет существенную роль в стабилизации демографической ситуации в стране (выполнение социальных программ осуществляется на 90% за счет иммиграции [*Шмелева* 2019]).

Превалирование в современном испанском обществе понятий «права человека», «демократические свободы», «мультикультурализм» над ощущением и демонстрацией собственного превосходства в отношении представителей других стран и культур объясняется очень сильными левыми настроениями и исторической памятью того периода, когда сами испанцы были вынуждены покинуть страну в связи с экономическими обстоятельствами, а также бежали от авторитарного режима на родине [*Кожановский* 2019, 12] и искали убежище в других странах и континентах.

Исторически сложившееся отношение к иммигрантам в Испании в последнее время подвергается жесткой критике. Например, активно продвигается в массы мнение, что коренные испанцы предпочитают публично не высказываться по вопросу иммиграции или не вы-

⁴ Eurobarómetro Standard 90. Opinión pública en la Unión Europea (2019) (https://ec.europa.eu/spain/sites/spain/files/st90_-_report_repes_-_vf110219_limpiar.pdf).

сказываться негативно, так как это считается этически неприемлемым [Méndez 2006, 70]. Существуют также стереотипы и предрассудки в восприятии иммигрантов [Abella Vázquez 2002, González Falcón 2011], что связано, в первую очередь, с трудностями социализации, языковыми и религиозными различиями. Усугубило ситуацию появление крайне правой националистической партии Вокс (Vox). Кроме того, нагнетают обстановку и СМИ Испании, в которых образ иммигранта предстает как образ врага, которого стоит опасаться.

Значимость исследования заключается в том, что автор на материале качественного издания, которое должно объективно информировать об актуальном состоянии общества, доказывает, что существующее восприятие иммиграции в испанском обществе и образ, который создается в газете El País, кардинально расходятся. Сочетание интердисциплинарности в исследовании помогает проследить «навязываемые» перемены в сознании испанцев в вопросе иммиграции. Настоящее исследование, выполненное в рамках медиалингвистики, является первым в отечественной науке, в котором изучается идеология представления иммигрантов из Африки и Ближнего Востока на материале газеты El País. Полученные выводы коррелируют с результатами исследований отечественных ученых о формируемом образе иммигрантов в испанской прессе [Косевич 2019], о «реальном» представлении иммиграции в современном испанском обществе [Кожановский 2019], а также о частотных приемах коммуникативной стратегии [Комалова 2019] в медийном дискурсе Испании.

Массовый приток иммигрантов в Испанию идет в основном из стран латиноамериканского континента, Африки и Ближнего Востока. Если латиноамериканцы приезжают в Испанию в поисках заработка, то миграция из африканских стран и с Ближнего Востока зачастую носит другой характер – в основном это беженцы или нелегально пересекшие границу иммигранты, которые претендуют на лояльность испанского законодательства и социальные пособия (также велика доля трудовой иммиграции). По данным официальной статистики, наибольшая численность иммигрантов в Испанию приходится на марокканцев (865945 по данным за 2020 г.)⁵. Если латиноамериканцам проще адаптироваться в испанском обществе, чему способствует одинаковый язык и религия, то для представителей африканского континента и Ближнего Востока это сложнее ввиду языкового, культурного и религиозного отличий. Очень часто в СМИ проводят разграничение между латиноамериканскими иммигрантами и иммигрантами из Африки и Ближнего Востока, то есть арабо-мусульманским населением. Таким образом, автор ставит перед собой следующую цель – выявить основные закономерности и стратегии формирования образа иммигранта исключительно с африканского континента и из стран Ближнего Востока на материале газеты El País. Для достижения поставленной цели были обозначены следующие задачи: проанализировать специфику иммиграции в Испанию в XXI веке; выявить особенности восприятия иммигрантов в принимающем обществе; провести непосредственную работу с лингвистическим материалом.

Научная база и материал исследования

Интердисциплинарный подход к изучению особенностей освещения испанскими СМИ темы иммиграции в Испанию обусловил научную базу исследования. Автор опирался на работы в области медийного дискурса и механизмов его воздействия на читателя [Иссерс 2008, Менджеричкая 2006, Dijk van T. 2006, Лакофф 2008]; для анализа лингвистического материала были использованы разработки отечественной школы медиалингвистики [Добросклонская 2008]. Изучение специфики испанских СМИ в освещении темы

⁵ El orden mundial. La inmigración en España (<https://elordenmundial.com/mapas/el-mapa-de-la-inmigracion-en-espana/>).

иммиграции опиралось на работы отечественных [Грушина 2018, Кожановский 2019, Косевич 2019, Комалова 2019, Соколова 2017, Хенкин 2013, Шмелева 2019] и зарубежных исследователей [Aznar 2005, Crespo Fernández 2008, Chakour 2018, González Falcón 2011, Grijelmo 2000, Rincken 2015].

Вслед за представителями школы медиалингвистики в качестве ключевого определения медиадискурса возьмем определение Т.Г. Добросклонской: «это функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2015]. Междисциплинарный характер исследований речевой деятельности в контексте массовой коммуникации обуславливает интегрированный подход к изучению медиатекстов с позиции медиалингвистики [Добросклонская 2015], вследствие чего нами использовались следующие методы:

лингвистический анализ текстов с целью выявить свойства и характеристики текста на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтагматическом, стилистическом). Анализ позволил выделить несколько групп тематических коллокаций, к которым журналисты регулярно прибегают для формирования негативного образа иммигранта, а также для создания бинарного противопоставления «свой-чужие»;

метод когнитивного анализа, что предполагает изучение медийного дискурса в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивный анализ позволил выявить общую информационную картину медиaprостранства Испании по теме иммиграции. В рамках когнитивного подхода удалось понять соотношение реальной действительности (в контексте нашего исследования – реальное восприятие испанцами иммиграции и иммигрантов) и ее медийной репрезентацией (создание негативного образа иммигранта, четкой установки «иммигрант-преступник»).

Материалом для практического исследования послужили публикации на официальной странице газеты El País за 2019 г. (307 статей) по темам: иммиграция, иммигранты в испанском обществе, нелегальная миграция, иммиграционная политика Испании, преследования с участием мигрантов.

Газета El País – самая читаемая ежедневная общественно-политическая газета в Испании⁶. Данное издание приобрело статус либеральной, серьезной газеты. Круг тем, освещаемых журналистами El País, очень широк, особое внимание уделяется международным событиям, а также наиболее актуальным вопросам современной действительности. При работе с языковым материалом автор обращался к книгам стиля, руководствам для журналистов, работающих с темой иммиграции (Libro de Estilo)⁷, рекомендациям Фонда Fundéu⁸, а также толковым словарям испанского языка⁹.

Результаты исследования

Одной из проблем, изучаемых при описании дискурсов, является тема коммуникативных стратегий и тактик, которые обеспечивают текст определенной интенциональностью при помощи языковых средств.

⁶ Statista (<https://es.statista.com/estadisticas/476795/periodicos—diarios—mas—leidos—en—espana/>).

⁷ El País. Libro de estilo (2014) (https://coleccion.es.pais.com/index.php?controller=attachment&id_attachment=2).

⁸ Основная задача организации – поддержание единства испанского языка, а также борьба за правильный, чистый язык в медиaprостранстве. Члены Fundéu, лингвисты, историки языка, журналисты, переводчики, изучают функционирование испанского языка в медийных текстах, а основные выводы приводят в качестве ежедневных рекомендаций по правильному использованию родного языка (www.fundeu.es).

⁹ Bosque I. (ed.) (2004) Diccionario combinatorio del español contemporáneo (REDES). Madrid: Ediciones SM. Diccionario de la Real Academia Española (DRAE) (<https://www.rae.es>). Diccionario de neologismos del español actual (<https://www.um.es/neologismos/>). Diccionario de sinónimos online (<https://www.sinonimosonline.com>). Diccionario María Moliner (<http://www.buscador.com/diccionario—maria—moliner/>).

Многие исследователи при классификации коммуникативных оценочных стратегий медиадискурса выделяют три вида стратегий: 1) стратегия конфронтации (установка против иммигранта, которая достигается приемами речевого манипулирования и речевой агрессии); 2) стратегия кооперации и 3) стратегия позиционирования (избегание прямого столкновения) [Шкуратова 2013, 205].

Эмпирический анализ материала газеты *El País* позволил выделить две основные коммуникативные стратегии создания образа иммигранта в медийном дискурсе Испании: создание отрицательного образа иммигранта и стратегия солидаризации с адресатом.

Стратегия создания негативного образа иммигранта призвана представить иммиграцию как серьезную проблему для принимающего общества. Данная стратегия реализуется, как правило, через языковые средства (синтаксические, лексико-семантические, словообразовательные, морфологические). Такими приемами служат: использование метафор, сравнений, аналогия и др. – яркие приемы манипуляции, так как они несут в себе имплицитную информацию (как правило экспрессивную и оценочную), смысловую неопределенность, которые могут способствовать клишированию и искажению образа действительности, созданию установок на восприятие информации и шаблонов ее осмысления. Метафора в коммуникации выступает как средство познания действительности, инструмент организации опыта человека, формирования его знаний о действительности [Лакофф 2008].

В медийном дискурсе за исследуемый период отметим довольно активное употребление метафор семантического поля «природные явления», особенно метафор водной тематики. Использование этого приема отмечено исследователями из разных стран [Комалова 2019, Собянина 2018, Santa 2002]. Такое обильное количество подобной метафорической модели обусловлено необходимостью создать образ внезапного и стремительного роста численности иммигрантов: *ola de inmigrantes* («волна иммигрантов») можно назвать прототипической. Использование метафор из сферы водных стихий (*marea* («морской прилив»), *riada* («подъем воды»), *flujos migratorios* («миграционный потоки»), *torrente* («горный поток»), *corriente* («течение»), *crescente* («растущий прилив») создает образ неизбежности, текучести и невозможности человека повлиять на эти события. Подобные стилистические приемы придают естественность феномену иммиграции, а само явление воспринимается как социальная катастрофа, что способствует восприятию миграционных процессов как крайне опасных [Комалова 2019, 56].

Метафоры и лексика семантического поля «война» и «преступление» встречаются в публикациях на тему незаконного пересечения границы, в сводках о преступлениях с участием иммигрантов, а также при описании случаев несоблюдения иммиграционной политики (более 65% от всего анализируемого материала): *amenaza* («угроза»), *bomba de relojería* («бомба замедленного действия»), *invasores* («захватчики»), *ilegales* («нелегалы»), *clandestinos* («подпольные сходки»), *asaltantes* («грабители»), *traficantes* («контрабандисты»), *bandas de delincuentes* («преступные группировки»), *criminales* («преступники»), *agresión* («агрессия»), *ataque hostil* («враждебный акт»), *violencia* («насилие») и под.

Метафоры семантического поля «природные явления» и «война» несколько по-разному представляют угрозу иммиграции, причем последние носят более агрессивный характер, так как угроза происходит не от природы, а от внешнего врага, образ которого сформирован на материалах о террористических атаках радикальных исламистов в США [Rodrigo Alsina 2001, 43]. Таким образом, создается конкретный образ неприятеля, солдата, миссия которого атаковать и завоевать, что предполагает борьбу с ним [Crespo Fernández 2008, 54].

Являясь протагонистами сводок происшествий, иммигранты автоматически получают статус «нелегала». В связи с этим заслуживает рассмотрения употребление в медиаречи прилагательного *ilegal/irregular* («незаконный»). Согласно рекомендациям из пособий для журналистов, стоит избегать употребления прилагательного *ilegal (irregular)* в сочетании с существительным, однако неправильные формы сочетания *ilegal / irregular + сущ.*

имеют место на страницах газеты: De inmigrante ilegal a turista europea, la ida y vuelta de Sumnia al Estrecho («От нелегального иммигранта до европейского туриста, путь Сумнии в Гибралтар»)¹⁰ или El PP asegura que los ilegales tendrán derecho a la atención sanitaria de urgencia («Представители Народной партии заверяют, что нелегалы смогут воспользоваться услугами неотложной медицинской помощи»)¹¹.

Нередко находим некорректное употребление лексем migrante, inmigrante, emigrante, что способствует созданию негативного образа. М.С. Матыцина в исследовании понятий «иммигрант» и «эмигрант» на материале британских газет, отмечает, что использование этих лексических единиц подчиняется в том или ином значении степени интенсивности и негативной оценки фрагмента действительности [Матыцина 2018, 107]. Например, в заголовке España rechaza nuevos repartos de inmigrantes tras el «Open Arms» («Отказ Испании принять новых иммигрантов с судна “Open Arms”»)¹² читаем «иммигранты», однако очевидно, что речь идет о мигрантах. В тексте самой статьи уже используется лексема «мигрант»: migrantes rescatados en el Mediterráneo («мигранты, спасенные в Средиземном море»). Данный пример свидетельствует действительно о приеме привлечения внимания за счет использования слова «иммигрант».

Стратегия создания негативного образа иммигранта легко достигается цитированием представителей праворадикальной партии Vox, которая поддерживает антиисламизм, а также выступает против иммиграции мусульман в Испанию, например: Esto es una zona de mayores, estos jóvenes te roban, se llena el barrio de okupas, atrae la delincuencia (Это — территория для пожилых, а эти молодые люди нас обворовывают, район полон самовольно поселившихся, все это — лакомый кусочек для преступности)¹³. Несмотря на то, что книги стиля и редакционные документы призывают никак не унижать честь и достоинство иммигрантов, подобные высказывания имеют место на страницах газеты El País.

Вторая коммуникативная стратегия создания образа иммигранта заключается в солидаризации с читателем, в создании единого «психологического созвучия», впечатления общности взглядов автора и читателя на феномен иммиграции. Как правило, образ иммигранта освещается в испанской прессе с позиции проблемы, которую он представляет для принимающей культуры, а также с позиции его собственных проблем и трудностей [Santamaría 2002, 126], отсылка к которым, естественно, вызывает самое искреннее сочувствие его беде. Авторы используют очень яркие и запоминающиеся эпитеты, сравнения и обороты: jornadas angustiosas («мучительный труд»), situación terrorífica («ужасающая ситуация»), esclavos («рабы»), Calvario («Голгофа»), el gueto [inmigración] («гетто [иммиграция]»), drama de la inmigración («драма иммиграции»), agonía («агония»), pesadilla kafkiana para obtener un visado («пережить кафкианский кошмар, чтобы получить визу»), situación límite («крайняя точка»), condiciones inhumanas («нечеловеческие условия»), pésimas condiciones de salubridad («худшие условия медицинского обслуживания»), condiciones de servidumbre o esclavitud («рабские условия»).

Еще одним приемом данной стратегии служит наличие информации в медийных текстах о помощи коренного населения иммигрантам, а также о сотрудничестве с организациями, занимающимися вопросами иммиграции, например, Ellos sí, los metieron en sus casas. Medio centenar de familias gaditanas se organizan para acoger a los extutelados migrantes que se quedan en la calle al cumplir los dieciocho («Они действительно их приюти-

¹⁰ De inmigrante ilegal a turista europea, la ida y vuelta de Sumnia al Estrecho (2019) // El País (https://elpais.com/politica/2019/08/06/actualidad/1565074426_846456.html).

¹¹ En situación ilegal, mejor que ilegal. Fundéu (<https://www.fundeu.es/recomendacion/ilegalirregular/>).

¹² Sánchez A. (2019) España rechaza nuevos repartos de inmigrantes tras el ‘Open Arms’ // El País (https://elpais.com/internacional/2019/08/23/actualidad/156655511_411058.html).

¹³ Arroyo J. M. (2019) Vecinos de Sevilla y ONG neutralizan el discurso racista de Vox // El País (https://elpais.com/politica/2019/07/03/actualidad/1562169793_352069.html).

ли. Полсотни кадисских семей объединились, чтобы дать кров выпускникам-мигрантам, недавно ставшим совершеннолетним и оставшимся на улице»¹⁴ и др. Стоит отметить, что количество публикаций на тему трудностей, с которыми сталкиваются иммигранты в Испании, а также о тесном сотрудничестве испанцев и иммигрантов составляет менее 10% от всего исследуемого материала.

Приемы стратегии солидаризации с читателем подчиняются закону «идеологического квадрата», когда в транслируемой информации ставится задача нарастить позитивное представление о «нас», усилить негативную информацию о «них», сократить положительную информацию о «них» и смягчить негативную информацию о «нас» [Dijk van T. 2006, 110-134]. Другим примером позитивного представления «нас», а также смягчения информации о «нас» служат цитаты политиков, которые позитивно оценивают феномен иммиграции как для экономики страны, так и для состояния общества: [La Comunidad Valenciana] Es una tierra hospitalaria («Валенсия — гостеприимная земля»), inmigración — un hecho profundamente enriquecedor para ambas orillas («иммиграция — абсолютно обогащающий феномен для обеих стран»), Barcelona vive un momento excepcional, de mucho dinamismo demográfico («Барселона проживает исключительный момент большой демографической подвижности») и др. Однако в сравнении с приемами создания негативного образа иммигрантов, количество публикаций, в которых цитируют членов правительства, их позитивный взгляд на процесс иммиграции в Испанию, очень невелико (7% от всего материала).

Выводы

В современном обществе существуют разные источники, которые освещают наиболее актуальные общественные проблемы. Лидером среди них, несомненно, можно назвать СМИ, которые определяют познавательный и эмоциональный кругозор читателей, в результате чего происходит становление общественного мнения на конкретную проблему, актуальную для современного общества. Не исключение и феномен миграции. Анализ публикаций за 2019 г. в качественной ежедневной газете El País позволяет сделать выводы относительно того, как газета формирует образ иммигранта у современного испанского читателя, и насколько данный образ соответствует актуальному восприятию испанцами темы иммиграции в Испанию из стран Африки и Ближнего Востока. Последние данные опроса, проведенного Центром социологических исследований (25 марта 2020 г.), показывают, что вопросы, связанные с иммигрантами и иммиграционной политикой страны, являются краеугольными лишь для 8,2% населения Испании¹⁵ [EpData]. В большинстве своем в современном испанском обществе превалирует положительное отношение к иммигрантам и беженцам. Подобная ситуация представляется аномальной в контексте общей европейской политики, что обусловлено сильной исторической памятью испанцев, особенностями развития страны в последние десятилетия, необходимостью выстраивать иммиграционную политику в диалоге со странами-«экспортерами» иммигрантов, а также пониманием необходимости работы не только с иммигрантами, но и с коренным населением для успешной интеграции первых.

Анализ материала показал, что в публикациях на тему иммиграции в Испании преобладают (90% от всего материала) статьи негативного содержания, в которых иммигрант предстает в качестве врага, а его присутствие на территории страны связывают с серьезными проблемами для страны.

¹⁴ Cañas A. J. (2019) De inmigrante ilegal a turista europea, la ida y vuelta de Sumnia al Estrecho // El País (https://elpais.com/politica/2019/08/06/actualidad/1565074426_846456.html).

¹⁵ EpData (<https://www.epdata.es/datos/principales-problemas-espanoles-cis/45>).

Такой образ иммигранта достигается за счет определенных стилистических и лексических приемов, подмены понятий, например, мигрант-иммигрант-беженец. Несмотря на рекомендации для журналистов, работающих с темой миграции/иммиграции, в редакционных справочниках и материалах Fundéu, журналисты очень часто прибегают к использованию ярких стилистических приемов (эпитетов, сравнений, метафор) при описании событий с участием иммигрантов. Между тем цитирование высказываний ксенофобного характера некоторых представителей власти в качественной газете El País прямо противоречит журналистской этике. Таким образом, атипичное отношение испанцев к вопросам иммиграции в страну постоянно подвергается попытке уничтожения в медийном пространстве Испании. В нем искусственно созданный образ иммигранта посредством проанализированных коммуникативных стратегий ставит своей целью изменить коллективное мнение, восприятие феномена иммиграции за счет создания образа врага. Стратегия создания негативного образа иммигранта дополняется стратегией солидаризации, цель которой заключается в том, чтобы не сформировать положительное отношение к иммигрантам, а «улучшить» свой образ за счет образа «плохих».

Вместо того, чтобы информировать население и искать компромиссы и вести совместный поиск решений, СМИ, в том числе и газета El País, постоянно подогревают общественное мнение горячими сюжетами, одной из ключевых тем которых является иммиграционный вопрос. Скорее всего это обусловлено стремлением привлечь читателя броскими заголовками и зачастую непроверенными фактами. Последствия такого отношения СМИ к краугольным вопросам современного общества придется еще анализировать и изучать в ближайшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Д. (2017) Феномен африканской миграции в Испанию: структура, динамика и тенденции // Историческая и социально-образовательная мысль. Том. 9. № 6. Часть 2. С.59–69.
- Грушина М., Грунина Ю. (2018) Эволюция миграционной политики Испании в период кризиса // Манускрипт. № 5 (91). С. 11–14.
- Добросклонская Т. (2015) Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. № 1 (6). С. 45–56.
- Добросклонская Т. (2008) Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 263 с.
- Иссерс О. (2008) Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 284 с.
- Казаков А. (2013) Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. № 3 (45). С. 87–90.
- Кожановский А. (2019) «Европейский миграционный кризис» и Испания // Сибирские исторические исследования. № 3. С. 6–25.
- Комалова Л. (2019) Институциональный дискурс, сопровождающий миграционные процессы (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия б: Языкознание. Реферативный журнал. №4. С. 51–60.
- Косевич Е. (2019) Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью // Вестник Института социологии. № 10 (4). С. 92–110.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2008) Метафоры, которыми мы живём = Metaphors We Live By (1980). М.: ЛКИ. 252 с.
- Матыцина М. (2018) Иммигрант vs эмигрант – обзор британских газет с позиций критического дискурс-анализа // Язык и культура. №42. С. 100–117.
- Менджеричкая Е. (2006) Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. №2. С. 50–55.
- Приходько А. (2016) Оценочность как социокультурный признак журналистского текста // Медиалингвистика. № 1 (11). С. 73–81.

- Собянина В., Хохлова И. (2018) Исследование метафор предметной сферы «иммиграция» в медийном дискурсе Германии с применением программы MAXQDA // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 52. С. 112–129.
- Соколова В. (2017) Проблемы адаптации мигрантов в Испании в исследованиях зарубежных социологов // Социологическая наука и социальная практика. № 5 (2). С. 118–135.
- Хенкин С. (2013) Мусульмане-иммигранты в Испании: проблемы межкультурных коммуникаций // Политическая наука. № 2: Религия и политика. С. 193–215.
- Шкуратова Е. (2013) Коммуникативные стратегии и тактики передачи сообщений о военном конфликте // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (2). С. 204–209.
- Шмелева Н. (2019) Иммиграционная политика Испании в начале XXI века // Мир современной науки. № 4 (56). С. 39–42.
- Abella Vázquez C. M. (2002) La Construcción de la Inmigración Como Problema en la Prensa Escrita // *Sociedad y Utopía* (Revista de Ciencias Sociales). № 19. P. 61–82 (<http://www.sociedaduytopia.es/images/revistas/19/19.pdf>).
- Aznar H. (2005) *Ética de la Comunicación y Nuevos Retos Sociales. Códigos y Recomendaciones para los Medios*. Barcelona: Paidós.
- Chakour T., Portillo, J. F. (2018) La Interpretación Inferencial y los Espacios Mentales en el Discurso Mediático sobre Inmigración en España // *Revista de humanidades*. Vol. 33.P. 63–86. (<http://dx.doi.org/10.7440/res47.2013.09>).
- Crespo Fernández E. (2008) El Léxico de la Inmigración: Atenuación y Ofensa Verbal en la Prensa Alicantina. In: Martínez Lirola, M. (ed.) *Inmigración, Discurso y Medios de Comunicación*. Instituto Alicantino de Cultura Juan Gil-Albert. P. 46–64.
- Dijk van T. (2006) Discourse and Manipulation // *Discourse & Society*. №. 17 (3). P. 359–383.
- González Falcón I., Romero Muñoz A. (2011) Prejuicios y Estereotipos Hacia las Familias Inmigrantes en la Comunidad Educativa. Repercusiones en la Relación Familia-Escuela. In: García Castaño F.J. (ed.) (2011) *Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía*. Granada: Instituto de Migraciones. P. 1565–1574.
- Grijelmo A. (2000) *La Seducción de las Palabras*. Barcelona: Espasa Libros.
- Méndez Lago M. (2006) Actitudes ante la Inmigración. Una Mirada desde las Encuestas. In: Aja E., Arango J. (eds.) *La inmigración en España en 2006. Anuario de inmigración y de políticas de inmigración en España* (edición 2007). Barcelona: CIDOB. P. 68–81.
- Rinken S. (2015) Actitudes Hacia la Inmigración y los Inmigrantes: ¿en qué es España Excepcional? // *Migraciones*. № 37. P. 53–74. (<https://doi.org/10.14422/mig.i37.y2015.003>).
- Rodrigo Alsina M. (2001) *Teorías de la Comunicación: Ámbitos, Métodos y Perspectivas*. Valencia: Bellaterra Aldea Global.
- Santa A. (2002) *Immigration as Dangerous Waters: the Power of Metaphor*. Brown Tide rRising: Metaphors of Latinos in Contemporary Public Discourse. LA: University of Texas Press.
- Santamaría E. (2002) *La Incógnita del Extraño. Una Aproximación a la Significación Sociológica de la "Inmigración Comunitaria"*. Barcelona: Anthropos.

REFERENCES

- Abella Vázquez C. M. (2002) La Construcción de la Inmigración Como Problema en la Prensa Escrita. *Sociedad y Utopía* (Revista de Ciencias Sociales). no. 19. pp. 61–82 (<http://www.sociedaduytopia.es/images/revistas/19/19.pdf>).
- Alekseev D. (2017) Fenomen afrikanskoj migracii v Ispaniyu: struktura, dinamika i tendencii [Phenomenon of African Migration to Spain: Structure, Dynamics and Trends]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 9, no.6, part. 2, pp. 59–69.
- Aznar H. (2005) *Ética de la Comunicación y Nuevos Retos Sociales. Códigos y Recomendaciones para los Medios*. Barcelona: Paidós.
- Chakour T., Portillo, J. F. (2018) La Interpretación Inferencial y los Espacios Mentales en el Discurso Mediático sobre Inmigración en España. *Revista de humanidades*. vol. 33. pp. 63–86. (<http://dx.doi.org/10.7440/res47.2013.09>).
- Crespo Fernández E. (2008) El Léxico de la Inmigración: Atenuación y Ofensa Verbal en la Prensa Alicantina. In: Martínez Lirola, M. (ed.) *Inmigración, Discurso y Medios de Comunicación*. Instituto Alicantino de Cultura Juan Gil-Albert. pp. 46–64.

- Dijk van T. (2006) Discourse and Manipulation. *Discourse & Society*. no. 17 (3). P. 359–383.
- Dobrosklonskaya T. (2015) Massmediyni diskurs v sisteme medialingvistiki [Media Discourse Within the Framework of Media Linguistics]. *Medialingvistika*, no. 1 (6), pp. 45–56.
- Dobrosklonskaya T. (2008) *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI* [Medialinguistics: a Systematic Approach to Learning the Language of the Media]. Moscow: Flinta-Nauka.
- González Falcón I., Romero Muñoz A. (2011) Prejuicios y Estereotipos Hacia las Familias Inmigrantes en la Comunidad Educativa. Repercusiones en la Relación Familia-Escuela. In: García Castaño F.J. (ed.) (2011) *Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía*. Granada: Instituto de Migraciones. pp. 1565–1574.
- Grijelmo A. (2000) La Seducción de las Palabras. Barcelona: Espasa Libros.
- Grushina M., Grunina Yu. (2018) Evolyuciya migracionnoj politiki Ispanii v period krizisa [Spain Migration Policy Evolution in the Period of Crisis]. *Manuscript*, no. 5 (91), pp. 11–14.
- Issers O. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow: LKI.
- Kazakov, A. (2013) Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v politicheskom mediadiskurse: popytka sistematizatsii [Methods of Language Manipulation in Political Media Discourse: Attempt of Systematization]. *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (45), pp. 87–90.
- Khenkin S. (2013) Muslim' mane-immigranty v Ispanii: problemy mezhkul'turnyh kommunikacij [Muslim Immigrants in Spain: Challenges of Intercultural Communication]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 193–215.
- Komalova L. (2019) Institucional'nyi diskurs, soprovozhdayushchii migratsionnye protsessy (obzor) [Institutional Discourse Within Migration Processes (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal*, no. 4, pp. 51–60.
- Kosevich E. (2019) Ispanskije SMI o latinoamerikanskikh migrantakh: mezhdud strakhom i zhalost'yu [Spanish Mass-Media on Latin American Migrants: Between Fear and Pity]. *Vestnik Instituta sociologii*, no. 10 (4), pp. 92–110.
- Kozhanovskiy A. (2019) “Evropeiskii migratsionnyi krizis” i Ispaniya [Spain and the “European Migration Crisis”]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 6–25.
- Lakoff G., Johnson M. (2008) *Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By* (1980). Moscow: LKI.
- Matytcina M. (2018) Immigrant vs emigrant – obzor britanskikh gazet s pozitsii kriticheskogo diskursa – analiza [Immigrant vs Emigrant – a Review of British Newspapers from the Position of Critical Discourse Analysis]. *Jazyk i kul'tura*, no. 42, pp. 100–117.
- Méndez Lago M. (2006) Actitudes ante la Inmigración. Una Mirada desde las Encuestas. In: Aja E., Arango J. (eds.) *La inmigración en España en 2006. Anuario de inmigración y de políticas de inmigración en España (edición 2007)*. Barcelona: CIDOB. pp. 68–81.
- Mendzheritskaya E. (2006) Termin “diskurs” i tipologiya mediadiskursa [The Term “Discourse” and the Typology of Media Discourse]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, no. 2, pp. 50–55.
- Prihodko A. (2016) Otsenochnost' kak sotsiokul'turnyi priznak zhurnalistskogo teksta [Evaluation as a Socio-Cultural Sign of Journalistic Text]. *Medialingvistika*, no. 1 (11), pp. 73–81.
- Rinken S. (2015) ctitudes Hacia la Inmigración y los Inmigrantes: ¿en qué es España Excepcional? *Migraciones*. no. 37, pp. 53–74. (<https://doi.org/10.14422/mig.i37.y2015.003>).
- Rodrigo Alsina M. (2001) *Teorías de la Comunicación: Ámbitos, Métodos y Perspectivas*. Valencia: Bellaterra Aldea Global.
- Santa A. (2002) *Immigration as Dangerous Waters: the Power of Metaphor. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary Public Discourse*. LA: University of Texas Press.
- Santamaría E. (2002) *La Incógnita del Extraño. Una Aproximación a la Significación Sociológica de la “Inmigración Comunitaria”*. Barcelona: Anthropos.
- Shkuratova E. (2013) Kommunikativnye strategii i taktiki peredachi soobshchenii o voennom konflikte [Communicative Startegies and Tactics in Statements Describing Military Conflict Situations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. (2-2), pp. 204–209.
- Shmeleva N. (2019) Immigracionnaya politika Ispanii v nachale XXI veka [Spain Immigration Policy at the Beginning of the XXI Century]. *Mir sovremennoy nauki*, no. 4 (56), pp. 39–42.
- Sobyanina V., Khokhlova I. (2018) Issledovanie metafor predmetnoi sfery «immigratsiya» v mediinom diskurse Germanii s primeneniem programmy MAXQDA [Analysis of Immigration Discourse Metaphors

in German Mass Media Using the MAXQDA Software]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 52, pp. 112–129.

Sokolova V. (2017) Problemy adaptatsii migrantov v Ispanii v issledovaniyakh zarubezhnykh sotsiologov [Migrants' Adaptation Problems in Spain Described in Surveys by Foreign Sociologists]. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, no. 5 (2), pp. 118–135.

Об авторе

Симонова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы ул., д. 1, Москва, 119991. E-mail: manuna213@yandex.ru

About the author

Mariya Vl. Simonova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer at the Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 1, Leninskie Gory str., Moscow, 119991. E-mail: manuna213@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 17.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990016056-3

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ PARTY AND POLITICAL SYSTEMS

Оригинальная статья / Original Article

Левые в Перу: долгий путь наверх¹

© Т.А. ВОРОТНИКОВА

Воротникова Татьяна Александровна, Институт Латинской Америки Российской академии наук (Москва, Россия), vorotnikovat@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено историческое развитие левого движения в Перу – одной из немногих стран Латинской Америки, где данным силам не удавалось добиться устойчивых политических позиций во власти. Актуальность и значимость исследования обусловлены необходимостью осмыслить причины упомянутого феномена и новых тенденций на фоне процессов, которые разворачиваются в андском государстве сегодня. В 2021 г. на президентских выборах победил кандидат от социально ориентированной партии Педро Кастильо. В работе показано, что в отсутствие сильной традиции и идеологического единства перуанских левых сил претворение в жизнь их политического проекта будет происходить в крайне непростых условиях.

Ключевые слова: Перу, левое движение, левая идеология, Коминтерн, политические процессы, Латинская Америка

Цитирование: Воротникова Т.А. (2021) Левые в Перу: долгий путь наверх // Общественные науки и современность. № 4. С. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990016056-3

The Left in Peru: A Long Way to the Top

© T. VOROTNIKOVA

Tatiana A. Vorotnikova, Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences (ILA RAN) (Moscow, Russia), vorotnikovat@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical evolution of the left movement in Peru. Due to specific conditions, the Peruvian left could not manage to achieve stable political positions in the government for a long time. The causes of this phenomena and new trends in the political process in

¹ Источник финансирования: Российский научный фонд (РНФ), проект №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Acknowledgments. The article was funded by the Russian Science Foundation, project number №19-18-00305 “Comintern in Latin America: Historical Traditions and Political Processes”

the Andean nation-state stipulate the relevance of this study. In 2021, the left party candidate Pedro Castillo has won the presidential elections. This research proves that in the context of weakness of political tradition and the collapse of ideological solidarity, the implementation of the left-wing project will face extreme difficulties.

Keywords: Peru, left movement, left ideology, the Comintern, political process, Latin America

Citation: Vorotnikova T. (2021) The Left in Peru: A Long Way to the Top. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.4, pp. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990016056-3 (In Russ.)

Рассуждая о левом движении в Перу, уместно вспомнить старую шутку: если оставить четверых левых в комнате на достаточно долгое время, то выйдя из нее, они будут принадлежать к пяти разным партиям. Размежевание и разрозненность характеризовали перуанских левых на протяжении всей их истории. Фактически, Перу была одной из немногих стран Латинской Америки, где левые десятилетиями не могли добиться устойчивых политических позиций во власти, даже в наиболее успешный для континентальных движений период «левого поворота» в начале XXI века [Окунева 2009; «Левый поворот»... 2007]. Кроме того, перуанским левым пришлось столкнуться с жесткой и устойчивой оппозицией со стороны господствующих политических элит и с непониманием в широких слоях общества. Долгое время идеи перераспределения, расширения социальных гарантий или усиления роли государства представители властной элиты демонизировали как выражение радикальной, несостоятельной и, прежде всего, насильственной идеологии.

Истоки движения перуанских левых лежат в двадцатых годах XX века. Исторические процессы того времени² сделали возможным появление двух национальных вариантов революционного движения, которые боролись за первенство в идеологии и политическом представительстве народных масс. Речь идет о неортодоксальном марксизме Х. К. Мариатеги (1894–1930) и априсме В. Р. Айя де ла Торре (1895–1979).

Их противостояние не было чисто формальным и затрагивало широкий круг аспектов – теоретических, идеологических, политических и организационных. Разногласия касались оценки империализма и его влияния на Перу, характера революционной партии, ее социальной базы, функций и специфики, способов формирования руководящего ядра и отношений с низовыми организациями и массами. Большая часть из них лежала в плоскости борьбы за умы и политический выбор перуанского рабочего класса.

Мариатеги считал, что для революционной политики недостаточно одного только слова. В основе ее должны лежать новое сознание и новые формы организации, из-за чего одним из главных аспектов в политической деятельности должна стать культура и становление человека нового типа [Арогео... 2011]. Ключевыми этапами в деятельности Мариатеги стали организация Первой конференции трудящихся Перу, публикация знаменитого труда «Семь очерков истолкования перуанской действительности» и создание коммунистической партии (первоначально социалистической, основана в 1928 г.). Все они должны были служить основой для подготовки революции. В проекте программы партии он писал: «Практика марксистского социализма в настоящее время – это прак-

² Следует обозначить некоторые важные события. Во-первых, забастовки и протесты трудящихся, которые выделили рабочий класс как важный элемент социального ландшафта; во-вторых, давление городских слоев; в-третьих, историческое завоевание 8-часового рабочего дня в 1919 г., которое показало организационную зрелость и потенциал рабочего движения. В конце того же года оно потерпело сокрушительное поражение в борьбе за удешевление продовольствия, в результате чего влияние анархистов достигло своих пределов и пошло на спад. Тем не менее, закаленное классовое сознание останется тем политическим капиталом, который спустя годы проявится на более высоких уровнях политической борьбы.

тика марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм является революционным методом в эпоху империализма и монополий. Социалистическая партия принимает его в качестве своего метода борьбы» [Мариатеги 1963]. Мариатеги полагал, что принципы марксизма универсальны, но в разных странах они проявляют свои специфические черты. Он считал необходимым понять народное измерение партии, которое опирается на глубинное, истинное Перу с его сугубо перуанскими чертами общества с колониальными пережитками. Из чего следовала необходимость поиска собственных форм политического и революционного действия [Aricó 2015].

Для распространения идей коммунизма в Перу требовалось наладить отношения с Южноамериканским секретариатом Коминтерна. На Первой конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе (1929 г.) вопрос о создании партии в андской стране вызвал неоднозначную реакцию. Мариатеги предпочел оставить в названии «социалистическая», сохранив таким образом общую коммунистическую направленность. Однако руководство Коминтерна не разделяло такую точку зрения, требуя отмежеваться от социалистов и принять общую линию. Взгляды Мариатеги были оценены как ошибочные и даже вредные [Российская революция... 2018].

Ранняя смерть Мариатеги не позволила ему выстроить ту линию политической борьбы, которую он себе представлял, а его последователи в значительной степени изменили ее порядок. В 1930 г. на заседании Центрального комитета Социалистической партии генеральным секретарем был назначен Эудосио Равинес. Было принято решение о присоединении ее к Коминтерну. По возвращении из Монтевидео, где он контактировал с Южноамериканским бюро, Равинес принял тактику «класс против класса», которая заключалась в отказе от каких-либо соглашений с социал-демократией и в усилении борьбы за обособление рабочих масс. В качестве непосредственной цели была поставлена борьба за советскую власть [Guadalupe Mendizábal 1988].

Призывая коммунистов поддерживать национальные революционные движения, Коминтерн стремился создавать пролетарские партии, полагая, что только в таком случае можно будет обеспечить «чистоту» руководящего ядра, что, в свою очередь, было необходимым условием для победы. Как справедливо отмечали перуанские делегаты на конференции 1929 г., в обществах с колониальным прошлым пролетариат как класс только зарождался, поэтому формирование коммунистических партий по европейскому типу в таких странах было невозможно и могло привести к негативным результатам. В Латинской Америке «рабочие» партии состояли в основном из студентов и интеллигенции, а руководящие посты почти всегда занимали интеллектуалы. III Интернационал же считал такое интеллектуальное преобладание главной слабостью коммунистических партий, и его самая большая забота заключалась в их «пролетаризации» [Aricó 2015].

Постулаты, которые выдвинул Мариатеги, были отброшены. Непоследовательность и внутренняя противоречивость политики Коминтерна в отношении перуанских коммунистов стала препятствием на пути их развития. Партия долгое время существовала нелегально и не сумела сохранить свое единство. Идеи Мариатеги колоссально повлияли на развитие левого движения Перу, однако «их самоценность была востребована только в конце XX–начале XXI в. в период общего кризиса левого движения и марксизма в Латинской Америке» [Щелчков 2020].

Если коммунисты считали необходимым сформировать классовую политическую партию, которая выражала бы интересы пролетариата, то апристы призывали к классовому объединению и стремились создать общенациональную партию. В 1924 г. В.Р. Аяя де ла Торре вступил в Коммунистическую партию Мексики и совершил поездку в Европу и Москву, где заручился поддержкой руководства Коминтерна [Jeifets L., Jeifets V. 2011].

Американский народно-революционный альянс (АПРА) задумывали как политическую организацию континентального масштаба, перед которой стояла цель освободить стра-

ны Латинской Америки от империалистической зависимости. Формально отделения АПРА были открыты также в Мексике, Коста-Рике, на Кубе и ряде других стран, однако в чистом виде апризм существовал лишь в Перу. В программу партии вошли положения о национализации промышленности, аграрных преобразованиях, формировании рабоче-крестьянского правительства с опорой на советы и коммуны, ликвидации неграмотности, поддержке культуры и индейских традиций [Хейфец Л., Хейфец В. 2019].

Айя дела Торре не видел принципиальной разницы в том, чтобы быть революционером, коммунистом или марксистом, поскольку подобная идентификация не была для него решающим фактором в условиях фактической революции. Считая стремление к коммунизму программой максимум и минимум, Айя дела Торре одновременно подчеркивал автономность латиноамериканского движения, не признавая влияния со стороны. Данная точка зрения отчетливо проявилось в его переписке с А. Штирнером [Хейфец Л., Хейфец В. 2016], швейцарским коммунистом и активным деятелем Коминтерна на латиноамериканском направлении: «Каждый день я убеждаюсь, что революция американских трудящихся должна быть «их собственным делом» без вмешательства или руководства Европы... Здесь не только игнорируют наши проблемы, но и не принимают их в расчет» [Andrés García 2010]. Критика Коминтерна стала препятствием для взаимопонимания между Айя де ла Торре и коммунистами, которые обвинили апристов в национал-реформизме и буржуазности, что в конечном счете привело к конфронтации и идеологической вражде между компартией и АПРА [Хейфец Л., Хейфец В. 2019].

В отличие от мариатегизма, апризм смог обеспечить преемственность и прочность своей традиции, которая закрепилась в символике и мифологии времен подполья. Перуанскую Апристскую партию (Partido Peruano Aprista) (основана в 1930 г.) неоднократно объявляли вне закона. Она была вынуждена пересматривать и менять свои теоретические и идеологические принципы вплоть до отказа от социализма и нетерпимости к коммунизму. Превратившись почти в светскую религию, апризм обеспечил социальную и политическую идентичность народным классам [Арогео... 2011]. Кроме того, ему удалось создать и закрепить мощную организационную структуру. Тем не менее, АПРА упустила возможность стать массовой и национальной партией, к чему она стремилась со своего основания. Новые городские слои, которые партия оставила без политического представительства, спустя годы стали базой левых сил.

Вторая половина 1950-х гг. была отмечена мобилизацией перуанского села – крестьянскими восстаниями в защиту своих земель. Кровопролитные конфликты с американскими горнодобывающими компаниями олицетворяли борьбу с империализмом янки и превратились в конфронтационную базу для формирования протестного потенциала в деревне. Наибольшим влиянием обладали левые апристы, которые выступали за аграрные преобразования и раздачу крестьянам исконных земель. Они сыграли значительную роль в политическом объединении села, появлении синдикатов и региональных объединений.

Повстанческий идеализм 1960-х гг., вдохновленный Кубинской революцией, в Перу пришелся на годы герильи 1963–1965 гг., когда появилась Армия национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional – ELN), а восставшая АПРА (APRA Rebelde) реорганизовалась в Движение Революционной Лево́й (Movimiento de Izquierda Revolucionaria – MIR). Их главным методом стала политическая и вооруженная борьба, которая должна начаться в деревне и распространиться на бедные городские районы, а идеологией – марксизм-ленинизм. Первая попытка завоевать перуанскую сельву была предпринята в 1963 г., когда в Пуэрто-Мальдонадо, откуда ELN намеревалась бороться с перуанским государством, произошло вооруженное столкновение. Однако армия и политические репрессии быстро подавили восстание, партизанская война окончилась поражением [Canata 2020].

MIR также пыталось воспроизвести кубинский партизанский опыт. В 1964 г. лидер движения Л.Ф. де ла Пуэнте Уседа заявил о решении возглавить перуанскую революцию. В следующем году партизанские действия начались одновременно сразу в нескольких очагах: в Пьюре, Хунине, Аякучо и в Куско, где де ла Пуэнте Уседа основал свой штаб. Как и в случае с ELN, тактика создания постоянных баз, где партизаны проводили лекции и создавали склады, себя не оправдала. Правительству Ф. Белаунде Терри (1963–1968) хватило несколько месяцев, чтобы обнаружить и полностью ликвидировать подрывную деятельность [Arogeo... 2011].

Помимо государственных репрессий против партизан сыграли и внутренние факторы, которые объясняют их скорое поражение: желание навязать сверху революционное действие и отсутствие предварительной работы по формированию революционного сознания и организационной структуры, как советовал Мариатеги. Леворадикальные партизанские движения не нашли особой поддержки и понимания у индейского крестьянства. Городские теоретики не смогли воспринять и адекватно ответить на чаяния традиционных общин, не зная «ни психологии, ни обычаев, ни даже языка» [История Перу... 2000]. Одного оружия оказалось недостаточно, чтобы эффективно изменить перуанскую реальность 1960-х гг., которая, тем не менее, начала переживать глубокую трансформацию.

В результате продолжилась радикализация левого движения Перу. Организации, которые его составляли, осваивали различные способы взаимодействия и отношений с правительством – от непримиримой оппозиции и открытой конфронтации до электоральной поддержки и коллаборационизма. В то время перуанские левые представляли собой пеструю мозаику. Их междоусобные споры были в высшей степени братоубийственными, к тому же непонятными непосвященным. Некоторые из левых, как, например, старое руководство Компартии-Единство (РС-Unidad) (по названию партийной газеты), были просоветскими и оставались верными Москве. Значительное влияние приобрели маоисты: в 1964 г. была основана новая Компартия-«Красное знамя» (РС-Bandera Roja). В профсоюзной и университетской среде наиболее сильные позиции занимала маоистская «Красная родина» (Patria Roja) [Canama 2020]. Часть левых составляли троцкисты, кастристы, националистически настроенные левые, мариатегисты и индеанисты. Каждый обвинял других в том, что они недостаточно революционны, и называл себя авангардом социалистической революции. Каждый лидер имел свою собственную партию, что напоминало простому населению о каудилистских традициях местной олигархии.

В конце 1960-х гг. начался период власти военных правительств, который длился 12 лет (1968–1980). Парламент был распущен, действие конституции приостановлено, президент и правительство назначались военной хунтой [История Перу... 2000]. Одновременно политические партии, независимо от ориентации, продолжили легальную работу, деятельность массовых организаций также поощрялась. На авансцену политической игры вышли профсоюзы, которые получили большую автономию и мобилизационный потенциал. Партии и сельские организации оставались важными игроками в процессе вовлечения населения в политическую жизнь, но ключевая роль принадлежала синдикатам. За время правления В. Альварадо (1968–1975) их в стране стало почти в два раза больше. Пока у власти пребывал М. Бермудес (1975–1980), данный процесс замедлился, но тенденция сохранилась. С 1966 по 1976 гг. в Перу численность профсоюзов возросла почти на 120%. Класс трудящихся, объединенных в рабочее движение, определил относительный успех левых на выборах в конце 1970-х гг. Одновременно важную роль в политизации профсоюзов стали играть левые партии [Gil 2014].

Тот же профсоюзный фактор в 1980-е гг. повлиял на спад активности левых. Экономический кризис привел к размыванию социальной базы, закрытию предприятий, падению занятости и, следовательно, профсоюзной активности. В период

1980–1989 гг. заработная плата снизилась почти на 15%. В то же время кризис привел к уходу экономически активного населения в неформальный сектор: показатель возрос с 32,8% в 1981 г. до 47,6% в 1991 г. [Gil 2014]. Компании, которые все-таки выжили, предпочитали нанимать временных, а не постоянных работников из-за того, что последние были ассоциированы с профсоюзами, и, следовательно, были лучше защищены трудовым законодательством. Закономерно, в эту эпоху влияние синдикатов неуклонно снижалось. Резкий спад также был связан с массовым увольнением рабочих, что привело к разрушению большей части профсоюзного движения – главным образом в отраслях промышленности и государственной службы, где синдикалисты были наиболее сильны прежде.

Тем не менее, в первой половине 1980-х гг. в рядах левых наблюдался оптимизм. Главной надеждой стал фронт «Объединенная левая» (Izquierda Unida, IU), который участвовал в президентских, провинциальных и районных выборах и одерживал победы. Усилия левых были сосредоточены вокруг сплочения политического блока для президентских выборов 1980 г. За два года до голосования перуанские левые получили более 30% голосов на выборах представителей в Учредительное собрание, что стало историческим моментом для них [Gil 2014].

В начале 1980-х гг. левые силы начали добиваться определенных успехов среди народных секторов, которые выдвигали самые разные социальные требования. Предшественником IU можно назвать созданный в январе 1980 г. Левый революционный Союз (Alianza Revolucionaria de Izquierda), который состоял из Революционной партии рабочих (Partido Revolucionario de los Trabajadores) троцкистского происхождения, Народно-демократического союза (Unión Democrática Popular), «Красной Родины» и др. Он просуществовал всего лишь три месяца. Причина скорого провала заключалась в нерешенных идеологических противоречиях, которые по указанным выше основаниям не были и не могли быть преодолены внутри партий.

Несмотря на поражение на президентских выборах, за несколько недель до муниципальных выборов 1980 г. коалиционная инициатива возобновилась. Левые партии искали новую формулу единства, в результате чего в сентябре 1980 г. и родилась «Объединенная левая», самый широкий и успешный опыт перуанских левых XX века. IU была основана как союз шести партий. Некоторые из них сами были объединениями других партий и ряда независимых групп, которые регистрировались в качестве единого списка. Приоритет отдавался демократическим и антиимпериалистическим преобразованиям, а главной задачей стала не революционная борьба, а электоральная победа на избирательных участках. В 1980 г. коалиция получила 23,3% голосов, а в 1983 г. – 28,9%. Представители IU заняли посты в столичном муниципалитете и ряде крупных городов, а ее лидер А. Баррантес был избран мэром Лимы. Наиболее значимый успех пришел к IU в 1985 г., когда партия получила 48 мест в парламенте, 14 мест в сенате и стала второй политической силой в стране после Перуанской апристской партии [Латинская Америка... 1994].

Девять лет спустя состоялся Первый национальный съезд партии, в котором участвовали 3,5 тыс. делегатов [Латинская Америка... 1994]. Они выступили за глубокие общественные преобразования с социалистической перспективой, приняли программу, устав и политические тезисы, избрали Национальный руководящий комитет и поставили цель прийти к власти. Однако разногласия между входившими в IU силами и лидерами не позволили этому случиться. Руководство контролировало радикальное и догматическое крыло, которое все еще стремилось к изменениям через революцию. Новая перуанская демократия не принималась в расчет, доминировало стремление к смене режима с целью скорее приблизиться к социалистической революции.

В конце десятилетия произошел распад IU. Данный раскол свел на нет все шансы на победу на выборах 1990 г. После распада образовались два лагеря. Те, кто по-преж-

нему выступал под флагом IU, выставили в качестве кандидата Г. Писа, который набрал лишь 8,2% голосов избирателей. С другой стороны, А. Баррантес, который организовал свою партию «Социалистическая левая», проиграл и Пису, набрав 4,7% [Gil 2014]. План по формированию единства провалился. В сумме им едва удалось получить 14,4% голосов на национальном уровне, то есть менее половины от того, что они получили на выборах в Учредительное собрание [Gil 2014].

Размыванию процесса демократизации способствовало выдвижение военно-политических организаций и практика революционного насилия. Деятельность «Коммунистической партии-Светлый путь» (Partido Comunista del Peru – Sendero Lumonosо) в 1970-е и 1980-е гг. и ее идеологические отношения с «Объединенной левой» были ярлыками, от которых фронт так и не смог освободиться. Из-за насильственных акций ультралевых перуанские власти объявляли террористическим любое протестное движение, что существенно ослабляло и демобилизовывало низовые социальные движения. В результате IU не удалось эффективно адаптироваться на муниципальном уровне. Кроме того, партии, входящие в коалицию, потеряли часть своих сторонников от рук террористов, что ослабило те организации, которые доминировали в зоне влияния военно-политических формирований. Политический террор – как левый, так и правый – оставил глубокий след в жизни перуанского народа. В результате деятельности террористических групп в стране погибло около 69 тыс. человек.

Основой своей идеологии сендеристы считали марксизм-ленинизм-маоизм, поставив целью создание нового общественного порядка [Ríos Sierra 2018]. Перуанское политическое поле они рассматривали как плацдарм для всемирной пролетарской революции, которая открыла бы путь к коммунизму. Стратегия и тактика были основаны на маоистской концепции народной войны с применением террора, саботажа и физического уничтожения врага. Сендеристы считали себя последователями Мариатеги и базировали свои идеологические принципы на его знаменитых семи эссе, а лозунг «По светлой тропе Мариатеги» лег в основу названия организации. Своей задачей, в том числе, они видели борьбу с ревизионизмом, в котором движение обвиняло все левые силы, включая Коммунистическую партию. Сендеристы отрицали любую легальную и парламентскую работу. В 1992 г. правительство арестовало представителей руководящего звена движения (в том числе лидера А. Гусмана, известного под псевдонимом «товарищ Гонсало» или «председатель Гонсало»), но организация продолжила свою деятельность.

Революционное движение Тупак Амару (Movimiento Revolucionario Tupac Amaru, MRTA) также использовало в первую очередь насильственные методы борьбы – атаки на полицейские участки, похищения с целью выкупа, взрывы в общественных местах и др. В том числе боевики движения совершили нападение на японское посольство (резиденцию посла) в 1996 г., которое потрясло весь мир: 126 дней они удерживали в заложниках высокопоставленных дипломатов и чиновников, которые приехали в посольство на празднование 63-го дня рождения императора Акихито. Члены MRTA требовали раскрыть преступления военных и ультраправых формирований, выступали против империализма и транснациональных кампаний. В отличие от сендеристов, они не отрицали возможность переговоров с правительством и признавали другие левые партии [Латинская Америка... 1994].

На фоне общего ослабления левого движения открылись каналы для развития иных процессов, которые зарождались или углубились в 1990-е годы, а именно: укрепление правых сил, кризис представительства партий, социальный консенсус в отношении неолиберальных реформ и авторитаризм – всех тех явлений, которые характеризовали экономическую и политическую систему Перу в последующие десятилетия.

Левым в Перу постоянно приходилось сталкиваться с нападками со стороны правых сил, которые обвиняли их в радикализме, насилии и стремлении подорвать отлаженную систему каждый раз, когда на сторону левых склонялась чаша весов народной поддержки.

Успех в городах, который показал, что левые могут управлять и заручиться достаточной поддержкой избирателей для формирования правительства, был свернут. Консерватизм Лимы, который возник в 1990-е гг. из-за экономического кризиса предыдущего десятилетия, стал одним из главных препятствий электорального продвижения левых в Перу.

К концу первого десятилетия XXI в. обозначилась тенденция, в рамках которой левые обладали ресурсами и значительным заделом для роста влияния. В нулевые годы в стране появилось несколько вполне успешных левых проектов, такие как «Социалистическая партия» (Partido Socialista) Х.Д. Кансеко, который выдвигался в качестве кандидата в президенты в 2006 г.; «Движение Земля и свобода» (Movimiento Tierra y Libertad), которое объединило экологов, выступающих против расширения добывающей промышленности; «Движение социального утверждения» (Movimiento de Afirmación Social) Г. Сантоса.

В 2010 г. жители столицы избрали правозащитницу С. Вильярэн, выдвинутую левоцентристской «Децентралистской партией Социальная сила» (Partido Descentralista Fuerza Social), первым за четверть века левым алькальдом Лимы и первой женщиной-мэром. В силу различных причин (в том числе, традиционной слабости левых в крупных городах) ей не удалось полностью выполнить свою программу, однако мандат Вильярэн послужил примером для перуанских «прогрессистов» [Dosh, Smith Coyoli 2018].

В определенной мере к расширению влияния левых сил можно отнести также победу популиста и националиста О. Умалы в президентской кампании 2011 г. Строго говоря, Умала не принадлежал к левому лагерю, но он выдвинул привлекательные лозунги за расширение политического участия и социальную защиту, что привлекло голоса бедняков и жителей провинции [Хейфец Л., Хейфец В. 2011].

В XX веке идея народной войны была общей для всех левых партий, однако в XXI столетии они отказались от революции и адаптировали свою повестку, приняв за основу политической борьбы принципы демократии – а значит, в какой-то мере капитализм. Для перуанского левого движения начался новый виток в развитии и борьбе за власть.

Выборы 2016 г. стали поворотными в новой реальности перуанских левых. Кандидатом в президенты от коалиции «Широкий фронт» (Frente Amplio, FA), объединяющей Социалистическую партию, Коммунистическую партию, Социальную силу и другие движения, стала харизматичный политик Вероника Мендоса, которая родилась в Куско и говорит на языке кечуа. Программа Мендосы объединила предложения и приоритеты традиционных левых – рост государственного присутствия в экономике и трудовые реформы – с новыми темами, начиная с борьбы против коррупции и заканчивая защитой окружающей среды³.

Акцент делался на развитии производственной сферы через кредитование и правовую безопасность для средних и мелких производителей в городе и сельской местности, повышении минимальной заработной платы, налоговой справедливости и пересмотре крупных контрактов и договоров о свободной торговле. Одним из приоритетов была названа борьба с организованной преступностью и ее политическими союзниками. В программе кандидата была подчеркнута необходимость закрыть долг государства перед обществом за внутренний вооруженный конфликт, который унес жизни тысяч перуанцев. Мендоса выступала также за качественное образование на всех уровнях с учетом культурной специфики, привлечение инвестиций в исследования, науку и технику. В социальной сфере она обещала обеспечить универсальное качественное, бесплатное здравоохранение, реформировать управление услугами, установить регулирование цен на лекарства и предоставить пенсионные гарантии. Особое внимание уделялось борьбе против загрязнения окружающей среды и незаконной добычи полезных ископаемых, пре-

³ Frente Amplio. Por la Justicia, la Vida y la Libertad. Plan de gobierno. Enero 2016. (<http://cde.3.elcomercio.pe/doc/0/1/2/8/9/1289276.pdf>).

дотворачиванию последствий изменения климата для наиболее уязвимых районов, защите источников воды и амазонского леса⁴.

Успех ФА широко отмечался левыми в Перу. Коалиционная платформа стала второй политической силой страны. Набрав 18,74% (2,8 миллиона голосов)⁵, фронт получил 20 мест из 130 в национальном Конгрессе, а последующий призыв Мендосы голосовать против соперницы из правого лагеря Кейко Фухимори определил исход президентской гонки. Во втором туре победу одержал более умеренный кандидат П. П. Кучински⁶.

После быстрого подъема «Широкий фронт» начал переживать внутренние споры и расколы. В. Мендоса вышла из альянса и была избрана лидером недавно созданного политического движения «Новое Перу» (Nuevo Perú). Фронт раскололся на две части, вслед за чем 20 конгрессменов также разделились поровну: 10 остались в ФА, а остальные присоединились к «Новому Перу»⁷.

На президентских выборах 2021 г. Мендоса также выставила свою кандидатуру, однако пальму первенства перехватил другой левый кандидат – П. Кастильо от партии «Свободное Перу» (Peru Libre). Кастильо вырос в горной местности северного Перу и большую часть жизни провел в отдаленной горной провинции, где работал школьным учителем. Свой политический путь он прошел как представитель профсоюза работников образования, а в 2017 г. возглавил забастовку, в которой педагоги призвали к повышению заработной платы.

В программе партии подчеркнуто, что «Свободное Перу» – социалистическая левая организация: «Чтобы быть левым, нужно принять марксистскую теорию и в ее свете интерпретировать все явления, происходящие в мировом, континентальном и национальном обществе, их причины и следствия и на основе этого анализа выдвигать решения, которые приведут к удовлетворению большинства»⁸. Кроме того, партия признает марксистские постулаты как «жизненно важные» для национальной, латиноамериканской и глобальной реальности. Странники «Свободного Перу» выступали за перестройку неолиберальной политической и экономической системы, ее переориентацию с целью сокращения бедности и неравенства, а также предложили реформировать конституцию страны, чтобы повысить роль государства в экономике.

Неопределенность, фрагментация и поляризация общественного сознания в Перу проявились во время кампании и на избирательных участках [Adrianzen 2021]. Во втором туре Кастильо боролся с Фухимори, которая призвала к пересмотру голосов. По опросам, около 65% граждан считали, что признаки мошенничества были, причем среди сторонников Фухимори такой точки зрения придерживались 85%, а среди голосовавших за Кастильо – 50%. В итоге избирательные власти отклонили все заявки партии Фухимори с требованием исключить сомнительные бюллетени из официального подсчета голосов. Кастильо получил преимущество в 44 263 голоса. В общей сложности он набрал 8 836 380 голосов против 8 792 117 голосов за Фухимори⁹. Заручившись поддержкой чуть более половины перуанских избирателей, П. Кастильо стал первым демократически избранным левым президентом Перу.

⁴ Elecciones 2016: ¿Qué propone la izquierda en esta campaña? Gestión. (<https://gestion.pe/peru/politica/elecciones-2016-propone-izquierda-campana-107485-noticia/?ref=gesr>).

⁵ Elecciones generales 2016: resultados presidenciales. (<https://www.web.onpe.gob.pe/modElecciones/elecciones/elecciones2016/PRPCP2016/Resumen-GeneralPresidencial.html#posicion>).

⁶ Líder de izquierda pide votar por Kuczynski para frenar a Fujimori en Perú. Reuters. (<https://www.reuters.com/article/elecciones-peru-izquierda-idLTAKCN0YLIZV>).

⁷ Ex candidata peruana lidera nuevo partido y Frente Amplio se divide. La Tercera. (<https://www.latercera.com/noticia/ex-candidata-peruana-lidera-nuevo-partido-frente-amplio-se-divide/>).

⁸ Perú Libre. Ideario y Programa. Huancayo. 2020.

⁹ Pedro Castillo es declarado ganador en las elecciones presidenciales de Perú. The New York Times. (<https://www.nytimes.com/es/2021/07/19/espanol/pedro-castillo-peru.html>).

В последние годы коррупция и политическая нестабильность захватили страну, где в течение пяти лет сменились четыре президента и два состава Конгресса. Истощение институциональных механизмов урегулирования политических конфликтов, поляризация общества и жесткая оппозиция, усугубляемые социально-экономическим кризисом из-за пандемии COVID-19, делают перспективы развития страны и устойчивости нового правительства весьма неопределенными. Следует также заметить, что Кастильо не был лидером партии, от которой он выдвигался, а его предвыборные предложения представляли собой смесь левого прогрессизма и консерватизма. Учитывая опыт С. Вильяран или О. Умалы, дискуссия вокруг неопределенного будущего новой администрации ставит вопрос о том, насколько радикально реформистской и/или левой может быть реальная политическая деятельность в современной перуанской действительности.

Помимо контекстных условий, логика внутреннего развития перуанского левого движения определила ряд характерных черт, которые будут иметь значение для политического вектора правительства. Внутренние противоречия и раскол коммунистического движения определили отсутствие сильной политической традиции в левом лагере Перу. Развернутая партизанскими отрядами жестокая герилья и террор против населения способствовали дискредитации идей марксизма и отрицанию левого курса в широких слоях общества. В то же время подъем движения в начале XXI века внушил новый оптимизм социально ориентированным силам, но не смог закрепить успех коалиционных платформ в электоральном поле. Данные факторы говорят о том, что реализация левого проекта будет происходить в крайне непростых условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Левый поворот» в Латинской Америке (2007) М.: ИЛА РАН. 216 с.
История Перу с древнейших времен до конца XX века (2000) М.: Наука. 476 с.
Латинская Америка. Политические партии и социальные движения (1994) Том 3. М.: ИЛА РАН. 235 с.
Мариатеги Х.К. (1963) Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Издательство иностранной литературы. 423 с.
Окунева Л.С. (2009) «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке // Международные процессы. Т. 7. № 19. С. 43-53.
Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка (2018) М.: Наука. 767 с.
Сапата А. (2020) Марксизм в Перу, 1930-1992 // Латиноамериканский исторический альманах. № 26. С. 218-248.
Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. (2011) Умалы немало... Перу между рынком и этатизмом // Латинская Америка. № 9. С. 44-62.
Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. (2016) Альфред Штирнер – латиноамериканский революционер // Латинская Америка. № 6. С.72-86.
Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. (2019) Коминтерн и Латинская Америка. Люди. Структуры. Решения. М.: РОССПЭН. 759 с.
Щелчков А.А. (2020) Коминтерн и неортодоксальный латиноамериканский социализм: борьба с мариатегизмом и рекабарренизмом // Латиноамериканский исторический альманах. № 26. С. 163-191.
Adrianzén C.F. (2021) Apatía y fragmentación en las presidenciales peruanas // Nueva Sociedad. (<https://nuso.org/articulo/peru-entre-la-crisis-y-las-urnas/>).
Andrés García M. (2010) Indigenismo, izquierda, india. Perú, 1900 – 1930. Sevilla: Universidad Internacional de Andalucía. 380 P.
Apogeo y crisis de la izquierda peruana: hablan sus protagonistas (2011) Ed. Alberto Adrianzén. Lince: IDEA Internacional. 611 P.
Aricó J. (2015) Mariátegui y la formación del partido socialista del Perú // Revista Pléyade. № 15. P. 243-285.

- Dosh P., Smith Coyoli J. (2018) Lessons from the Left in Lima: Susana Villarán and the Fleeting Return of Progressive Politics to City Hall // *Latin American Perspective*. Vol.: 46. Issue: 1. P. 263-281.
- Gil R. (2014) Adaptarse es sobrevivir: elementos para entender la caída de la Izquierda Unida peruana en clave comparada // *Revista de Ciencia Política y Gobierno*. № 1(2). P. 103-127.
- Guadalupe Mendizábal, C. (1988) El partido comunista peruano de 1930 a 1942 ¿el periodo de Ravines? // *Debates En Sociología*. № 12-14. P. 101-128.
- Jeifets L., Jeifets V. (2011) Haya de la Torre... ¿Un comunista latinoamericano? // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. № 6. С. 14-15.
- Ríos Sierra J. (2018) Sendero Luminoso: Una apología de la violencia // *Revista de Cultura de Paz*. Vol. 2. P. 277-294.

REFERENCES

- Adrianzén C.F. (2021) Apatía y fragmentación en las presidenciales peruanas. *Nueva Sociedad*. (<https://nuso.org/articulo/peru-entre-la-crisis-y-las-urnas/>).
- Andrés García M. (2010) *Indigenismo, izquierda, india. Perú, 1900 – 1930*. Sevilla: Universidad Internacional de Andalucía. 380 p.
- Apogeo y crisis de la izquierda peruana: hablan sus protagonistas* (2011) Ed. Alberto Adrianzén. Lince: IDEA Internacional. 611 p.
- Aricó J. (2015) Mariátegui y la formación del partido socialista del Perú. *Revista Pléyade*. no. 15. pp. 243-285.
- Dosh P., Smith Coyoli J. (2018) Lessons from the Left in Lima: Susana Villarán and the Fleeting Return of Progressive Politics to City Hall. *Latin American Perspective*. vol. 46. Issue 1. pp. 263-281.
- Gil R. (2014) Adaptarse es sobrevivir: elementos para entender la caída de la Izquierda Unida peruana en clave comparada. *Revista de Ciencia Política y Gobierno*. no. 1(2). pp. 103-127.
- Guadalupe Mendizábal, C. (1988) El partido comunista peruano de 1930 a 1942 ¿el periodo de Ravines? *Debates En Sociología*. no. 12-14. pp. 101-128.
- Istorija Peru s drevnejshih vremen do konca XX veka* (2000) [The History of Peru from Ancient Times to the End of the XX Century]. Moscow: Nauka. 476 p.
- Jeifets L., Jeifets V. (2011) Haya de la Torre... ¿Un comunista latinoamericano? *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. no. 6. pp. 14-15.
- Jeifets L.S., Jeifets V.L. (2011) Umaly nemalo... Peru mezhdru rynkom i jetatizmom [Peru in between Market and Etatism]. *Latinskaja Amerika*. no. 9. pp. 44-62.
- Jeifets L.S., Jeifets V.L. (2016) V.L. Al'fred Shtirner – latinoamerikanskij revoljucioner [Alfred Stirner – the Latin American Revolutionary]. *Latinskaja Amerika*. no. 6. pp.72-86.
- Jeifets L.S., Jeifets V.L. (2019) *Komintern i Latinskaja Amerika. Ljudi. Struktury. Reshenija* [The Comintern and Latin America: People, Structures, Solutions] Moscow: ROSSPJeN. 759 p.
- Latinskaja Amerika. Politicheskie partii i social'nye dvizhenija* [Latin America. Political Parties and Social Movements] (1994). Vol 3. Moscow: ILA RAN. 235 p.
- Levyj povorot v Latinskoj Amerike* [The Left Turn in Latin America] (2007). Moscow: ILA RAN. 216 p.
- Mariátegui J.C. (1963) *Sem' ocherkov istolkovanija peruanskoj dejstvitel'nosti* [Seven Interpretive Essays on Peruvian Reality]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 423 p.
- Okuneva L.S. (2009) “Levyj povorot” i demokratija v Latinskoj Amerike [The Left turn and Democracy in Latin America]. *Mezhdunarodnye processy*. vol. 7. no. 19. pp. 43-53.
- Ríos Sierra J. (2018) Sendero Luminoso: Una apología de la violencia. *Revista de Cultura de Paz*. vol. 2. pp. 277-294.
- Rossijskaja revoljucija, Komintern i Latinskaja Amerika* [The Russian Revolution, the Comintern and Latin America] (2018). Moscow: Nauka. 767 s.
- Sapata A. (2020) Marksizm v Peru, 1930-1992 [Marxism in Peru, 1930-1992]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. no. 26. pp. 218-248.
- Shhelchkov A.A. (2020) Komintern i neortodoksal'nyj latinoamerikanskij socializm: bor'ba s mariategizmom i rekabarrenizmom [The Comintern and Unorthodox Latin American Socialism: the Fight against Mariategism and Recabarrenism]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. no. 26. pp. 163-191.

Информация об авторе

Воротникова Татьяна Александровна, кандидат политических наук, ученый секретарь Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН). Адрес: ул. Большая Ордынка, д. 21/16, Москва, 115035. E-mail: vorotnikovat@yandex.ru

About the author

Tatiana A. Vorotnikova, Candidate of Sciences (Political Science), Academic Secretary, Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences (ILA RAN). Address: 127005, Moscow, Bolshaya Ordynka Street, 21/16. E-mail: vorotnikovat@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 23.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990015657-4

Оригинальная статья / Original Article

Фактор влияния постпротестных политических элит Армении на армяно-российские взаимоотношения: проблемы, возможности и риски¹

© А.В. АТАНЕСЯН, Д.Д. ЧЕЛПАНОВА

Атанесян Артур Владимирович, Ереванский государственный университет (Ереван, Армения), atanesyan@yandex.ru

Челпанова Диана Дмитриевна, ФГБУ науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (Ростов-на-Дону, Россия), chelpanova@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье обсуждается роль постпротестных политических элит, которые пришли к власти в Армении после «бархатной революции» 2018 года, в армяно-российских стратегических взаимоотношениях в новых условиях. Несмотря на существенный рост негативных восприятий и критики со стороны широких слоев общества, 20 июня 2021 г. те же постпротестные элиты были переизбраны в парламент Армении, составив там большинство. Соответственно, политический курс Армении в ближайшем будущем останется неизменным, и его изучение, в частности, в контексте взаимоотношений с РФ, крайне актуально. Оставляя в стороне эмоциональную составляющую вопроса, которая стала неотъемлемой частью общественно-политического дискурса в армянском и российском обществах, авторы прослеживают причины спада в армянском обществе доверия к РФ как союзнику до и после «бархатной революции» через выявление глубинных, долгосрочных факторов и закономерностей. Кроме того, одна из основных задач исследования – характеристика поведенческих моделей и действий постпротестных элит Армении, связанных с армяно-российскими взаимоотношениями, которые создают скорее антироссийский, нежели пророссийский образ власти в Армении, включая образ премьер-министра Н. Пашиняна. Авторы, в частности, приходят к выводу, что восприятие позитивного образа РФ как союзника коррелируется с отрицательным образом Н. Пашиняна и фактором постпротестных элит, тогда как элементы негативного восприятия роли РФ в безопасности Армении не всегда коррелируют с образом и фактором Н. Пашиняна, и имеют иные, более глубокие причины.

Ключевые слова: Армения, Россия, «бархатная революция», постпротестные элиты, общественные восприятия, война в Нагорном Карабахе 2020 года, армяно-российские стратегические взаимоотношения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50414. The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50414

Цитирование: Атанесян А.В., Челпанова Д.Д. (2021) Фактор влияния постпротестных политических элит Армении на армяно-российские взаимоотношения: проблемы, возможности и риски // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 116–131. DOI: 10.31857/S086904990015657-4

The Factor of Influence of Armenia's Post-Protest Political Elites on Armenian-Russian Relations: Problems, Opportunities, And Risks

© A. ATANESYAN, D. CHELPANOVA

Arthur V. Atanesyan, Yerevan State University (Yerevan, Armenia), atanesyan@yandex.ru
Diana D. Chelpanova, FSBI of Science “Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences” (Rostov-on-Don, Russia), chelpanova@ssc-ras.ru

Abstract. The issue of the Armenian-Russian relationship as mirrored through domestic power changes in Armenia after the «Velvet Revolution» in 2018, is discussed in the article through the event analysis as well as public perceptions. Despite the significantly increased level of negative perceptions and criticism from the broad strata of society, on June 20 of 2021, the same post-protest elites have been re-elected to the Armenian parliament and made up the majority. Accordingly, the political course of Armenia in the near future will remain unchanged, and its study, in particular, in the context of relations with the Russian Federation, is extremely relevant. We focus here on the role and image of the Armenian post-protest elites, including Armenian prime-minister N. Pashinyan, in maintaining/transforming the traditional Armenian-Russian strategic relations in the new conditions. The authors try to trace the reasons for the decline in Armenian society of trust in the Russian Federation as an ally before and after the «Velvet revolution» through the identification of deep, long-term factors and patterns. Besides, one of the main objectives of the study is to characterize the behavioral models and actions of Armenia's post-protest elites associated with Armenian-Russian relations and creating an anti-Russian rather than pro-Russian image of the post-protest elites in Armenia, including the image of prime-minister Pashinyan. Regarding the assessment of the effectiveness of Armenian-Russian relations and the role of post-protest elites in them, the authors, in particular, conclude that the perception of the positive image of the Russian Federation as an ally correlates with the negative image of Pashinyan and the factor of post-protest elites. On the other hand, the anti-Russian perceptions of a widening group of the Armenian population do not always correlate with either positive or negative image or the factor of Pashinyan and have other, deeper roots.

Keywords: Armenia, Russia, «Velvet Revolution», post-protest elites, public perceptions, the war in Nagorno-Karabakh in 2020, the Armenian-Russian strategic relationship.

Citation: Atanesyan A., Chelpanova D. (2021) The Factor of Influence of Armenia's Post-Protest Political Elites on Armenian-Russian Relations: Problems, Opportunities, And Risks. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.4, pp. 116–131. DOI: 10.31857/S086904990015657-4 (In Russ.)

Подходы к проблеме

Большой объем научной и аналитической литературы об армяно-российских отношениях в постсоветский период, за исключением немногочисленных прагматических работ [Татуни, Пономарева 2017; Григорян 2017], подготовлен в схожем с официальной риторикой декларативном ключе, который отражает преимущественно позитивные стороны двусторонних отношений [Смирнова 2019] вплоть до их идеализации. Определенную настороженность вызывала декларированная и отчасти действительно проводимая Арменией политика балансирования между РФ и Западом (ЕС и США), которую преподносили

как не противоречащую интересам РФ [Болгова 2018; Атоян 2015; Арутюнян 2011]. Тем не менее, данный подход казался российским партнерам «попыткой усидеть на двух стульях» [Жучкова, Мирошников 2017; Цедилина 2013; Минасян 2013]. Параллельно в официальном политическом дискурсе обоих государств превалировало табуирование любых сомнений в их эффективности, а упоминания проблематичности или недостаточной эффективности нередко приравнивали к антироссийской риторике и маргинализировали. Конструктивная критика воспринималась как ненужная, отвлекающая обе стороны от более важных дел.

Соответственно, когда в Армении весной 2018 года произошла «бархатная революция», многим показалось, что ее не смогли предвидеть элиты и Армении, и РФ. Они оказались в ситуации неопределенности, которая слабо гармонирует со стратегическим партнерством и угрожает стратегической стабильности, необходимой обоим государствам. На волне «бархатной революции» и после нее в анализе состояния армяно-российских отношений появилось больше прагматики [Айвазян 2018]. В том числе исследователи попытались понять и спрогнозировать взаимоотношения между «старыми» элитами РФ и новыми элитами Армении [Токарев, Маргоев 2019]². Одновременно возрос объем не всегда аргументированной повседневной критики. Профессиональные и стихийные попытки анализа армяно-российских отношений после весны 2018 года можно назвать объективной необходимостью, ответом на новые реалии, отчасти – несколько запоздалой реакцией на проблемы, а также отражением общей атмосферы протестного дискурса, в рамках которого постпротестные элиты и массы Армении попытались отрешиться от наработанного за последние десятилетия внешнеполитического курса – чтобы потом снова вернуться к нему, но на менее выгодных условиях.

События весны 2018 года в Армении изначально оптимистично и восторженно называли «бархатной революцией» из-за ненасильственной и конструктивной протестной активности населения, которое хотело существенных перемен [Атанесян 2018]. Довольно скоро изменения привели к глубокому разочарованию общества, а также вызвали ряд важных вопросов, которые до сих пор не получили обоснованных ответов. Один из таких вопросов касается роли постпротестных элит Армении в традиционно союзнических армяно-российских отношениях³. Ухудшились ли они, или наоборот, новые события, произошедшие после «бархатной революции», вывели взаимоотношения из состояния статики в стадию динамики, которая сопряжена с возможностями и рисками? На указанный и другие вопросы мы попытались ответить с помощью анализа постпротестных событий в Армении, которые затрагивают взаимоотношения между РА и РФ, а также через оценку общественного восприятия уровня и качества армяно-российских отношений и роли в них постпротестных армянских элит.

Анализ данных событий и роли в них элит будет дополняться результатами двух социологических опросов, которые авторы провели в июне-августе 2019 и 2020 года (через год и два года после «бархатной революции») ⁴. Перед исследованием стоит зада-

² См. также: Тренин Д. (2021) Между невмешательством и бездействием. Как России реагировать на кризис в Армении. Московский центр Карнеги. (<https://carnegie.ru/commentary/84002>).

³ После «бархатной революции» и формирования нового правительства во главе с Н. Пашиняном, а затем – внеочередных парламентских выборов в декабре 2018 года, все прежние правящие силы, в том числе крупные оппозиционные партии, кроме «Прцветающей Армении» во главе с Г. Царукяном, лишились власти и политических должностей. Также были заменены руководители местных органов самоуправления (губернаторы, мэры, и даже главы сельской администрации). Под нажимом «революционной» власти были заменены руководители судебной ветви и даже ректоры университетов. Соответственно, термин «постпротестные политические элиты» отражает факт практически полной замены прежних руководителей новыми кадрами, которые представляют интересы правящего большинства во главе с Н. Пашиняном.

⁴ Единый стандартизированный опросник создавался на базе платформы Survey Monkey для проведения социологических опросов и распространялся в социальной сети Facebook как наиболее популярной среди населения Армении. На опрос в 2019 и 2020 годах ответили 471 и 470 респондентов соответственно.

ча выявить общественное восприятие эффективности армяно-российских отношений, а также факторов, которые повлияли на данные отношения после смены элит в стране, включая роль премьер-министра Никола Пашиняна как лидера массовых протестов и постпротестных событий. Результаты опроса демонстрируют динамику общественного мнения по исследуемому вопросу в течение двух лет после прихода к власти в Армении постпротестных элит, вплоть до военных действий в Нагорном Карабахе осенью 2020 года⁵.

Ухудшились ли армяно-российские взаимоотношения из-за деятельности постпротестных армянских элит?

Прежде всего стоит отметить, что уровень доверия армянского населения к РФ как союзнику начал падать еще до прихода к власти Н. Пашиняна и его единомышленников, о чем мы неоднократно предупреждали [Атанесян 2011]. Ошибочно говорить о спаде доверия к РФ в пользу Запада: традиционно позитивное отношение армян к отдельным европейским странам (Франции) или США как к государствам с постоянно пополняемой армянском диаспорой оставалось примерно одинаковым и не вышло на существенно новый уровень (рис. 1)⁶.

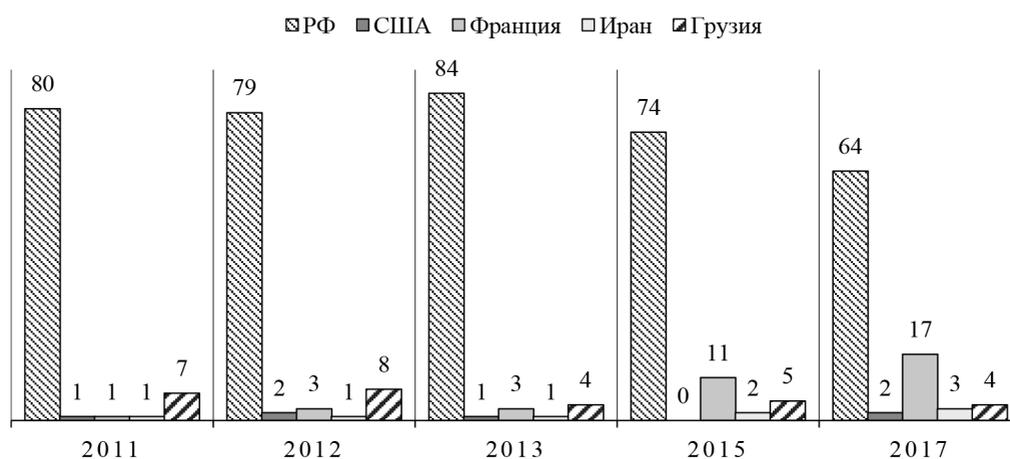

Рис. 1. Уровень доверия к ряду ключевых стран в армянском обществе до «бархатной революции» (2011-2017, %).

Figure 1. The level of trust to some key countries in the Armenian society before the 'Velvet Revolution' (2011-2017, %).

При рассмотрении динамики спада доверия к РФ как союзнику можно заметить, что она наблюдалась параллельно со спадом доверия армянского общества к собственным элитам⁷. Предположительно, взаимоотношения с РФ, которые транслировали прежние элиты страны, теряли в статусе вместе с теми, кто их олицетворял. Возможно, в том чис-

⁵ Для понимания общественных восприятий до и после войны также приводятся данные социологических исследований, проведенных Кавказским ресурсным центром и Маркетинговой ассоциацией совместно с Gallup International.

⁶ Рисунок построен на основе данных социологических опросов, проведенных Кавказским ресурсным центром: CRRC Caucasus Barometer. 2017. (https://www.crrc.am/wp-content/themes/crrc/barometer_files/presentations-2017.pdf).

⁷ Там же.

ле по данной причине общество восприняло новые политические элиты как принесшие с собой измененную повестку дня.

Второй немаловажной причиной роста критики в адрес РФ еще до «бархатной революции» было поступательное сближение России с Турцией и Азербайджаном, включая поставки российского вооружения, развитие экономического сотрудничества и т.д. [Атанесян, Карапетян 2020]. На такую критику в РФ, как правило, отвечали тем, что подобное сближение Армении никак не угрожает.

Соответственно, критические моменты в армяно-российских взаимоотношениях и их восприятию в армянском обществе постепенно накапливались. Параллельно появлялись маргинальные представители как политической оппозиции, так и гражданского сектора, которые пытались набрать политический капитал на обвинениях в адрес РФ. Действительно, тот факт, что проблемными моментами в армяно-российских отношениях занимались не представители власти, а оппозиция (причем в угоду своим политическим задачам), говорит о недостаточной системности и встроенности наших элит и обществ в обеспечение долгосрочных стратегических взаимоотношений. К сожалению, декларации взаимного доверия и преданности общему делу на протяжении многих лет подменяли функциональность и конкретику, что обнажило слабые места, которыми не могла воспользоваться как оппозиция, так и различные внешнеполитические и теневые акторы (причем через ту же оппозицию).

В действиях и выступлениях участников массовых протестов 2018 года в Армении отсутствовали антироссийские заявления или требования, а лидер послереволюционной армянской элиты, премьер-министр Н. Пашинян, неоднократно заверял, что он не антироссийский или прозападный, а проармянский политик⁸. Однако некоторые факторы вызывали опасения в антироссийской направленности новых элит, которые пришли к власти не через профессиональную деятельность и политические усилия, а на волне протестной активности армянского общества.

Одним из подобных факторов стало то, что Н. Пашинян, будучи депутатом парламента от оппозиционной фракции «Елк» («Выход»), периодически выступал с критикой членства Армении в ОДКБ и ЕАЭС. Он заявлял о неэффективности данных союзов, через подобную критику обвиняя в неэффективности правящую элиту страны. Критика членства Армении в пророссийских союзах предполагала пересмотр российского вектора армянской внешней политики. Тем не менее, после своего избрания премьер-министром Пашинян практически перестал открыто критиковать деятельность ОДКБ и ЕАЭС. Стоит отметить, что недостатки и возможные риски в деятельности ОДКБ в настоящее время безотносительно к Пашиняну активно обсуждают на различных политических и экспертных площадках⁹.

Во-вторых, вместе с премьер-министром Пашиняном к власти в Армении пришли представители различных неправительственных организаций и фондов, которые до этого активно пропагандировали западные ценности и проводили программы по стажировкам и обмену со странами Запада в рамках демократических преобразований в стране [Ананьев 2021]. Критики Пашиняна как «антироссийского политика» нередко приводят в качестве доказательств не его антироссийские действия, а факт присутствия в его команде прозападных представителей НПО и их антироссийские заявления¹⁰. Несмотря на важность данного

⁸ Внешняя политика Армении не прозападная и не пророссийская, мы – проармянские: пространное интервью Никола Пашиняна радиоканалу RFI. (2018) Armenpress. 31.07. (<https://armenpress.am/rus/news/942283.html>).

⁹ Кривошеев К. (2021) Договор о коллективном бездействии. Есть ли будущее у ОДКБ. Московский центр Карнеги. 29.06. (<https://carnegie.ru/commentary/84825>).

¹⁰ Горохов Н. (2021) Не верьте трéпу о «неэффективности» ОДКБ. Еженедельник «Звезда». 29.07. (<https://zvezdaweekly.ru/news/20217281149-1K6Zf.html>).

фактора и связанных с ним рисков армяно-российским отношениям, было бы ошибочно подозревать всех жителей Армении и РФ, которые получили образование в западных вузах, но служат на благо интересов своих государств и их союзнических отношений.

В-третьих, сразу же после прихода к власти Н. Пашинян начал уголовное преследование представителей прежних элит – в выборочном порядке и от имени «народа». Несмотря на дружеские предупреждения с российской стороны о том, что такое решение может ослабить армянские позиции, премьер-министр отозвал из ОДКБ генерального секретаря, генерала и участника первой карабахской войны Юрия Хачатурова. Уголовные дела завели не только на Ю. Хачатурова, но и на других представителей военно-политической элиты (Р. Кочарян, С. Оганян, М. Григорян). Они обладали исключительным профессиональным опытом, а также экономическим и социальным капиталом, который необходим для мобилизации и защиты страны. Параллельно происходили многократные и краткосрочные назначения на должности руководителей силовых ведомств, что свидетельствует о поиске Н. Пашиняном верных ему людей. В результате институциональные структуры безопасности страны оказались дестабилизированы.

В-четвертых, в качестве индикатора «антироссийской позиции» властей Армении российские партнеры восприняли обыски и возбуждение уголовных дел в отношении представительства дочернего предприятия ОАО «РЖД» «Южно-Кавказская железная дорога» (ЮКЖД) в Армении в августе-декабре 2018 года. Правоохранительные органы вменяли ЮКЖД неуплату налогов, а также невыполнение обязательств по инвестициям и развитию инфраструктуры железных дорог в Армении. Тогда переговоры между министерствами транспорта РФ и РА ничего не дали, а ОАО «РЖД» пригрозила прекратить свою деятельность в Армении¹¹. Политизация данной ситуации в СМИ (а также возможное стремление новых властей Армении обозначить позицию) добавили в армяно-российские отношения очередную негативную нотку.

Параллельно с данными событиями премьер-министр Армении Пашинян периодически высоко оценивал важность и качество армяно-российских взаимоотношений¹². Важным подтверждением приоритета военно-политического сотрудничества между Россией и Арменией стала отправка 8 февраля 2019 года группы армянских военных врачей и саперов (83 человека на ротационной основе) в Сирию в составе российского миротворческого контингента. Следует отметить, что переговоры по данному вопросу с российской стороной еще в 2017 году вел бывший президент С. Саргсян, а отправка группы специалистов в Сирию имела немаловажный символический смысл: Армения продемонстрировала поддержку армянской общине Сирии (а также другим христианским общинам)¹³.

В-пятых, о негативных сдвигах в традиционных армяно-российских взаимоотношениях могли свидетельствовать (именно так их воспринимали и освещали) отдельные сюжеты в деятельности постпротестных элит Армении. В частности, 24 июня 2020 г. Н. Пашинян не поехал на праздничный парад Победы в Москве. Тем не менее, на нем присутствовали министр обороны и воинское подразделение ВС Армении. В официальных объяснениях армянская сторона ссылалась на ситуацию с коронавирусом и отсутствие лидеров других постсоветских республик на мероприятии (включая президента

¹¹ Куденко А. (2018) В Армении провели обыск в офисе «дочки» РЖД, сообщил источник. РИА Новости. 15.08. (<https://ria.ru/20180815/1526624299.html>).

¹² Премьер Армении: постреволюционный период в армяно-российских отношениях завершен, мы с Путиным полностью понимаем друг друга (2018) Агентство международной информации (АМИ). 28.09. (<https://newsarmenia.am/news/politics/premer-armenii-postrevolyutsionnyy-period-v-armyano-rossiyskikh-otnosheniyakh-zavershen-my-s-putinyam/>).

¹³ Кортунов А. (2020) Армения - единственная страна СНГ, помимо России, которая открыто оказывает гуманитарную помощь Сирии. Российский совет по международным делам (РСМД). 20.02. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/armeniya-edinstvennaya-strana-sng-kotoraya-otkryto-okazyvaet-gumanitarnuyu-pomoshch-sirii/?sphrase_id=75838101).

Азербайджана И. Алиева). Данные комментарии выглядели неубедительно и даже недостойно для руководства страны, общество которой массово и героически сражалось с фашизмом и защищало общую родину.

Почти одновременно (18 июня 2020 г.) армянский парламент принял в первом чтении пакет законопроектов «Об аудиовизуальных медиа» и поправок в закон «О лицензировании», который должен был полностью заменить закон «О телевидении и радио». В частности, предполагалось исключить иностранных вещателей (в основном изменения коснулись бы российских телеканалов) из общественного мультиплекса Армении¹⁴. Данная законодательная инициатива взбудоражила массовое сознание армянского общества, причем не всегда в поддержку российских вещателей. Затем вопрос был решен в пользу вещания в Армении российских телеканалов на стабильной основе¹⁵. Приведенные моменты относятся к межгосударственным взаимоотношениям лишь косвенно, тогда как в СМИ их пытались представить в качестве «прямых доказательств» антироссийской направленности армянских элит. Существенную роль в данном процессе сыграли встроенные в российское медиапространство азербайджанские и проазербайджанские СМИ и «эксперты», которые активно конструируют «антироссийский образ армянской власти» в рамках системной антиармянской информационной политики. Российское общество, приученное к подобному образу, стало реагировать на отдельные, неоднозначные факты поведения армянских элит острее, чем на подобные явления со стороны того же Азербайджана или других постсоветских республик. Опять же, речь идет о накопившихся за последнее десятилетие проблемах армяно-российских взаимоотношений, которые элиты обеих стран должны были совместно решать, а не выводить на публичное, эмоциональное и непрофессиональное обсуждение.

Индикатором проблемности армяно-российских отношений после «бархатной революции» стали высказывания главного редактора информационного телеканала RT (Russia Today, «Россия сегодня») Маргариты Симоньян, которая прямо обвинила премьер-министра Пашиняна и его правительство в антигосударственной (антиармянской и антироссийской) деятельности – вероятно, предвидя риски военных действий осенью 2020 г. В частности, высказывания Симоньян о том, что «когда на вашей границе война, когда само существование вашего режима под угрозой, когда армяне всего мира уже видят ожившие призраки янычар с кривыми ножами, которыми резали наших предков, вы вспомнили, что Россия снова должна вас спасти»¹⁶, вызвали острую, переполненную взаимными оскорблениями публичную дискуссию и внесли существенный разлад в и без того проблемный армяно-российский диалог.

Наконец, широкую негативную огласку получили противоречивые высказывания премьер-министра Пашиняна о качестве вооружения, которое Россия поставляла Армении. В частности, он заявлял о неработоспособности российских оперативно-тактических комплексов «Искандер»¹⁷, о поставке в Армению истребителей Су-30СМ без ракет (соответственно, небоеспособных)¹⁸, и – несмотря на свои же спорные выводы – о желании

¹⁴ Атанесян А. В. (2020). «Трудности диалога»: как преодолеть «похолодание» в российско-армянских отношениях. Евразия эксперт. 05.08. (<https://eurasia.expert/trudnosti-dialoga-kak-preodolet-pokholodanie-v-rossiysko-armyanskikh-otnosheniyakh/>).

¹⁵ Налбандян Н. (2021) Три российских телеканала останутся в армянском эфире за счет общественных средств. Радио Свобода. 13.01. (<https://rus.azatutyun.am/a/31045413.html>).

¹⁶ Белоусов Я. (2020) «Плюнуть и растереть»: Симоньян дерзко напомнила Армении про непризнанный Крым. Московский комсомолец. 18.07. (<https://www.mk.ru/politics/2020/07/18/plyunut-i-rasteret-simonyan-derzko-napomnila-armenii-pro-nepriznannyyu-krum.html>).

¹⁷ Климентьев М. (2021) Пашинян заявил о неработоспособности купленных у России «Искандеров». РИА Новости. 24.02. (<https://ria.ru/20210224/pashinyan-1598701678.html>).

¹⁸ Котляр М. (2021) Пашинян признал покупку у России Су-30СМ без ракет. РБК. 21.03. (<https://www.rbc.ru/politics/21/03/2021/6056f0509a794781c3b24cc9>).

приобрести у РФ очередную партию вооружения, в том числе истребители¹⁹. Возникает впечатление, что через недостаточно обоснованные с точки зрения военно-технической экспертизы высказывания Н. Пашинян случайно или умышленно создает негативный общественный диссонанс, и как следствие – подпитывает антироссийский дискурс.

Если посмотреть на фактор деятельности премьер-министра Пашиняна и его команды в армяно-российских отношениях, а также на указанные выше события с точки зрения общественного мнения, то уровень доверия Пашиняну через год после «бархатной революции» оставался высоким [Атанесян, Посухова 2020]. Он стал идти на спад на второй год деятельности постпротестных элит (в частности, в связи с их неэффективностью в условиях распространения COVID-19)²⁰. Так, изменение в общественном восприятии на первый и второй год после «бархатной революции» прослеживается в вопросе о том, изменились ли армяно-российские отношения после прихода к власти в Армении новых элит (рис. 2).

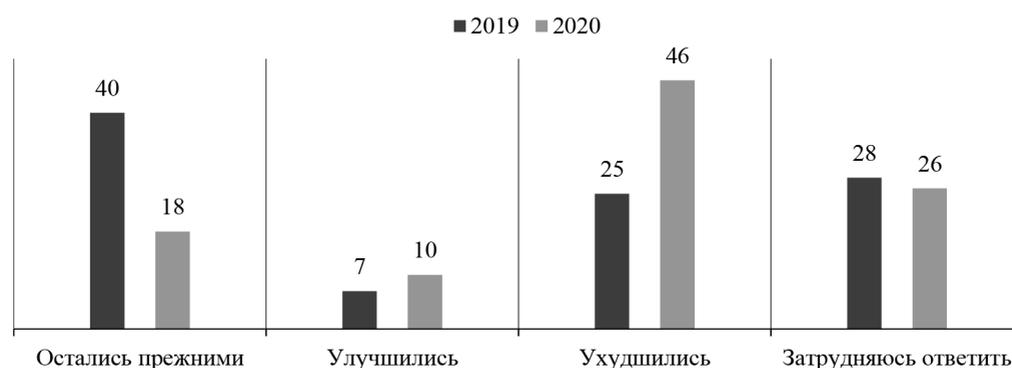

Рис. 2. Изменились ли армяно-российские отношения после смены власти в Армении? (2019, 2020, %).

Figure 2. Did Armenian-Russian relations change after the transition of power in Armenia? (2019, 2020, %).

Как видно из результатов, в 2020 г. резко уменьшилась доля респондентов, которые считали, что отношения между Российской Федерацией и Арменией после «бархатной революции» остались прежними. Одновременно увеличилась доля респондентов, которые заметили их ухудшение. Небольшая часть опрошенных посчитали, что отношения улучшились, в то время как значительный сегмент респондентов по прошествии двух лет после «революции» еще не мог понять, что же происходит.

Мы попытались выяснить, как те или иные обсуждаемые в обществе факторы (до войны в Карабахе осенью 2020 г.) повлияли на армяно-российские отношения в восприятии представителей армянского общества (рис. 3).

По мнению респондентов, на армяно-российские взаимоотношения в основном позитивно воздействуют повседневные отношения между представителями обоих обществ, деятельность армянских общин в РФ, представленность в Армении российской культуры. Основными негативными факторами респонденты назвали сотрудничество РФ с Азербайджаном и Турцией, а также, в определенной степени, – возбуждение уголовных дел в отношении бывших руководителей страны в постреволюционной Армении.

¹⁹ Никол Пашинян: Ереван ориентирован на широкое и долгосрочное военно-техническое сотрудничество с Москвой. (2021) Интерфакс. 06.04. (<https://www.interfax.ru/interview/759603>).

²⁰ Кармазин И. (2020) Большая тема: почему Армения бьет рекорды по коронавирусу. Известия. 06.06. (<https://iz.ru/1019832/igor-karmazin/bolnaia-tema-pochemu-armeniia-bet-rekordy-po-koronavirusu>).

Деятельность западных НПО в Армении также воспринимается как фактор, который препятствует доверительным армяно-российским отношениям. Можно заметить также, что негативное освещение двусторонних отношений в армянских СМИ беспокоит граждан Армении меньше, чем аналогичная роль российских СМИ. Вместе с тем общество в данных вопросах в основном не консолидировано.

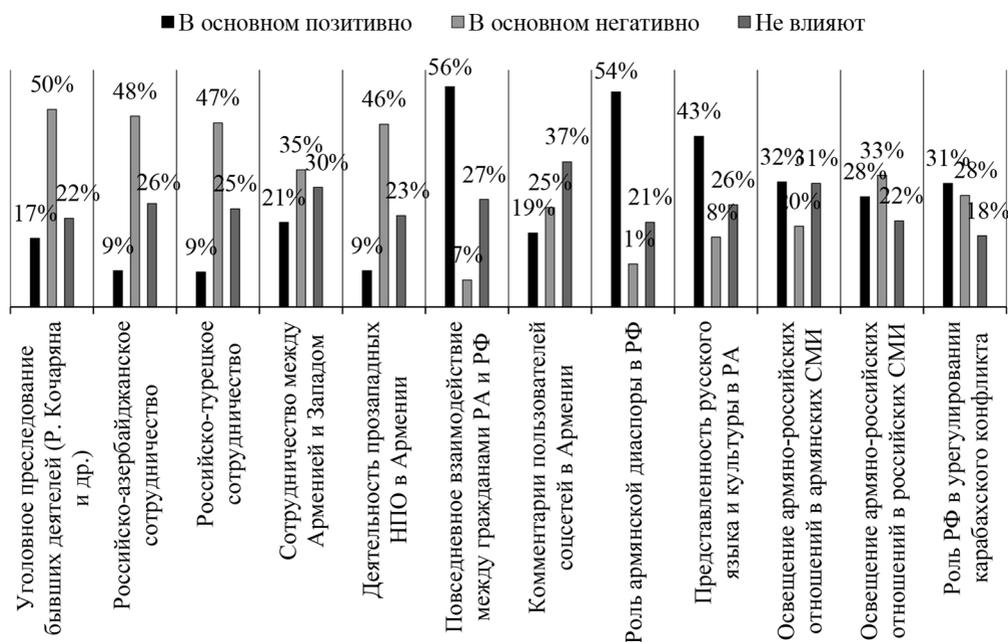

Рис. 3. Оценка влияния различных факторов на армяно-российские отношения, 2020 г., %
Figure 3. Assessment of the influence of various factors on Armenia-Russia relations, 2020, %

Сравним вышеназванные негативные факторы доверия армянского общества в отношении РФ как союзницы с восприятиями личной роли премьер-министра Пашиняна как фактора влияния на армяно-российские взаимоотношения (в период с 2019 до 2020 г., рис. 4). Напомним, опросы проводились в июне-августе, то есть до осенних военных действий 2020 года.

Можно заметить, что через год после «бархатной революции» в армянском обществе, несмотря на регулярные обвинения в адрес армянского премьера в проведении прозападной и антироссийской политики (подобное противопоставление является наиболее удобным клише, которым оперирует большинство участников публичного дискурса), роль Н. Пашиняна в армяно-российских отношениях оценивают скорее позитивно-нейтрально, нежели негативно. Как можно видеть из полученных данных, на второй год после смены власти в Армении, параллельно росту разочарования общества в эффективности правительства Армении и честности Пашиняна, позитивное восприятие фактора премьер-министра существенно снизилось. Одновременно усилилась негативная оценка его роли в армяно-российских отношениях.

Важно иметь в виду, что в восприятии армянского общества роль Пашиняна в некоторых из вышеупомянутых факторов (рис. 3) не самая значимая: в частности, она уступает восприятию российско-азербайджанских и российско-турецких взаимоотношений как факторов, которые влияют на армяно-российские отношения крайне негативно. Также

стоит отметить, что одинаковый процент опрошенных (35%) указал на деятельность Пашиняна и на сотрудничество Армении с Западом (рис. 3, 4) как на негативные факторы в армяно-российских отношениях.

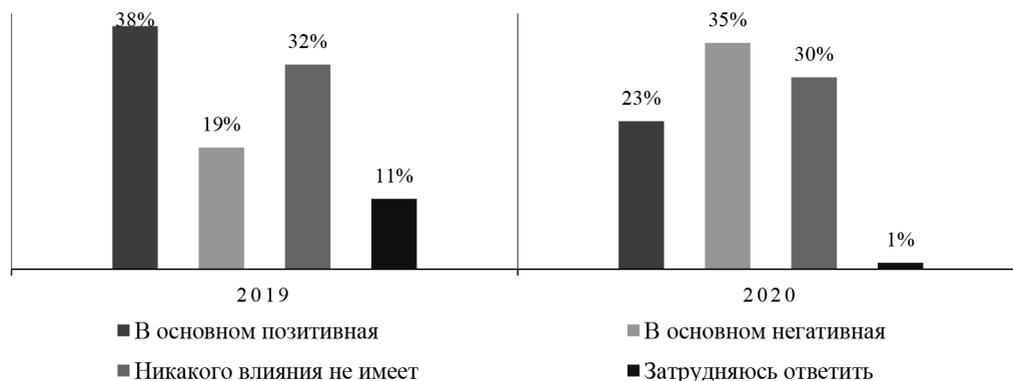

Рис. 4. Роль премьер-министра Армении Н. Пашиняна в армяно-российских отношениях, 2019, 2020 г., %

Figure 4. The role of prime-minister N. Pashinyan in Armenia-Russia relations, 2019, 2020, %

Характерной кульминацией неэффективной деятельности прежних и новых армянских элит стала беспрецедентная угроза безопасности Армении и армянскому населению Нагорного Карабаха в результате наступательных действий ВС Азербайджана при системной поддержке Турции 27 сентября – 10 ноября 2020 года. Кроме неподготовленности Армении к подобной войне из-за системных проблем в самой стране, негативным фактором для армянской стороны стала конфликтная внутривнутриполитическая и нездоровая социально-психологическая атмосфера в армянском обществе. Более того, стратегическое партнерство между Азербайджаном и Турцией в карабахской войне 2020 г. было многоплановым и слаженным по сравнению с армяно-российскими стратегическими взаимоотношениями, которые по-разному и не всегда адекватно воспринимались в обоих обществах и вызывали разночтения не только до, но и во время военных действий. Война в Карабахе продемонстрировала отсутствие единой позиции по карабахскому вопросу в восприятии элит, экспертных кругов и обществ РА и РФ²¹, что могло стать одной из причин успеха Азербайджана в карабахской войне 2020 года.

На протяжении 44 дней военных действий в Нагорном Карабахе премьер-министр Армении Н. Пашинян многократно, почти ежедневно вел переговоры по телефону с президентом РФ В. Путиным и вместе с российскими коллегами публично заявлял о принципиальной роли России в обеспечении безопасности Армении, в том числе через посредничество российского руководства в переговорах с Азербайджаном и Турцией. Параллельно армянское общество глубоко разочаровалось в Европе в связи с ее пассивной реакцией на действия Азербайджана и Турции. Европейские структуры призывали «все стороны конфликта» прекратить боевые действия и вернуться в рамки переговоров. За исключением Франции, которая в определенной степени заняла активную позицию (в том числе президент и глава МИД Франции сделали заявления об участии исламистов и террористов из Сирии в конфликте на стороне Азербайджана)²², конкретных действий со

²¹ Атанесян А. В. (2020б). Почему у Армении и РФ нет единой позиции по карабахскому вопросу? ИА Красная Весна. 21.10. (<https://rossaprimavera.ru/article/82550db6>).

²² Макрон заявил, что более 300 сирийских исламистов переброшены через Турцию в Карабах (2020) TASS. 02.10. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9608753>).

стороны европейских институтов не было. Инициатива Норвегии по размещению миротворческого контингента из скандинавских стран в Нагорном Карабахе²³ также осталась идеей. Армянская сторона, которая в тот период времени оборонялась от наступательных действий Азербайджана, расценила подобную реакцию ЕС как слабую, пассивную и безразличную. Роль Соединенных Штатов как страны-сопредседателя Минской группы ОБСЕ в карабахской войне 2020 г. также была объективно пассивной. Армянское общество ожидало более активного участия США в защите прав человека в Карабахе и сдерживании роли Турции, однако этого не произошло, в частности, из-за предвыборной кампании, а затем и президентских выборов в США.

Подписание трехстороннего заявления о полном прекращении огня в Нагорном Карабахе в ночь с 9 по 10 ноября 2020 г. окончательно закрепило эксклюзивную роль РФ в обеспечении безопасности Армении и урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. В соответствии с данным заявлением, в армянонаселенном анклав, который остался от так и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, были размещены российские миротворцы²⁴. После поражения армянской стороны в военных действиях вновь возник вопрос о роли армянских постпротестных элит и лично премьер-министра Н. Пашиняна в кризисном управлении и в отношениях с российской стороной, через которую, особенно после окончания войны, стали проходить все взаимодействия Армении с другими региональными акторами. Стоит отметить, что негативное отношение к роли Н. Пашиняна и его команды в условиях войны в Нагорном Карабахе и после нее было выражено отнюдь не в рамках армяно-российских отношений и не российской стороной, а сугубо в национальном контексте. Мнение сложилось примерно одинаковое как в Армении, так и в Азербайджане с той разницей, что в Армении произошедшее сочли трагедией, а Н. Пашиняна – «предателем», в то время как в Азербайджане исход конфликта вызвал ликование, а премьер-министра Армении также сочли «предателем», но выгодным.

В официальной российской риторике роль Н. Пашиняна в карабахской войне подавалась как данность, с которой Россия работает. В частности, президент РФ В. Путин публично поддержал премьер-министра Пашиняна. В связи с решением о дислокации в Карабахе российских миротворцев он заявил, что Н. Пашинян «эту ответственность на себя взял, и наша задача в том, чтобы поддержать сейчас и самого премьер-министра, и его команду с тем, чтобы наладить мирную жизнь, добиться исполнения всех принятых решений и помочь людям, который оказались в трудной жизненной ситуации»²⁵. Получается, что в РФ Н. Пашиняном довольны существенно больше, чем в самой Армении, особенно в послевоенный период.

Как показывают результаты проведенного уже после военных действий социологического опроса (25.11.2020–02.12.2020)²⁶, поддержка Н. Пашиняна армянским населением снизилась еще сильнее, параллельно увеличилось процентное соотношение требующих его отставки (рис. 5).

Важно отметить, что несмотря на ключевую роль российского миротворческого контингента в обеспечении безопасности армянского населения Карабаха, сегмент армянского

²³ Скандинавы начали помогать с проблемами Нагорного Карабаха (2020) Lenta.ru. 02.11. (<https://lenta.ru/news/2020/11/02/norway/>).

²⁴ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации (2020). Официальные сетевые ресурсы Президента России. 10.11. (<http://kremlin.ru/events/president/news/64384>).

²⁵ Путин призвал страны ОДКБ поддержать Пашиняна (2020) Интерфакс. 02.12. (<https://www.interfax.ru/world/739572>).

²⁶ Война 27.09.2020. – Маркетинговая ассоциация Армении, Gallup International. (<https://gallup.am/product/%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b9-%d0%b2%d0%be%d0%b9%d0%bd%d0%b0-27-09-2020-6-final/>) (дата обращения 10.02.2021).

общества, который негативно воспринимает роль России в политике Армении, не только сохранился, но и возрос по сравнению с предыдущими годами (12%); кроме того, в списке врагов Армении появились Великобритания и Израиль (рис. 6).

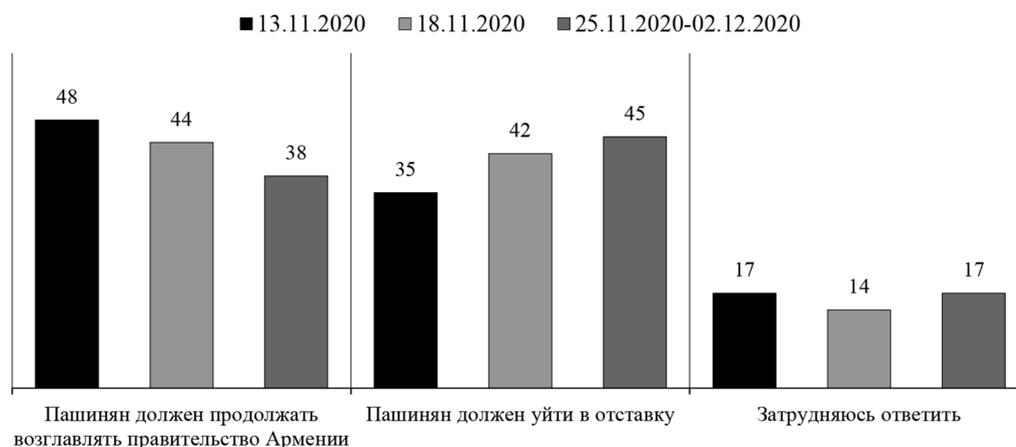

Рис. 5. Как должен поступить премьер-министр Никол Пашинян после подписания Трехстороннего заявления по Карабаху? (%)

Figure 5. What should the prime-minister N. Pashinyan do after signing the Trilateral declaration on Karabakh? (%)

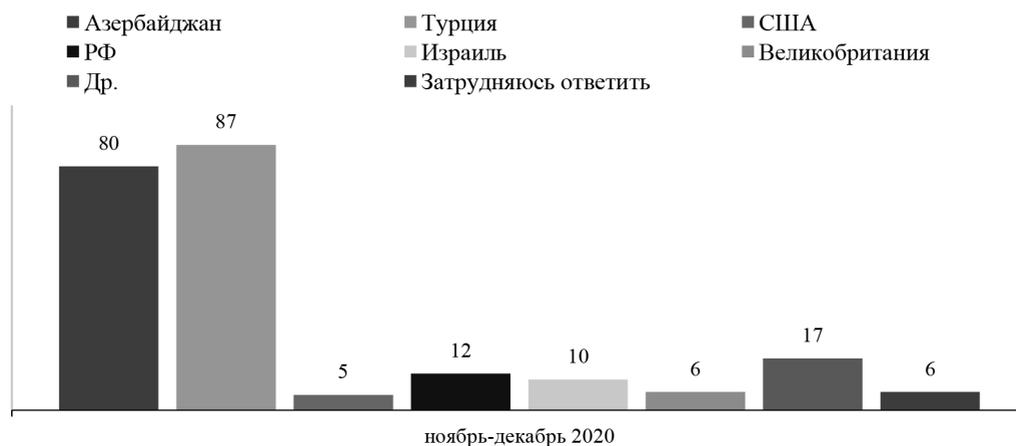

Рис. 6. Страны, угрожающие безопасности Армении, ноябрь-декабрь 2020 г.²⁷ (%)

Figure 6. Countries threatening security of Armenia, November-December 2020 (%)

За время правления постреволюционных политических элит во главе с Н. Пашиняном антироссийские настроения в армянском обществе существенно возросли. Несмотря на то, что СМИ (в том числе российские) активно тиражируют тезис о негативной роли Н. Пашиняна в армяно-российских взаимоотношениях, отрицательное отношение к нему в армянском обществе коррелирует с положительным отношением населения Армении к роли РФ лишь частично. Иначе говоря, неприязнь к Н. Пашиняну в армянском обще-

²⁷ Там же.

стве не обязательно означает любовь к России. Более того, растет сегмент армянского общества, который воспринимает роль РФ в Карабахской войне 2020 г. негативно, а ее действия – как исходящие не из интересов Армении (рис. 6). Все больше становится сегмент граждан, которые негативно воспринимают деятельность Пашиняна и увязывают его роль именно с российским фактором.

По результатам внеочередных парламентских выборов в Армении 20 июня 2021 г. в парламент не попала ни одна однозначно антироссийская партия или блок, которые практически не имеют никаких идеологических составляющих, кроме антироссийской истерии. Суммарный сегмент электората данных политических сил на парламентских выборах не превысил 7%, а нежелание объединяться не позволило им оказаться в парламенте в качестве потенциального блока. Вместе с тем политические силы, которые воспринимаются как пророссийские (блок экс-президента Р. Кочаряна «Армения» и сформированный вокруг Республиканской партии экс-президента С. Саргсяна и партии «Отечество» А. Ванецяна блока «Честь имею») оказались в парламентском меньшинстве. Данная тенденция может свидетельствовать не столько о непопулярности пророссийского курса, сколько о недостаточной популярности олицетворяющих его личностей. Фактически Н. Пашинян и парламентское большинство нового созыва остаются основным внутривнутриполитическим фактором во взаимоотношениях Армении с РФ.

Заключение

Определенный сегмент армянского общества, который негативно воспринимает армяно-российские отношения даже с учетом критической важности РФ для обеспечения безопасности Армении и армянского населения в Нагорном Карабахе, был и продолжает существовать вне зависимости от роли Н. Пашиняна, но в привязке к ней. Данный сегмент возник не вследствие «бархатной революции» 2018 г. Он мог подпитываться как из дореволюционных, так и из постреволюционных источников: антироссийских заявлений самого премьер-министра Армении Н. Пашиняна и его сторонников, а также выступлений и виртуальной сетевой активности лиц, которые считают, что уменьшение присутствия РФ в делах Армении повысит уровень независимости страны. Именно после «бархатной революции» сегмент антироссийски настроенных граждан существенно увеличился.

Как до, так и после «бархатной революции» антироссийские настроения могли иметь основание в вышеперечисленных факторах. В том числе их причиной могло стать интенсивное российско-турецкое и российско-азербайджанское взаимодействие в экономической и военно-технической сфере. Можно заметить, что такое взаимодействие привело к ограничению сдерживающих возможностей РФ в отношении Турции и Азербайджана в условиях войны в Карабахе 27 сентября – 10 ноября 2020 г. Одновременно риторика лидеров упомянутых стран подтвердила опасения армянского общества о высоком уровне подобного взаимодействия и исходящих от него угрозах.

После войны 2020 г. усилились как позитивные, так и негативные факторы, которые влияют на восприятие роли РФ в армянском обществе. Пророссийские и антироссийские настроения лишь отчасти зависят от постпротестных армянских элит. Антипатия к России в армянском обществе все еще не имеет критической глубины и объема, о чем свидетельствуют результаты послевоенных парламентских выборов в Армении в июне 2021 г.

Таким образом, кроме негативного образа Пашиняна в армяно-российских взаимоотношениях, следует учитывать более стойкие и системные факторы, которые влияют на армяно-российские стратегические отношения на протяжении более длительного времени, нежели постреволюционный период, а также деятельность СМИ и сетевых структур, которые конструируют негативные образы в армяно-российских отношениях и нередко обслуживают интересы третьих стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян А. М. (2018) Коллапс или рестарт: концептуальные аспекты российско-армянского стратегического союза // *Экономико-политические стратегии стабилизации Кавказа. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию Финансового университета при Правительстве РФ* (под ред. В.Т. Бетанова). В.: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю. С. 14-33.
- Ананьев А. В. (2021) Армянский информационно-политический разлом // *Общественные науки и современность*. №1. С. 145-156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9.
- Арутюнян О. В. (2011) Армения между Россией и ЕС // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. № 1(19). С. 160-164.
- Атанесян А. В. (2011) Проблемы безопасности информационного поля на пространстве ОДКБ // *ОДКБ и Южный Кавказ: перспективы мира и безопасности в регионе. Материалы международной конференции*. Ереван. С. 126-140.
- Атанесян А. В. (2018) «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // *ПОЛИС (Политические исследования)*. № 6. С. 80-98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
- Атанесян А. В., Карапетян Р. Р. (2020) Состояние и перспективы армяно-российских взаимоотношений: постпротестное восприятие в армянском обществе // *Гуманитарий Юга России*. № 9 (2). С. 64-83. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.4>.
- Атанесян А. В., Посухова О. Ю. (2020) Постпротестные настроения в армянском обществе // *Социологические исследования*. № 2. С. 53-62. DOI: 10.31857/S013216250008494-6.
- Атоян В. К. (2015) Внешнеполитический выбор Армении: политика обеспечения максимальной безопасности // *Проблемы постсоветского пространства*. № 5(3). С. 96-120.
- Болгова И. В. (2018) Отношения между Европейским союзом и Арменией: модель «тихого» сопряжения? // *Международная аналитика*. № 2(24). С. 37-46.
- Григорян Г. П. (2017) Межгосударственные отношения Армении и России в 1991–2016 годах // *Россия и новые государства Евразии*. № 1. С. 77-91.
- Жучкова Ю. В., Мирошников С. Н. (2017) ЕС и Армения: не все потеряно? // *Вестник Томского государственного университета. История*. № 50. С. 64-68.
- Минасян С. (2013) Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях // *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 85-92.
- Смирнова А. В. (2019) Взаимоотношения России и Армении: исторические реалии и перспективы // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. №4(6). С. 29-41. DOI: 10.5281/zenodo.3528153.
- Татунц С. А., Пономарева А. М. (2017) Энергетическая безопасность Республики Армения в контексте ее взаимоотношений с Российской Федерацией // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. №3. С. 89-115.
- Токарев А. А., Маргоев А. Р. (2019) Влияние армянских элитных групп на отношения с Россией после транзита власти // *Международная аналитика*. №4 (30). С. 50-57.
- Цедилина Е. В. (2013) Стратегическая дилемма Армении // *Россия и новые государства Евразии*. №2. С. 17-28.

REFERENCES

- Ananiev A. V. (2021) Armyanskij informacionno-politicheskij razlom [Armenian Information-Political Rift]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 145-156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9.
- Atanesyan A. V., Posukhova O. Yu. (2020) Postprotestnyye nastroyeniya v armyanskom obshchestve [Post-protest Attitudes in the Armenian Society]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 53-62. (In Russ.) DOI: 10.31857 / S013216250008494-6.
- Atanesyan A. V., Karapetyan R. R. (2020) Sostoyanie i perspektivy armyano-rossijskih vzaimootnoshenij: postprotestnoe vospriyatie v armyanskom obshchestve [Current State and Perspectives of Armenian-Russian Relations: Post-Protest Perception in the Armenian Society]. *Gumanitarij Yuga Rossii*, no. 9 (2), pp. 64-83. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.4>.

Atanesyan A. V. (2018) “Barhatnaya revolyuciya” v Armenii: potencial, dostizheniya i riski politiko-protestnoj aktivnosti [“Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity]. *POLIS (Politicheskie issledovaniya)*, no. 6, pp. 80-98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.

Atanesyan A. V. (2011) Problemy bezopasnosti informacionnogo polya na prostranstve ODKB [Security problems of the information field in the CSTO space]. *ODKB i YUzhnyj Kavkaz: perspektivy mira i bezopasnosti v regione. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [The CSTO and the South Caucasus: Prospects for Peace and Security in the Region. Materials of the international conference]*. Yerevan, pp. 126-140.

Atoyan V. K. (2015) Vneshnepoliticheskij vybor Armenii: politika obespecheniya maksimal'noj bezopasnosti [Armenia's Foreign Policy Choice: Maximum Security Policy]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 5 (3), pp. 96-120.

Ayvazyan A. M. (2018) Kollaps ili restart: konceptual'nye aspekty rossijsko-armyanskogo strategicheskogo soyuza. [Collapse or Restart: Conceptual Aspects of the Russian-Armenian Strategic Union]. *Ekonomiko-politicheskie strategii stabilizacii Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 100-letiyu Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve RF (pod red. V.T. Betanova)*. Vladikavkaz: IPC IP Copanova A.YU., pp. 14-33.

Bolgova I. V. (2018) Otnosheniya mezhdru Evropejskim soyuzom i Armeniej: model' «tihogo» sopryazheniya? [EU-Armenia Relations: A Silent Pairing Model?]. *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 2 (24), pp. 37-46.

Grigoryan G. P. (2017) Mezhdgosudarstvennye otnosheniya Armenii i Rossii v 1991–2016 godah [Interstate Relations between Armenia and Russia in 1991–2016]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1. pp. 77-91.

Harutyunyan O. V. (2011) Armeniya mezhdru Rossiej i ES [Armenia between Russia and the EU]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4*. no. 1 (19), pp. 160-164.

Minasyan S. (2013b) Vneshnyaya politika postsovetskoj Armenii: 20 let odnovenno na neskol'kih stul'yah [Post-Soviet Armenia's Foreign Policy: Twenty Years at Several Chairs Simultaneously]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1. pp. 85-92.

Smirnova A. V. (2019) Vzaimootnosheniya Rossii i Armenii: istoricheskie realii i perspektivy [Relations between Russia and Armenia: Historical Realities and Prospects]. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, no. 4 (6), pp. 29-41. DOI: 10.5281/zenodo.3528153.

Tatunts S. A., Ponomareva A. M. (2017) Energeticheskaya bezopasnost' Respubliki Armeniya v kontekste ee vzaimootnoshenij s Rossijskoj Federaciej [Energy security of the Republic of Armenia in the context of its relationship with the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3. pp. 89-115.

Tokarev A. A., Margoev A. R. (2019) Vliyanie armyanskih elitnyh grupp na otnosheniya s Rossiej posle tranzita vlasti [Impact of Armenian Elite Groups on Relations with Russia after the Transition of Power]. *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 4 (30). pp. 50-57.

Tsedilina E. V. (2013) Strategicheskaya dilemma Armenii [The Strategic Dilemma of Armenia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 2. pp. 17-28.

Zhuchkova Yu. V., Miroshnikov S. N. ES i Armeniya: ne vse poteryano? [EU and Armenia: All Is Not Lost?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriya*. no. 50. pp. 64-68.

Об авторах

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета. Адрес: ул. Алека Манукяна 1, 0025 Ереван, Армения. Email: atanesyan@yandex.ru

Челпанова Диана Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ФГБУ науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук». Адрес: пр. Чехова 41, 344006 Ростов-на-Дону, Россия. Email: chelpanova@ssc-ras.ru

About the authors

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University. Address: Alex Manoogian 1, Yerevan 0025, Armenia. Email: atanesyan@yandex.ru

Diana D. Chelpanova, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Research Fellow, FSBI of Science "Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences". Address: Chehova 41, 344006 Rostov-on-Don, Russia. Email: chelpanova@ssc-ras.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 16.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990016458-5

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original Article

Нация и легитимность¹

© И.Е. ДИСКИН*

Дискин Иосиф Евгеньевич, Институт прикладных политических исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия),
Idiskin9@gmail.com

Аннотация. Легитимность отечественной институциональной системы можно назвать важным фактором политической стабильности и условием для решения актуальных задач социально-экономического развития. На легитимность сегодня оказывает негативное влияние ряд новых факторов. Следовательно, необходимо разработать объяснительную схему об условиях выработки мер упрочения легитимности. Прежде всего, важно выделить институты легитимации институциональной системы. Исторический и трансформационный анализ показывает, что в условиях секулярного общества нация выступает институтом такой легитимации. Одновременно «нация» как социальный институт выполняет функцию интеграции ценностей и социальных интересов, которые выступают значимым фактором эффективности институциональной системы.

Ключевые слова: легитимность, исторический анализ, трансформационный анализ, нация, социальный институт, ценности, социально-экономические интересы.

Цитирование: Дискин И.Е. (2021) Нация и легитимность // Общественные науки и современность. № 4. С. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5

Nation And Legitimacy

© I. DISKIN

Iosif E. Diskin, Institute for Applied Political Studies of Higher School of Economics University (Moscow, Russia), Idiskin9@gmail.com

Abstract. The legitimacy of the domestic institutional system is a significant factor of political stability and an important condition of solving current socio-economic development problems. Several new factors negatively influence legitimacy. An explanatory scheme is needed of the conditions for developing

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках проекта РФФИ 21-011-31887 опп. Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения.

Acknowledgments. The article was prepared with financial support of RFBR, project number 21-011-31887 “The Legitimacy of the Russian Socio-Political System: Problems, Specifics, Ways of Consolidation”

effective measures to strengthen legitimacy. First, it is important to highlight institutions of institutional legitimization. Historical and transformational analysis shows that in a secular society the nation is the institution of such legitimation. At the same time, the "Nation" as a social institution functions to integrate values and social interests, which are significant factors in the effectiveness of the institutional system.

Keywords: legitimacy, historical analysis, transformational analysis, nation, social institution, value, social interests.

Citation: Diskin I. (2021) Nation And Legitimacy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.4, pp. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5 (In Russ.)

Актуальность. В последние годы легитимность государственной власти и институциональной системы стала предельно актуальной проблемой и находится в фокусе идейно-политической борьбы. Исходной для нас здесь служит позиция Ю. Хабермаса: «Притязания на легитимность связаны с социально-интегративным сохранением нормативно сформированной социальной идентичности» [*Habermas* 1979, 182]. Данная статья ориентирована на институциональный анализ, в качестве определения легитимизации будет использована концепция Т. Парсонса: «Функция легитимации независима от операционных функций социальной системы. Никакой нормативный порядок никогда не может являться самолегитимирующимся в том смысле, что одобренный или запрещенный способ жизни автоматически рассматривается как правильный или независимый безо всяких объяснений» [*Parsons* 1993, 103]. Обвинения власти в нелегитимности ныне стали стандартным приемом борьбы [*Манойло, Стригунов* 2020].

За последнее время сменился вектор влияния факторов, которые ранее подкрепляли легитимность институциональной системы:

- Стагнация экономики привела к кризису социальных ожиданий. Ожидания устойчивого роста благосостояния у населения обрушились, что привело к обостренному восприятию социально-экономических проблем.
- Изменились ценности россиян. По данным ВЦИОМ, сегодня две трети граждан оценивают существующую систему как «несправедливую». Тревожность массового сознания, которая появилась в результате пандемии коронавирусной инфекции, привела к росту аффективных реакций.

Сократились возможности использовать «заимствованную харизму»². Многие популярные лидеры заняли нигилистическую позицию и оказывают жесткий моральный прессинг на «лоялистов». Яркий пример – «казус Анны Федермессер»: общественный деятель, который претендовал на роль гражданского лидера, в результате прессинга отказался от участия в выборах.

В четвертый раз за историю России значительная часть интеллигенции стала считать неприличным высказываться в поддержку действующей власти³. Здесь важна не относительная немногочисленность данной группы, но общественная реакция двух противостоящих полюсов общественного мнения. Данные настроения стали заметным фактором влияния на нравственный климат и, соответственно, на легитимность системы.

Среднесрочные риски подрыва социально-политической устойчивости не слишком велики. Однако и игнорировать их было бы непростительной беспечностью.

² Так, советская система, которая испытывала дефицит легитимности, активно использовала харизму выдающихся деятелей науки и искусства, согласившихся на сотрудничество. Ради их поддержки власть была готова закрывать глаза на действия, абсолютно недопустимые для функционеров и простых граждан.

³ Такая ситуация была характерна для конца XIX века – начала и 80-х годов XX века. Каждый раз она вызывала социально-политическую дестабилизацию.

Важной особенностью отечественной общественной системы, которая определяет ее легитимность, можно назвать высокое значение нравственного измерения [Дискин 2021]. В связи с данной особенностью подрыв нравственного фундамента легитимности социально-политической системы представляет собой основной источник социально-политической напряженности и рисков.

Проблема легитимации не исчерпывается ее влиянием на социально-политическую систему. При снижении легитимности завышаются оценки социально-политических рисков, в результате чего падает инвестиционная активность и деловая активность в целом. Жизненные планы населения становятся более неопределенными, что не способствует его социально-экономической активности. Снижение легитимности приводит к тому, что оппортунистическое поведение становится более приемлемым. Так, в 1990-х гг. нарушение правовых и нравственных норм зачастую выставляли напоказ, демонстрируя «неприкосновенность» и высокий социальный статус.

Признание легитимности институциональной системы можно назвать важной предпосылкой для позитивной внутренней мотивации основных ее акторов. Без нее институциональное функционирование может полагаться лишь на внешний контроль, прежде всего, на правовые репрессии. Однако его ресурс ограничен: он может работать при использовании простых инструментов, но отказывает в сложных случаях. Соответственно, переход к современным средствам регулирования требует высокого уровня легитимности институциональной системы [Дискин 2016].

Представляется, что поддержка институциональной системы сегодня больше основана на инерционной легитимности, на опасениях большинства, что крушение стабильности приведет к неприемлемым рискам для их благосостояния и безопасности. Тем не менее, крайне неосмотрительно полагаться на такую легитимность, так как кардинальный слом норм жизни, как показывает исторический, да и наш недавний опыт, может подорвать ее основы [Российский прорыв... 2019]⁴.

Таким образом, актуальность проблемы обусловлена как вызовами стабильности, так и задачами развития страны.

Поиск концепта. В сложившихся условиях необходимо найти пути упрочения легитимности отечественной институциональной системы, которые будут основаны на адекватной теоретической концепции. Попытки обойти эту логику чреваты рисками. Можно поспорить со знаменитым тезисом К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955]. Попытки изменить мир, не объяснив его предварительно – все равно, что кувалдой чинить часовой механизм.

Важным подспорьем здесь может стать исторический опыт. Проблема легитимности власти традиционно была одной из ключевых. Например, в древнем Китае вопрос о легитимности решался через «небесный мандат». Утрата такого мандата подрывала легитимность власти и добавляла ее народным восстаниям.

Религиозная санкция была важнейшим условием легитимности. Ее символом был священный обряд «помазания на царство». Посягательство на особу, которая прошла через этот обряд, рассматривалось как попрание основ христианства. Католическая Европа восприняла казнь Марии Стюарт как такое попрание и легитимный *casus belli* против «безбожной» Елизаветы I. Даже республики средневековой Европы заботились о своей религиозной легитимации и соответствующих санкциях римских первосвященников.

⁴ «Виден реальный риск, что социальное нетерпение части дезориентированного, но достаточно активного общества может создать социально-политические напряжения, сорвать реализацию задач российского прорыва, еще до того, как большинство сможет почувствовать реальные благие перемены в качестве своей жизни, в реализации своих запросов и ценностей». Специальный доклад Общественной палаты РФ «Российский прорыв и задачи гражданского общества». М. ОП РФ. 2019.

Приведенные примеры говорят о том, что легитимность была укоренена в нравственных представлениях того времени.

Процессы секуляризации изменили ситуацию: начались поиски новых оснований легитимации власти. Выдвигались различные компромиссные концепции, основанные как на сохранении роли религии, так и на усилении значимости рационализированной нравственности и легальности.

Упомянутый приговор Марии Стюарт был основан на принципе, что никто не может быть выше закона. Нужно по достоинству оценивать значение данного революционного шага английского парламента. Решение законодателей утвердило легальность как незыблемый приоритет, привело к появлению нового государственного порядка, связанного с обращением к Разуму. Становление данного порядка поставило в повестку дня проблему поиска новых, секулярных оснований легитимации. Великая французская революция радикально порвала с религиозными основаниями легитимности и выдвинула идею о кардинально новом источнике легитимности – «нации».

Алексей Миллер в своей публичной лекции так характеризует рассматриваемый процесс: «То, что называется современным понятием «нация», возникает во Франции, в контексте Великой французской революции, где говорится о нации как о единственном легитимном источнике власти и права. Это было вполне революционно, потому что прежде власть происходила от Бога. Было божественное право, и тут оказалось, что нация – это суверен» [Миллер 2020].

В данной трактовке легитимность вновь стали рассматривать как более фундаментальную, нежели легальность, основу власти. Место Бога заняла нация. Подобное понимание, среди прочего, заложило основы для прочной легитимации революции. Появление новой концепции легитимации власти и, соответственно, государственных институтов породило дискуссию о природе нового субъекта легитимации.

Для нас важна соответствующая российская традиция. Тот же А. Миллер так отвечает на вопрос о российском генезисе понятия «нация»: «И тогда впервые люди занялись определением в русском контексте – что такое нация? Юрист государственной школы А.Д. Градовский пишет о народности как о «совокупности лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого. И эта совокупность имеет право образовать особую политическую единицу». И.В. Сталин намного позже определял нацию так: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только наличность всех признаков вместе взятых дает нам нацию» [Миллер 2020].

В том же русле определяет национальное государство академик В.А. Тишков. Он выделяет следующие характеристики: общая хозяйственно-экономическая основа; контролируемая центральной властью территория; общие ценности и культурные основы для большинства жителей страны [Тишков 2010].

Однако концепт нации как источника легитимности ставит проблему выявления сущности данного социального феномена. Приведенные выше определения ориентированы на задачи выявления границ государственных образований, а также на характеристики, которые позволяют отграничить нацию, установить ее географические и этнические рамки.

Такая фокусировка вполне объяснима. Ее можно назвать реакцией на волну национально-освободительных движений и революций, которая началась в Европе с середины XIX века. Вопрос границ, которые отвечали бы требованиям национальной целостности, был наиболее острой проблемой политической жизни Европы того времени.

Вместе с тем приведенные выше определения не затрагивают вопрос о сущности «нации». В рамках данного обсуждения нас интересуют как раз ее сущностные характеристики. Мы вряд ли сможем продвинуться в понимании роли и функции «нации», не выходя за пределы исторического или этнографического дискурса.

Нация – институт легитимации

Субстантивный ответ, как представляется, лежит в парадигме институциональной социологии, которая характеризует структуры, отвечающие за социальное функционирование.

В рамках такого подхода функционал «нации» определяется как источник легитимности власти. Такой ответ ставит ее в один ряд с другими источниками легитимности: религией, харизматическим лидером, «помазанниками Божиими», обладателями «мандата неба» и т.д.

Согласно данной логике, «нация» находится в одном историческом и функциональном ряду с институтами-источниками легитимности и также может считаться социальным институтом, который ее генерирует. Похожесть функций указывает на сходство социальной природы структур, которые данные функции реализуют. Здесь можно провести аналогию с «институциональным изоморфизмом» – понятием, которое предложили неoinституционалисты [Ди Маджио, Пауэлл, 1983]. Оно означает схожесть социальных институтов или структурную эквивалентность институциональных элементов, которые занимают «схожие позиции в социальной структуре».

Напомним определение классика институционализма Дагласа Норта: «Институты – правила, механизмы обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [North 1990, 239].

Такой взгляд также дает возможность связать смену источников легитимности с процессами социальной трансформации [Дискин 2021]. Смена этапов социальной трансформации и основных механизмов социального регулирования служат предпосылкой для изменения социальных механизмов легитимации. Так, снижение роли религиозных норм и санкций, усиление влияния секулярных ценностей и рационального выбора меняют и основания легитимации. Выше мы уже рассматривали данный процесс на примере казни Марии Стюарт.

Трансформационные изменения приводят к тому, что меняются и социальные институты, которые обуславливают легитимность.

Такой подход к определению «нации» «расколдовывает» феномен, позволяет преодолеть романтические иллюзии и догматизм. Открываются новые теоретические возможности для анализа функционирования «нации», появляется возможность дать эмпирический ответ на многие вопросы о таком функционировании.

Так, например, институциональный подход предоставляет возможность поставить вопрос о регуляторном влиянии «нации» и его факторах. Важно оценить, в какой мере ценности, нормы и представления, которые составляют сущность национального самосознания, оказывают влияние на жизненные ориентиры общества, на деятельность его слоев и групп.

При обращении к институциональному подходу мейнстримные показатели и признаки «нации» выступают функциональными условиями реализации рассматриваемого критерия.

Здесь также открывается возможность для анализа легитимных источников ценностей, норм и представлений. В результате формируется путь для функционального анализа социокультурных регуляторов нации: традиций, исторического, культурного и религиозного наследия и, конечно же, морали.

Возможность анализа ресурсов упрочения легитимности выступает дополнительным аргументом для использования институционального подхода. Его важность связана также с тем, что речь идет о неформальном институте. Однако неформальный характер «нации» как института не означает его априорно низкую регулятивную мощь. Напротив, при определенных условиях нация способна решать те задачи, которые не под силу какому-либо формальному институту.

Чтобы «нация» как социальный институт могла порождать легитимность, она, по аналогии с другими легитимирующими институциями, должна генерировать, по выражению Э. Шилза, «институционализованную харизму» [Shils 1978, 266]. «Нации» необходимо внушать членам сообщества веру в ценности и представления, которые представляются имманентными для нее и значимыми для ее членов с реальными регулятивными возможностями. Социальное воздействие таких представителей сообщества обеспечивает генерацию и трансляцию «институционализованной харизмы».

За данным выводом стоит сложная картина взаимодействия ядра ценностей, мифов и представлений, которые определяют специфику «нации», с социальными слоями и группами, влияние которых обеспечивает «институционализованную харизму».

Можно вспомнить пример, когда элиты Франции 30-х годов прошлого века, которые соревновались в реваншистских лозунгах, оставили страну на поругание захватчикам. Понадобилось историческое чудо в лице полковника (вернее, временного бригадного генерала), заместителя министра обороны Шарля де Голля, чтобы возродить способность французской нации генерировать «институционализованную харизму».

Данная функция «нации» не обязательно лежит в области метафизики, хотя и у такого ее понимания есть своя историческая традиция. Для нас важнее определение Т. Парсонса: «Харизма – не метафизическая сущность, а эмпирически наблюдаемое качество людей и вещей, связанное с человеческими действиями и установками» [Парсонс 2000, 190].

Такое понимание делает харизму не только важным средством легитимности, но и предметом эмпирического анализа. Соответственно, эффективность «нации» тесно связана с тем, способна ли она генерировать «институционализованную харизму» и создавать прочный фундамент институциональной системы.

В результате можно выдвинуть гипотезу, что для выработки «институциональной харизмы» важно формирование «нацией» нравственно-этической конвенции, которая сильно влияет на формирование мотивов и моделей социального действия. В данном моменте заключается кардинальное отличие нравственного воздействия от идеологического импринтинга. Конвенция предполагает определенную органику ценностей и интересов, тогда как идеологии присваивают статус императива определенным ценностям.

Нация: интеграция ценностей и интересов

При рассмотрении функций «нации» следует обратить внимание на еще одну из них, которая непосредственно связана с легитимацией.

Речь идет о роли нации в интеграции ценностей и интересов. Данная функция выступает важным условием для того, чтобы «нация» была способна обеспечить легитимность. В процессе социального развития, тесно связанного с рационализацией различных сторон жизни, выстраивается определенная иерархия ценностей, которая влияет на формирование жизненных стратегий. Именно в процессе рационализации происходит координация между ценностями, с одной стороны и социальными интересами, с другой [Дискин 2021, 148-158]. Результатом может стать как гармонизация и интеграция системы ценностей и интересов, так и их конфликт или когнитивный диссонанс.

Генерировать «институционализованную харизму» сложно при слабом уровне интеграции, серьезных противоречиях между ценностями и социально-экономическими и политическими интересами. Рефлексия интересов, которые противостоят базовым ценностям, будет подрывать влияние ценностей.

В результате «нация» разрушится, влияние разнонаправленных элементов социальной структуры возрастет, произойдет подрыв социально-политической стабильности. Примеров такого рода развития событий очень много, в том числе и отечественных.

Исторически, по мере распространения рациональной социальной рефлексии в гражданском обществе Запада возникала сеть институтов интеграции ценностей и интересов: политические клубы, аристократические и интеллектуальные салоны. В ходе дискуссий их участники сопоставляли ценности и интересы, создавали идеологические тезисы – синтез устоявшихся традиций и новых идей.

Соответственно, способность «нации» к социальной интеграции под влиянием ценностей, норм и представлений можно назвать индикатором ее эффективности.

Данное утверждение имеет значение в связи с тем, что в современном развитии существует тенденция на снижение роли тех институтов, которые обеспечивали интеграцию ценностей и интересов. Дисфункция в согласовании ценностей и интересов привела к поляризации их влияния на различные сообщества. Регуляторами для одних слоев и групп становятся в основном ценности, зачастую в их аффектированном изводе, а для других – интересы, доведенные до цинизма.

Актуальность указанной проблемы повышается. Политические партии – институты, которые в условиях секулярного общества должны обеспечивать интеграцию ценностей и интересов – справляются с ней не слишком успешно. Из-за данного сбоя возникает проблема институционального функционирования.

Для решения проблемы необходимо перейти на более высокий уровень интеграции общезначимых социальных ценностей и базовых общественных интересов – сформировать упомянутую выше нравственно-этическую конвенцию. Нравственно-этическое «ядро» данных ценностей и интересов способно объединить нацию и одновременно характеризует ее. Вполне очевидно, что в секулярном мире единственным институциональным претендентом в роли «ядра» выступает «нация». Нет другого социального института, который смог бы взять на себя данную функцию. Именно характер социального функционирования «нации» возлагает на нее еще и функцию социальной интеграции.

Стоит отметить, что существует также влиятельная марксистская идейно-политическая традиция, которая утверждает, что в классовом обществе такое ядро не может существовать. Согласно ее тезисам, в ситуации противостояния классовых интересов и порожденных ими идеологических позиций не может возникнуть сочетание ценностей и интересов, которое формировало бы «нацию» как интегрированный социальный институт. Классовые интересы превалируют над национальными ценностями и блокируют возможности социальной интеграции.

История уже опровергла такого рода концептуализацию: есть множество примеров того, как внешние угрозы свободе и независимости, внутренние вызовы государственным устоям приводили к национальному сплочению, которое преодолеvalo классовые различия. Можно говорить о националистическом угаре или об ослеплении масс, но необходимо объяснить, почему данный эффект неоднократно повторялся.

Подобные проявления национального сплочения свидетельствуют, что ядро интегрированных ценностей и интересов может существовать как минимум в латентном виде. Составляющие части «ядра» проявляют свое влияние тогда, когда они остро проблематизируются и становятся доминирующими. Данная тенденция выражается в патриотическом подъеме, яркий пример которого Россия переживала совсем недавно, когда Крым и Севастополь «вернулись в родную гавань».

Имеется и альтернативная «либеральная» позиция, согласно которой интернациональное ядро можно сформировать из внеисторических, «общечеловеческих» ценностей. Институт «нации» появился в результате утраты сакрального статуса теми институтами, которые ранее осуществляли интеграцию общества и легитимацию институтов. Либералы Нового времени, которые стремились сократить роль церкви и десакрализировать монархию, всемерно содействовали упрочению «нации».

В нашем анализе вряд ли возможно обойти такую альтернативную стратегию институциональной легитимации, как глобальная «неолиберальная» гражданская религия. Статус ценностей свободы и демократии начал радикально меняться в результате мировой демократической революции, которая началась во Франции в мае 1968 года. Они стали «суперценностями», которые субординируют все остальные ценности и институциональные нормы – по сути, обрели религиозный статус [Легойда 2016].

Одновременно в ходе новой волны глобализации транснациональные компании и международные финансовые институты стремились установить глобальные институциональные нормы, которые позволили бы им комфортно вести бизнес в странах, где исторические, культурные и религиозные традиции далеки от либеральных стандартов. Ценностным основанием глобальных институциональных стандартов как раз и стали догматы новой гражданской религии⁵.

«Общечеловеческий» статус данных ценностей позволял использовать их в качестве стандарта для требований к национальным институциональным системам. Отклонение от правил становилось основанием для делегитимации соответствующих режимов.

Соответственно, по мере становления гражданской религии, отношении либералов (точнее «псевдолибералов») к нации начало кардинально меняться. Они больше не желали мириться с данным институтом как с конкурентом в борьбе за монополию в оценке легитимности режимов, за установление норм государственной политики и общественной морали. В результате сегодня любые попытки анализа роли «нации» в социальном и институциональном развитии наталкиваются на обвинения в апологии национализма.

Совершенно не случайно также, что проблематика национального функционирования сегодня сфокусирована на межнациональных отношениях. В качестве альтернативы данному подходу предлагают мифологизированные суждения, но не теоретический анализ. Из-за соответствующей аналитической лакуны сузилась политическая проекция функционирования нации в качестве ценностных оснований политической системы. Плодом такого подхода служит тезис: «...политическая нация может возникнуть только в результате *выкраивания* ее центральной ценностной системы из всей совокупности ценностей, исторически и ситуативно доступных для мобилизации в целях nation-building, а также в результате *выстраивания* центральной институциональной системы с неизбежностью вторичной и служебной по отношению к центральной ценностной, поскольку ценности могут легитимировать институты, *non vice versa*» [Каспэ 2012, 60]. Из-за радикальности и концептуальной широты данного тезиса, его развернутого и фундированного обоснования необходимо подробно рассмотреть включенные в него положения.

Важно, что автор признает ценностные основания институциональной системы, ее легитимности. В то же время вызывает сомнение тезис о возможности *выкроить* ее центральную ценностную систему.

Во-первых, ценностная система в основе нации вряд ли может появиться в результате рукотворного и политтехнологического процесса «выкраивания». Данная система формируется в результате достаточно масштабных, прежде всего, исторических процессов. Рукотворное вмешательство может лишь внести в нее некоторые нюансы. В то же время попытки «выкроить» систему без учета исторических и культурных предпосылок приведут лишь к тому, что ценности, на которых предполагается строить политическую нацию, будут находиться в осаде более широкого общественного ценностного контекста. Кстати, так и происходит с нашим «либеральным» крылом.

⁵ Уместно отметить, что значительную часть идеологов глобальной неолиберальной революции составляли бывшие троцкисты, отрешившиеся от прежних идеалов мировой пролетарской революции.

Во-вторых, если игнорировать интеграцию ценностей и интересов, обращаться лишь к ценностным основаниям институтов, рефлексия противостоящих интересов будет систематически подрывать такие основания.

В-третьих, указанный подход не случайно фокусируется на формировании политической нации и изоляции процесса. Данная тенденция связана с концепцией изолированного становления государственных институтов, оторванных от более широкого контекста институционализации в целом. В условиях изоляции ценностей и интересов появляются предпосылки для идеологической мобилизации активного социального ядра, которое будет ориентировано на радикальные социально-политические ценности. Здесь уже вполне работает логика *выкраивания* нигилистического ценностного ядра.

Рассмотрим еще одну сторону интегративной роли «нации». Данный институт не только интегрирует ядро ценностей и интересов, но и формирует ориентиры для более инструментальных ценностей и норм. Таким образом, «нация», выполняя интегративную функцию, создает общие рамки и ориентиры для всей легитимной институциональной системы.

Сегодня же ее формирование идет фрагментарно. Различные элементы институциональной системы создают разнородные и разнонаправленные требования к социальным акторам. Внимательный наблюдатель может увидеть различия в ценностных подходах в основе, например, Гражданского и Трудового кодексов.

Наличие таких противоречий обосновывают тезисом об автономности ценностных оснований институтов, которые регулируют разные секторы социальной жизни. При всей справедливости этого утверждения следует признать, что такого рода автономия носит не абсолютный, а относительный характер. Иначе институциональная система не смогла бы взаимодействовать по горизонтали. Различные ее элементы вступали бы в ценностную, если не идеологическую, войну.

Для того, чтобы указанные противоречия не стали основанием для коллизий, необходимо сформировать интегрирующее ядро «общенациональных» ценностей и представлений, которое будет задавать ориентиры для соответствующих институциональных сегментов и секторов. Мы вновь приходим к пониманию, что в условиях секулярного и не слишком идеологизированного общества «нация» становится единственным институтом, которые формирует необходимые требования.

Важно также учесть, что одной из функций «нации» можно назвать профилактику институциональной «ловушки» тоталитаризма. В тоталитарных рамках на «нацию» возлагают не только функции легитимации всей системы институтов, но и тотальный контроль над ней. Соответствующие подсистемы лишаются какой-либо автономности.

Тоталитарный вариант, как следует из нашего обсуждения, должен быть отвергнут не только по нравственным основаниям. Он не способен обеспечить устойчивую интеграцию ценностей и интересов. Тоталитарные идеологические устремления неизбежно создадут жесткий каркас требований ко всей институциональной системе.

Подобные стремления подкрепляются идеологической мобилизацией и репрессиями, что неизбежно ведет к конфликтам с различными слоями и группами населения, к социальной дезинтеграции. Данное соображение можно назвать аргументом в пользу гипотезы о продуктивности нравственно-этической конвенции, которая позволяет избежать идеологического прессинга.

В результате тоталитарного функционирования «нации» размываются ценностные основания институтов, снижается их легитимность и как следствие падает эффективность.

Примером такого рода национальной консолидации могут служить действия лидеров ряда постсоветских государств – прежде всего Украины. Сегодня уже можно оценить, как подобные стратегии повлияли на социально-экономическую сферу. В определенном смысле они были успешны: этнократические элиты в таких государствах сохранили

свою власть. Однако можно усомниться том, что «нация» в них успешно функционирует как социальный институт. Прежде всего пострадала ее интегрирующая функция.

Таким образом, наше обсуждение показало значение роли нации в легитимации системы социальных институтов и в интеграции базового ядра ценностей и интересов.

Также стало очевидно, что для того чтобы реализовывать данные функции, необходимо иметь регулятивную «институциональную харизму». Одновременно нет особого смысла обсуждать вопрос, в какой мере российская нация сегодня справляется с данной задачей. Вряд ли данный показатель можно назвать удовлетворительным, но данная особенность в большой степени связана с тем, что такие темы пока даже не присутствуют в общественном обсуждении. Наша задача как раз состоит в том, чтобы создать концептуальные предпосылки для заполнения лакуны. Соответственно, важно выявить, по каким причинам она появилась. Прежде всего, данный процесс связан с технократическими и бюрократическими увлечениями, которые наблюдаются во время преобразований: из-за них при обсуждении успеха трансформаций игнорируют повлиявшие на него макросоциальные условия.

Имеются и идейно-политические причины. Акторы, которые борются за идеологическое преобладание, с одной стороны, и административно-бюрократическое стремление к деидеологизации общественного дискурса с другой, хотят усилить роль «нации», так как рост ее значения не усилит их влияние.

Имеется и еще одна причина. Рассмотрение «нации» как социального института неизбежно ведет к анализу реального вклада акторов, которые участвуют в ее функционировании. В итоге начнется пересмотр их роли и влияния разных групп. Акторы опасаются лишиться уже устоявшегося статуса. По нашему мнению, указанный фактор можно назвать значимым мотивом для блокирования такого пересмотра. Тем не менее есть надежда, что нужда в более эффективном функционировании «нации» приведет к пересмотру позиции, а также увеличит усилия, направленные на эффективную реализацию «нацией» имманентных ей функций.

Нация: отечественная специфика

В дальнейшем анализе необходимо выявить специфику российской нации. Непонимание данного аспекта мультиплицирует и без того существенные риски национального развития.

Были предприняты многочисленные попытки обойти проблему понимания специфики нации через описательные характеристики. Недостаток данного подхода, при всей привлекательности многих замечательных наблюдений и замечок, состоит в том, что он исключает из анализа институциональные характеристики.

Специфику, как представляется, возможно определять через конкретную, исторически сформированную траекторию социальной трансформации [Дискин 2021, 195]. Она создает рамки регуляторных механизмов для всей системы социальных институтов, включая «нацию».

Историческая констелляция социальных регуляторов обуславливает и отличительные особенности в структуре ценностей, норм и представлений, которые характерны для российской нации. В рамках российской траектории сохраняется высокое регуляторное влияние партикулярных ценностей, а также исторических, культурных, этнических и религиозных традиций, в чем заключается ее специфическое отличие [Дискин 2016].

Представляется, что именно подобная специфика задавала тренд развития российской классической культуры, в рамках которой активно используются темы нравственности.

Нравственная проблематика приобрела крайне высокий, почти абсолютный статус именно в отечественной культурной традиции. Данная особенность русской культуры

объясняет ее огромное влияние на мировую художественную культуру, в которой тематика нравственности не поднималась до таких императивных высот.

Соединение влиятельных, «живых» социокультурных традиций с огромным воздействием классической русской культуры обусловило еще одну важную отечественного национального развития. В нашей национальной традиции, как нигде, высок уровень нравственных требований к «родным и близким». К «близким» (не только к кровным родным, но и к друзьям, соученикам, сослуживцам и коллегам) предъявляют высочайшие по своей эмоциональной напряженности требования.

Здесь уместно упомянуть мнение такого включенного наблюдателя, как Владимир Познер. В своем интервью о различии в представлениях американцев и россиян известный телеведущий сказал: «Если в России вы знакомите человека и говорите «это мой друг», вы тем самым делаете заявление, и человек, если он русский человек, он понимает, что это не просто ваш приятель, он не коллега, а друг! И это имеет определенное звучание, что я этому человеку доверяю, что я его люблю, что он мне близок, то есть этим словом я все это говорю» [Познер 2020].

Мнение Познера подкрепляется социологическими исследованиями. В ходе опроса ВЦИОМ был задан вопрос: «Существует ли «русский характер» – набор черт, характерных для большинства русских людей?» В данном вопросе общественность практически приходит к консенсусу. Более двух третей респондентов (70%) считают, что существует. Чаще данного мнения придерживаются люди в возрасте 35–44 лет (78%). Среди черт «русского характера» те, кто признает его наличие, выделяют в первую очередь доброту, душевность и эмпатию (32%). К чертам «русского характера» относят также мужественность, упорство, стойкость, целеустремленность (23%), терпимость и безотказность (18%), взаимовыручку и товарищество (14%). Патриотизм, гордость (13%), честность, искренность (11%), оптимизм (9%) – по мнению участников опроса, данные положительные качества свойственны большинству русских людей [ВЦИОМ 2020]. Указанные результаты подтверждают тезис о том, что на специфику российской нации оказывают сильное влияние партикулярные ценности [Дискин 2016].

Приведенные выше данные вполне подкрепляют наши суждения о специфике российской нации. Тем не менее в рамках дискуссии об институциональном ее измерении следует выделить и специфические механизмы ее функционирования. Частью системы воспроизводства российской нации служит, например, такой уникальный социальный институт как «кухня», где не столько готовят, сколько «говорят по душам». Следует также отметить, что «разговоры по душам» выступают незаменимым инструментом воспроизводства нравственных стандартов. Они постепенно задают нравственные ориентиры в расширяющихся социальных средах и влияют на конфигурацию ценностного и нравственно-этического «ядра» нации.

Ключевое звено упрочения легитимности

Изложенные выше представления создают предпосылки для поиска путей повышения эффективности «нации». При этом важно учесть специфические особенности современного функционирования данного института.

Необходимо принимать во внимание то, как меняется влияние социальных агентов, которым принадлежит легитимное право устанавливать ее нормы и правила. Данная проблема имеет особое значение для «нации», где авторитет лидера в большой мере влияет на ее характер. Именно поэтому Макс Вебер уделял такое внимание харизме и ее источникам. Соответственно, и историки, и политологи традиционно фокусируются на роли национальных лидеров. Экстремальным выражением данной роли становились разного рода волонтаристские концепции.

В последние десятилетия (с 1968 г.) в странах Запада снижается роль общезначимых национальных лидеров. Сказались тенденции демократической революции, которые выражаются в разрушении механизмов формирования и признания авторитетов. Свою немалую роль в развале системы авторитетов сыграли также нормы Сети. Все акторы в Интернете априорно равны, вне зависимости от их квалификации и практического опыта. Огромное влияние приобрели блогеры, которые эксплуатируют мифы и аффекты массового сознания.

Важным фактором также стало то, что адепты нелиберальной гражданской религии стремятся делегитимизировать любые ценности и представления (в том числе и «нацию»), которые расходятся с догматами их «религии».

Данные тренды негативно сказались, прежде всего, на неформальных институтах, включая «нацию». Их ценности, нормы и представления размывались, их регуляторность снижалась.

На Россию указанные тенденции также повлияли. Результатом стала сегментация общества по самым разным основаниям. Сегменты стали ориентироваться на локальных лидеров⁶. Симптоматично, что даже признание «фолловерами» кого-то в качестве лидеров вовсе не означает, что они следуют мнениям и суждениям своих «лидеров» в социальной жизни.

Указанные факторы выступают значимым барьером и вызовом для консолидации «нации». Налицо риски того, что влияние ее нравственно-этического ядра может снизиться.

Нужно, например, признать, что слабость его влияния привела к тому, что при оценке знаний школьников нельзя полагаться на нравственные барьеры родителей, учителей и самих учеников. В результате появилась необходимость в «объективном» ЕГЭ, который исключает «человеческий» фактор.

Можно сделать вывод, что повышение роли нравственно-этических регуляторов основательно влияет на рост эффективности «нации».

Отметим, что попытки идеологической консолидации были бы контрпродуктивны. Они бы привели лишь к росту социально-политической напряженности и падению влиятельности общенациональных представлений.

Стратегия поэтапной нравственно-этической консолидации выглядит более реалистичной. В ее рамках важно выстроить конвенцию нравственно-этических представлений, которые смогут объединить большинство авторитетных общественных лидеров. Речь не идет о «консенсусе», который вряд ли достижим в современном разобщенном обществе. Если отсечь радикалов разного толка, которые считают нравственные уступки недопустимыми, можно достичь «конвенции большинства» на основе латентных нравственных представлений россиян.

Анализ показывает, что российское общество можно назвать вполне здоровым – оно обладает достаточно консолидированными нравственными оценками [Летухов 2015]. Тем не менее, многие люди не считают возможным действовать с опорой на свои нравственные представления из-за опасений о том, что «другие» корыстно этим воспользуются. Рассматриваемая стратегия нацелена, прежде всего, на преодоление подобных опасений, упрочение в массовом сознании норм морали.

Конвенция, которая базируется на «живых» нормах и традициях россиян, кардинально отличается от пресловутого Морального кодекса строителей коммунизма, который воспринимался как идеологизированная догма и был отторгнут именно из-за своего статуса, а не из-за включенных в него моральных норм.

Общественные лидеры в результате совместных усилий могли бы разработать документ, который выражал бы их согласие по корпусу норм и ценностей, объединяющих

⁶ Согласно данным социологических, большая часть соответствующего социального сегмента считают своим лидером президента В.В. Путина. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rozhdenija-rossii>).

общероссийскую нацию. Сам факт такого согласия между лидерами с кардинально разными взглядами мог бы стать значимым импульсом для объединения.

Затем уже стало бы возможным продвигать общие нормы в массовое сознание. Вряд ли процесс станет простым и быстрым. В ходе общественной дискуссии могут быть предложены иные пути повышения регуляторного влияния общенациональных норм и ценностей. Главное, нужно двигаться в этом направлении. Данная статья приглашает к дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ. (2020) Русский характер. Социологическое исследование. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter>).
- Дискин И.Е. (2016) Институты: загадка и судьба. М. Политическая энциклопедия.
- Дискин И.Е. (2016) Консервативная модернизация М.: Политическая энциклопедия. 2021.
- К. Маркс. (1955) Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс. Ф. Энгельс. Сочинения. Второе издание. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Каспэ С.И. (2012) Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН.
- Легойда В.Р. (2000) Религиозность в безрелигиозную эпоху // Альманах «Альфа и Омега». № 1 (23), 2 (24), 4 (26). (<https://religions.am/wp-content/uploads/2017/05/>).
- Манойло А.В., Стригунов К.С. (2020) Делегитимизация выборов: новые технологии организации государственных переворотов от Лиссабона до Владивостока, от Каракаса до Минска. Доклад. Москва.
- Миллер А. (2020) Нация или могущество мифа. Публичная лекция polit.ru. 06 июля 2020. (<https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth>).
- Парсонс Т. (2000) О структуре социального действия. М.: Академический проект.
- Познер В. (2020) Владимир Познер – о «дружбе» в России и в Америке. Интервью. Познер Online. (<https://pozneronline.ru/2020/08/28987/>).
- Российский прорыв и задачи гражданского общества (2019). Специальный доклад. Общественная Палата Российской Федерации.
- Тишков В.А. (2010) Российский народ. Книга для учителя. М.: Просвещение.
- DiMaggio P., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48, No. 2. P. 147-160.
- North D.C. (1990) Institution, Institutional Change and Economic Performance. С.: Cambridge University Press.
- Shils E. (1975) Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago.: The Univ. Chicago Press.

REFERENCES

- DiMaggio P., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. vol. 48, no. 2. pp. 147-160.
- Diskin I. (2016) *Instituty: zagadka y sudba* [Institutions: Mystery and Destiny]. Moscow: Political encyclopedia.
- Diskin I. (2021) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization] Moscow: Political encyclopedia.
- Kaspe S. (2012) *Politicheskaya teologia i nation-building: obchie pologenia, rossiyskiy sluchay* [Political theology and nation-building: general provisions, Russian case]. Moscow: ROSSPENG.
- Legoida V. (2000) Religiznost v bezreligioznuyu epohu [Religion in the Non-religious Era]. *Al'manah Alfa i Omega*. vol. 1 (23), 2 (24), 4 (26). (<https://religions.am/wp-content/uploads/2017/05/>).
- Manoilo A. Strygunov K. (2020) *Deligitimazatsiya Vyborov. Noveye tekhnologiyi organizatsiyi gosudarstvennykh perevorotov ot Lissabona do Vladivostoka, ot Karacasa do Minska* [The Delegitimization of Elections. New Technologies for Organizing Coups from Lisbon to Vladivostok, from Caracas to Minsk]. Report. Moscow.

Miller A. (2020) *Naziya ily moguchestvo mifa* [The Mation or the Power of Myth]. Public lecture. Polit.ru. July 6, 2020. (<https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth>).

North D.C. (1990) *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Parsons T. (2000) *O structure socialnogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii projekt.

Pozner V. (2020) *Vladimir Pozner – o «druzhbe» v Rossii i v Amerike* [Vladimir Pozner about the Friendship in Russia and America]. An Interview. Pozner Online. (<https://pozneronline.ru/2020/08/28987/>).

Rossiyskiy Proryv y zadachy grazhdanskogo obchestva [Russian Breakthrough and the Challenges of Civil Society] (2019). Special report. Public Chamber of the Russian Federation.

Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago.: The Univ. Chicago Press.

Tishkov V. (2010) *Rossiyskiy narod. Kniga dlya uchitelya* [The Russian People. A Book for a Teacher] Moscow: Prosvecheniye.

Об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, ул. Воронцово Поле, 1. E-mail: Idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics). Leading Expert, Institute for Applied Political Studies of Higher School of Economics University. Address: Vorontzovo pole 1. Moscow. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 10.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 03.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 10.08.2021

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru